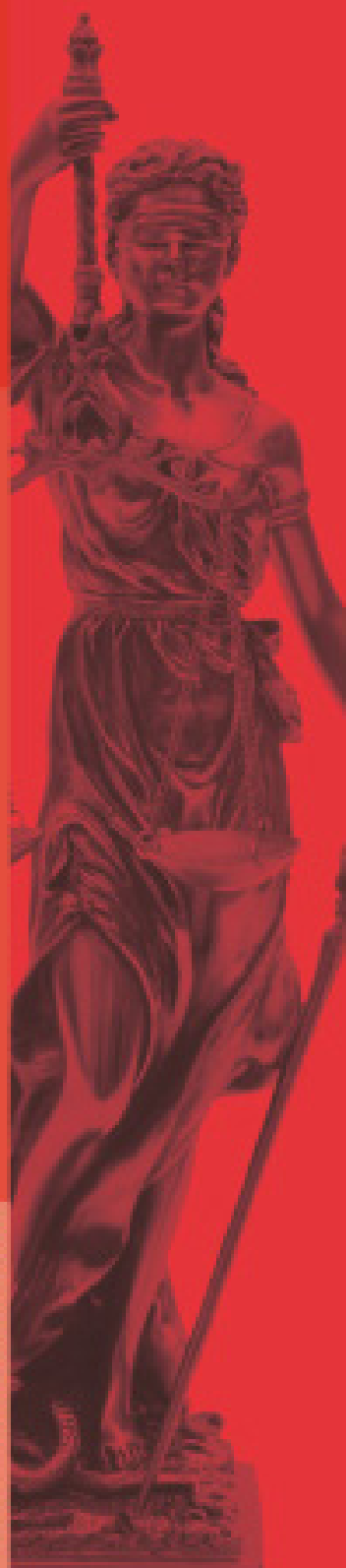




**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва



ISSN 2542-047X Print
ISSN 2782-2990 Online

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

JURIDICAL JOURNAL

OF SAMARA UNIVERSITY

Том 11 • № 1 • 2025 ГОД

Подписной индекс 80309

ISSN 2542-047X Print

ISSN 2782-2990 Online

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

JURIDICAL JOURNAL

OF SAMARA UNIVERSITY

Том 11 • № 1 • 2025 ГОД

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА JURIDICAL JOURNAL OF SAMARA UNIVERSITY

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С. П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Индексирование в базах данных: eLIBRARY.RU РИНЦ КИБЕРЛЕНИНКА CROSSREF

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, с 30.11.2017

Журнал издается с 2015 г. Выходит 4 раза в год 2025, Т. 11, № 1

Миссия журнала: отражение результатов оригинальных фундаментальных и прикладных исследований права на общетеоретическом, межотраслевом и отраслевом уровнях для целей совершенствования правотворчества и правоприменения; поддержание научного диалога и дискуссий представителей отечественных и зарубежных научных школ по актуальным вопросам права.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки
- 5.1.5. Международно-правовые науки

Главный редактор

А. Г. Безверхов, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Заместитель главного редактора

О. В. Климанова, канд. юрид. наук (Самарский университет, Самара, РФ)

Ответственный секретарь

В. Э. Волков, канд. юрид. наук (Самарский университет, Самара, РФ)

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара, ул. Академика Павлова, 1.

Тел.: +7(846) 3379963, 3379936

E-mail: Jjournal@inbox.ru

www: <http://http://journals.ssau.ru/jjsu>

Издатель: Самарский университет

Адрес издателя:

Центр периодических изданий Самарского университета

443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара,

Московское шоссе, 34, корп. 22а, 312 б.

Литературное редактирование, корректура

Т. А. Мурзинова

Компьютерная верстка, макет

Т. А. Мурзинова

Информация на английском языке

М. С. Стрельников

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер серии ПИ № ФС 77-68026 от 13 декабря 2016 г.

Подписной индекс в объединенном интернет-каталоге

«Пресса России» 80309

ISSN 2542-047X

Прежнее название – «Юридический вестник Самарского государственного университета»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-62511 от 27 июля 2016 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. ISSN 2410-8707

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+ Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

Подписано в печать 18.03.2025. Дата выхода в свет 31.03.2025

Формат 60х84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная.

Печ. л. 10,25.

Тираж 200 экз. (первый завод – 60 экз.). Заказ №

Отпечатано в типографии Самарского университета

443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара, Московское шоссе, 34.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

С 2015 г. полнотекстовая версия журнала размещается на сайте Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

С 2015 г. журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Редакционная коллегия:

А. Х. Абашидзе, д-р юрид. наук, проф. (Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, РФ)

А. И. Абдуллин, д-р юрид. наук, проф. (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, РФ)

Д. Б. Абушенко, д-р юрид. наук, доц. (Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, РФ)

А. А. Аубакирова, д-р юрид. наук, доц., академ. проф. (Алматинская Академия МВД имени Макана Есбулатова, Алматы, Республика Казахстан)

С. Ф. Афанасьев, д-р юрид. наук, проф. (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, РФ)

Драган Боланча, д-р права, проф. (Сплитский университет, Сплит, Хорватия)

Г. А. Василевич, д-р юрид. наук, проф., засл. юрист Республики Беларусь (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь)

Л. В. Головкин, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ)

Е. Ю. Грачева, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

В. В. Долинская, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

С. А. Дробышевский, д-р юрид. наук, проф. (Сибирский федеральный университет, Красноярск, РФ)

Н. Г. Жаворонкова, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

А. В. Иванчин, д-р юрид. наук, проф. (Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, РФ)

Т. В. Кленова, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Борис Кривокапич, д-р права, ординарный профессор (Университет «Унион – Никола Тесла», Белград, Сербия)

В. А. Лазарева, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

П. П. Ланг, д-р юрид. наук, доц. (Самарский государственный экономический университет, г. Самара, РФ)

С. В. Липень, д-р юрид. наук, доц. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

В. В. Полянский, канд. юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

С. Б. Россинский, д-р юрид. наук, проф., гл. научный сотрудник (Институт государства и права Российской академии наук, Москва, РФ)

В. Д. Рузанова, канд. юрид. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

К. А. Савельев, канд. юрид. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Ю. В. Самович, д-р юрид. наук, проф. (Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, Казань, РФ)

Е. А. Трещева, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Н. А. Шевелева, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ)

И. В. Шестерякова, д-р юрид. наук, доц. (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, РФ)

А. В. Юлин, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Т. Ф. Яшук, д-р юрид. наук, проф. (Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, РФ)

© Самарский университет, 2025



Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

Subscription Index 80309

ISSN 2542-047X Print

ISSN 2782-2990 Online

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

JURIDICAL JOURNAL

OF SAMARA UNIVERSITY

JURIDICHESKIY VESTNIK

SAMARSKOGO UNIVERSITETA

Vol. 11 • № 1 • 2025

IURIDICHESKIY VESTNIK SAMARSKOGO UNIVERSITETA
JURIDICAL JOURNAL OF SAMARA UNIVERSITY

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER
FEDERAL STATE AUTONOMOUS EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY» (SAMARA UNIVERSITY)

Indexing in databases: **LIBRARY.RU RINTS CROSSREF KIBERLENINKA**

*The Journal is included by the HAC in the List of leading scientific editions, where basic scientific results of theses for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published,
from 30.11.2017*

Journal is published since 2015. It is published 4 times a year 2025, V. 11, no. 1

Mission of the journal: reflection of the results of original fundamental and applied research of law at the general theoretical, intersectoral and sectoral levels for the purpose of improving law-making and law enforcement; maintaining a scientific dialogue and discussions of representatives of domestic and foreign scientific schools on pressing issues of law.

The journal publishes articles on scientific specialties of group 5.1 «Law» (Legal sciences)

- 5.1.1. Theoretical and historical legal sciences
- 5.1.2. Public legal (State legal) sciences
- 5.1.3. Private legal (civilistic) sciences
- 5.1.4. Criminal legal sciences
- 5.1.5. International legal sciences

Chief editor

A. G. Bezverkhov, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Deputy chief editors

O. V. Klimanova, Candidate of Legal Sciences (Samara National Research University, Samara, RF)

Executive editor

V. E. Volkov, Candidate of Legal Sciences (Samara National Research University, Samara, RF)

Address of editorial staff:

1, Acad. Pavlov Str., Samara, 443011, Samara Region, Russian Federation.

Tel.: +7(846) 337-99-63, 337-99-36

E-mail: Jjournal@inbox.ru

www: <http://http://journals.ssau.ru/jjsu>

Publisher and Founder: Samara National Research University

Address of Publisher:

Centre of Periodical Publications of Samara University

312 b, building 22 a, 34, Moskovskoye shosse,
Samara, 443086, Samara Region, Russian Federation.

Literatory editing, proofreading T. A. Murzinova

Computer makeup, dummy T. A. Murzinova

Information in English M. S. Strelnikov

Certificate of registration of mass media

III № ФЦ № 77-68026 dated 13 December 2016, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

Subscription Index in the «Press of Russian»

Catalogue of Internet 80309

ISSN 2542-047X

Previous title – «Juridical Journal of Samara State University»

Certificate of registration of mass media III № ФЦ 77-62511 dated 27 July 2015, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

ISSN 2410-8707

Business model: funded by the founder.

0+ Free price

*Authors articles do not necessarily reflect
the views of the publisher*

Passed for printing 31.03.2025.

Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print.

Print. sheets 10,25.

Circulation 200 copies (first printing – 60 copies).

Order №

Printed on the printing house of Samara University

34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Samara Region, Russian Federation

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Since 2015 the full-text version of the journal is placed on the site of **Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU**.

Since 2015 the Journal is included in the **Russian Science Citation Index**.

Editorial Board:

D. B. Abushenko, Dr. of Law, associate professor (Ural State Law University, Ekaterinburg, RF)

A. Kh. Abashidze, Dr. of Law, professor (Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, RF)

A. I. Abdullin, Dr. of Law sciences, professor (Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, RF)

A. A. Aubakirova, Dr. of Law, associate professor, academic professor (The Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan)

S. F. Afanasiev, Dr. of Law, professor (Saratov State Law Academy, Saratov, RF)

Dragan Bolancha, Dr. of Law, professor (University of Split, Split, Croatia)

G. A. Vasilevich, Dr. of Law, professor, honored layer of the Republic of Belarus (Belorussian State University, Minsk, Republic of Belarus)

L. V. Golovko, Dr. of Law, professor (Lomonosov Moscow State University, Moscow, RF)

E. Yu. Gracheva, Dr. of Law, professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)

V. V. Dolinskaya, Dr. of Law, professor (Moscow, Kutafin Moscow State Law University, RF)

S. A. Drobyshevskiy, Dr. of Law, professor (Siberian Federal University, Krasnoyarsk, RF)

N. G. Zhavoronkova, Dr. of Law, professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)

A. V. Ivanchin, Dr. of Law, professor (Yaroslavl State University, Yaroslavl, RF)

T. V. Klenova, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Boris Krivokapich, Dr. of Law, professor (University «Union – Nikola Tesla», Beograd, Serbia)

V. A. Lazareva, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

P. P. Lang, Dr. of Law, associate professor (Samara State University of Economics, Samara, RF)

S. V. Lipen, Dr. of Law, associate professor (Moscow, Kutafin Moscow State Law University, RF)

V. V. Polyanskiy, Candidate of Legal Sciences, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

S. B. Rossinskiy, Dr. of Law, professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, RF)

V. D. Ruzanova, Candidate of Legal Sciences, associate professor (Samara National Research University, Samara, RF)

K. A. Saveliev, Candidate of Legal Sciences, associate professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Yu. V. Samovich, Dr. of Law, professor (Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Kazan, RF)

E. A. Treshcheva, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

N. A. Sheveleva, Dr. of Law, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, RF)

I. V. Shesteryakova, Dr. of Law, associate professor (Saratov State Law Academy, Saratov, RF)

A. V. Yudin, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

T. F. Yashchuk, Dr. of Law, professor (Dostoevsky Omsk State University, Omsk, RF)

© Samara University, 2025



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

СОДЕРЖАНИЕ

СОБЫТИЯ

<i>Научно-практический круглый стол «Антикоррупционные чтения – 2024»</i>	7
---	---

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Касаткин С. Н. Классификации нормоконфликтов в зарубежной теории права (Г. Кельзен, А. Росс, Н. Боббио, Р. Алекси)	11
---	----

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Осетров С. А. Право на труд или свобода труда: современный конституционный контекст	20
--	----

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Моисеева О. В. Некоторые вопросы защиты чести, достоинства, деловой репутации и доброго имени	26
--	----

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Идрисов Н. Т. Запрещающие нормы уголовного права как средство противодействия киберпреступлениям и преступному применению искусственного интеллекта: современное состояние и прогноз	33
---	----

Лазарева В. А. Теория следственного действия С.А. Шейфера (к юбилею Учителя)	41
---	----

Рукавишников А. А., Герцен П. О., Плашевский А. А. Обеспечение принципа правовой определенности при рассмотрении жалоб на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в порядке ст. 125 УПК РФ	51
---	----

Саусин А. В. О некоторых особенностях толкования и применения квалифицированного состава преднамеренного банкротства	59
---	----

Ситникова А. И. Альтернативные составы мошенничества: проблемы и решения	67
---	----

Трибуна молодого ученого

Беляев И. Ю. Об установлении экстерриториальной юрисдикции в отношении транснациональных наркопреступлений: международно-правовой анализ	73
---	----

<i>Требования к оформлению статей</i>	81
---------------------------------------	----

CONTENTS

EVENTS

<i>Scientific-practical round table «Anti-corruption readings – 2024»</i>	7
---	---

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Kasatkin S. N. Classifications of legal collisions in foreign theory of law (H. Kelsen, A. Ross, N. Bobbio, R. Alexy)	11
--	----

PUBLIC LAW (STATE-LEGAL) SCIENCES

Osetrov S. A. The right to work or freedom of work: modern constitutional context	20
--	----

PRIVATE (CIVIL) SCIENCES

Moiseeva O. V. Some issues of protection of honor, dignity, business reputation and good name	26
--	----

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

Idrisov N. T. Prohibitory norms of criminal law as a means of combating cybercrimes and criminal use of artificial intelligence: current state and forecast	33
--	----

Lazareva V. A. Theory of investigative action by S. A. Shafer (on the occasion of the Teacher's anniversary)	41
---	----

Rukavishnikova A. A., Gertsen P. O., Plashevskii A. A. Ensuring the principle of legal certainty when considering complaints against a decision on refusal to initiate criminal proceedings in accordance with Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation	51
---	----

Sausin A. V. On some features of interpretation and application of the qualified composition of deliberate bankruptcy	59
--	----

Sitnikova A. I. Alternative compositions of fraud: problems and solutions	67
--	----

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

Belyaev I. Yu. On the issue of establishing extraterritorial jurisdiction over transnational crimes in the sphere of illegal trafficking in narcotic drugs and similar substances: international and legal analysis	73
--	----

<i>Requirements to the design of articles</i>	81
---	----

СОБЫТИЯ EVENTS

Научно-практический круглый стол «Антикоррупционные чтения – 2024»

Scientific-practical round table «Anti-corruption readings – 2024»

В Самарском университете состоялся ежегодный научно-практический круглый стол «Антикоррупционные чтения – 2024». Он приурочен к двум значимым историческим событиям – декабрьскому законодательному пакету о противодействии коррупции, подписанному Президентом Российской Федерации 25 декабря 2008 года, и Международному дню борьбы с коррупцией (International Anti-Corruption Day), который отмечается ежегодно 9 декабря. Именно в этот день в 2003 году в Мериде (Мексика) на политической конференции была открыта для подписания Конвенция ООН против коррупции (The United Nations Convention against Corruption, UNCAC).



Конвенция ООН против коррупции была принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 года. К этому первому и единственному в мире юридически обязательному антикоррупционному правовому документу присоединились 190 стран-участниц. Россия подписала Конвенцию 9 декабря 2003 года и ратифицировала ее 8 марта 2006 года. Важно подчеркнуть, что в условиях современных геополитических событий и между-

народных отношений Россия остается полноправным государством – участником Конвенции ООН против коррупции. Соответствующие антикоррупционные документы международного права и российского законодательства предусматривают комплекс мер по предупреждению коррупции, наказанию виновных, а также различные механизмы международного сотрудничества в борьбе с ней. Они предписывают проводить эффективную

антикоррупционную политику, принимать соответствующие нормативные правовые акты, учреждать специальные органы для борьбы с этим асоциальным явлением.

Согласно позиции Организации Объединенных Наций, тема Международного дня борьбы с коррупцией в 2024 году – «Объединяемся с молодежью против коррупции: создаем честное будущее» – напоминает о важной роли молодых активистов, которые выступают за правду и неподкупность. Одна из задач в этом направлении – повышение осведомленности о коррупции и ее разрушительном влиянии на сообщества. Коррупция – это барьер на пути молодежи к лучшему будущему: она ограничивает доступ к качественному образованию, рабочим местам, общественным услугам, спорту и чистой планете. В Международный день борьбы с коррупцией, который отмечается 9 декабря, ООН напоминает о разрушительном воздействии этого явления. Информационная кампания, которая будет продолжаться, даст лидерам будущего возможность выразить свои мысли, опасения и надежды, что их голоса будут услышаны.

Следует заметить, что в антикоррупционной повестке – участие и в других приоритетных для России международных направлениях. Это и Шанхайская организация сотрудничества, и Антикоррупционная рабочая группа БРИКС. Отдельного внимания заслуживает взаимодействие с Межгосударственным советом по противодействию коррупции, функционирующим в рамках Содружества Независимых Государств. Действительно, коррупция представляет собой проблему международного характера, потому противодействие ей исключительно внутренними средствами не будет достаточно эффективным. Этот подход изначально положен в основу Конвенции ООН против коррупции и продолжает реализовываться в настоящее время с использованием ресурсов и других международных организаций, консолидирующих усилия в выработке совместных механизмов противодействия коррупции.

Ежегодный научно-практический круглый стол «Антикоррупционные чтения» имеет целью привлечение широкого внимания к современным проблемам противодействия коррупции, создание условий, способствующих выработке научно и практически обоснованных рекомендаций по совершенствованию законодательства и практики его применения в сфере противодействия коррупции.

В 2024 году в работе круглого стола традиционно приняли участие представители судебных и правоохранительных органов Самарского региона, ученые-юристы и обучающиеся Самарского университета.

Открыл круглый стол директор юридического института Самарского университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный



юрист Российской Федерации **Безверхов Артур Геннадьевич**. Он поприветствовал участников круглого стола, обратил внимание на важность решения задач, стоящих перед государством в борьбе с коррупцией, поблагодарил за поддержку в проведении мероприятия, ставшего уже ежегодным для Самарского университета, суды и правоохранительные органы региона.

Радько Владислав Михайлович, начальник организационного управления Самарского университета, кандидат технических наук, доцент, также поприветствовал участников круглого стола и представил отчет о выполнении плана мероприятий по предупреждению коррупционных правонарушений за 2021–2024 годы в Самарском университете.

Заместитель председателя Самарской губернской думы – председатель комитета Самарской губернской думы по законодательству, законности, правопорядку и противодействию коррупции, председатель совета Самарского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» **Шевцов Юрий Михайлович** отметил важность круглого стола в обсуждении вопросов противодействия коррупции, в особенности уделив внимание обсуждению с представителями правоохранительных органов опыта их практической деятельности по противодействию коррупции.

Зеленов Алексей Владимирович, заместитель начальника Главного управления МВД России по Самарской области – начальник Главного след-



ственного управления, генерал-майор юстиции, выступил с предложениями по совершенствованию мер противодействия коррупции, в частности мер предупредительного характера, также связанных с декларированием доходов и расходов служащих. Многие из них, будучи изначально весьма эффективными, в практической деятельности имеют трудности реализации и требуют совершенствования.

Прокурор отдела по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции прокуратуры Самарской области **Чигарина Светлана Валерьевна** выступила с сообщением о результатах работы органов прокуратуры Самарской области в сфере противодействия коррупции в 2024 году. Учитывая, что прокуратура является одним из основных органов, системно осуществляющих работу по предупреждению и борьбе с коррупцией, должностные лица прокуратуры обладают уникальным практическим опытом по различным направлениям противодействия коррупции. Обобщение такого опыта позволяет прийти к достоверным и значимым выводам о состоянии коррупции и эффективности предпринимаемых в государстве мер по противодействию этому явлению.

Об особенностях уголовного преследования лиц, совершивших коррупционные преступления, рассказал **Кириллов Данила Витальевич**, руководитель Первого отдела по расследованию особо важных дел Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Самарской области, подполковник юстиции. Данила Витальевич представил суждения и выводы по крайне актуальному вопросу об особенностях расследования преступлений коррупционной направленности в условиях отсутствия материалов ОРД, в том числе с приведением практических примеров.

В продолжение темы борьбы с коррупцией **Мямин Лев Юрьевич**, заместитель начальника 6-го оперативного отдела УЭБиПК Главного управления МВД России по Самарской области, майор полиции, представил результаты работы подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Самарской области по линии противодействия коррупции в 2024 году.

На круглом столе обсуждались и конкретные особенности противодействия коррупции с учетом специфики различных видов службы. В частности, в рамках выступления начальника отдела инспектирования и профилактики правонарушений Самарской таможни **Инциной Светланы Викторовны** были обсуждены отдельные вопросы профилактики коррупционных правонарушений в Самарской таможне.

Итоги конференции подвели **Савченков Сергей Николаевич** – председатель Самарского гарнизонного военного суда, **Шилов Александр Егорович** – заместитель председателя Самарского областного суда, **Пронин Никита Владимирович** – заместитель начальника Самарской таможни, генерал-майор таможенной службы, **Саусин Андрей Валерьевич** – заместитель руководителя аппарата – руководитель Главного управления правового обеспечения аппарата Самарской губернской думы, **Кокин Алексей Валерьевич** – адвокат, председатель исполнительного комитета Самарского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», **Левыкин Александр Александрович** – прокурор Советского района города Самары, **Пицик Сергей Николаевич** – начальник отдела собственной безопасности Главного управления Федеральной службы судебных приставов по Самарской области, подполковник внутренней службы. В дискуссиях и

прениях также выступили и другие участники мероприятия.

В рамках круглого стола обсуждался широкий круг вопросов противодействия коррупции правовыми методами и средствами, а также основные тенденции современной антикоррупционной политики и пути совершенствования практики про-

тиводействия коррупционному поведению. В ходе дискуссий состоялся обмен опытом исследователей и практических работников, который позволит в будущем повысить эффективность существующих механизмов противодействия коррупции и уровень профессионального и гражданского правосознания.

А. Г. Безверхов,

директор юридического института Самарского университета, доктор юридических наук, профессор

А. В. Юдин,

директор департамента управления научно-исследовательской работой юридического института

Самарского университета, доктор юридических наук, профессор

Д. В. Голенко,

доцент кафедры уголовного права и криминологии, доцент, доктор юридических наук

О. В. Климанова,

доцент кафедры уголовного права и криминологии Самарского университета,

кандидат юридических наук

A. G. Bezverkhov,

director of the Institute of Law of Samara National Research University, Doctor of Laws, professor

A. V. Yudin,

director of the Department of Management of Scientific Research Work of the Institute of Law of Samara

National Research University, Doctor of Laws, professor

D. V. Golenko,

associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Samara National Research

University, associate professor, Doctor of Laws

O. V. Klimanova,

associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Samara National Research

University, Candidate of Legal Sciences

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2025-11-1-11-19



НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.12

Дата поступления: 24.12.2024
рецензирования: 26.01.2025
принятия: 05.03.2025

Классификации нормоконфликтов в зарубежной теории права (Г. Кельзен, А. Росс, Н. Боббио, Р. Алекси)

С. Н. Касаткин

Самарский государственный экономический университет, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: kasatka_s@bk.ru

Аннотация: Предмет статьи охватывает ряд наиболее значимых классификаций юридических коллизий (нормативных конфликтов), представленных в зарубежной теории права XX века и мало обсуждаемых в отечественной юриспруденции. Цель статьи – изложение названных классификаций, оценка их объяснительного и практического потенциала. Актуальность темы обусловлена значимостью проблем коллизионности в юридической практике, которые требуют развитого доктринального инструментария, учитывающего плюрализм нормативных конфликтов и форм обхождения с ними. Ключевыми источниками исследования выступили труды видных правоведов XX века (Г. Кельзена, А. Росса, Н. Боббио, Р. Алекси и др.), в том числе не представленные на русском языке. Результатом исследования стал анализ деления юридических коллизий по критериям нормативной иерархии, степени совпадения сфер применения норм, возможности юридического разрешения коллизии, характеру действия нормы и пр. В качестве общего вывода в статье подчеркивается ценность изложенных классификаций для формирования дифференцированного аппарата обхождения с нормоконфликтами в юридической практике, а также необходимость понимания их теоретических ограничений, в том числе в отечественном правовом контексте.

Ключевые слова: юридическая коллизия; нормативный конфликт; разрешение юридических коллизий; Г. Кельзен; А. Росс; Н. Боббио; Р. Алекси.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01893, <https://rscf.ru/project/24-28-01893>.

Цитирование. Касаткин С. Н. Классификации нормоконфликтов в зарубежной теории права (Г. Кельзен, А. Росс, Н. Боббио, Р. Алекси) // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2025. Т. 11, № 1. С. 11–19. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-1-11-19>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Касаткин С. Н., 2025

Сергей Николаевич Касаткин – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Лаборатории доказательной социальной политики, доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин, Самарский государственный экономический университет, 443090, Российская Федерация, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 24.12.2024
Revised: 26.01.2025
Accepted: 05.03.2025

Classifications of legal collisions in foreign theory of law (H. Kelsen, A. Ross, N. Bobbio, R. Alexy)

S. N. Kasatkin

Samara State University of Economics, Samara, Russian Federation
E-mail: kasatka_s@bk.ru

Abstract: The subject of the article covers a number of the most significant classifications of legal collisions (normative conflicts) which are presented in the XX century foreign theory of law while little discussed in domestic Russian

jurisprudence. The purpose of the article is to expound these classifications, as well as to assess their explanatory and practical potential. The relevance of the topic is due to the significance of the problems of conflict of laws in legal practice, which require a developed doctrinal toolkit accounting for the pluralism of normative conflicts and forms of dealing with them. The key sources of the research embrace the works by iconic jurists of the XX century (H. Kelsen, A. Ross, N. Bobbio, R. Alexy, etc.), including those not presented in Russian language. The result of the study is an analysis of the division of legal conflicts according to the criteria of normative hierarchy, degree of coincidence of spheres of norms' application, possibility of legal resolution of conflict, character of norm's operation, etc. As a general conclusion, the article emphasizes the value of the above classifications for the formation of a differentiated apparatus for dealing with norm conflicts in legal practice, as well as the need to understand their theoretical limitations, including in the domestic legal context.

Key words: legal collision; normative conflict; resolution of legal collisions; H. Kelsen; A. Ross; N. Bobbio; R. Alexy.

Acknowledgements. The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-01893, <https://rscf.ru/project/24-28-01893>.

Citation. Kasatkin S. N. *Klassifikatsii normokonfliktov v zarubezhnoi teorii prava (G. Kel'zen, A. Ross, N. Bobbio, R. Aleksi)* [Classifications of legal collisions in foreign theory of law (H. Kelsen, A. Ross, N. Bobbio, R. Alexy)]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2025, vol. 11, no. 1, pp. 11–19. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-1-11-19> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Kasatkin S. N., 2025

Sergei N. Kasatkin – Candidate of Legal Sciences, associate professor, leading researcher at the Laboratory of Evidence-based Social Policy, associate professor at the Department of Theory of Law and Public Law Disciplines, Samara State University of Economics, 141, Sovetskoi Armii Street, Samara, 443090, Russian Federation.

В основе настоящей статьи лежит интерес к тематике юридических коллизий или нормативных конфликтов, образующих важную часть современной юридической практики и теоретической юриспруденции. Актуальность тематики очевидна: обеспечение последовательного, эффективного и легитимного правового регулирования предполагает выработку надлежащего аппарата юридического рассуждения, что применительно к рассматриваемой теме означает формирование развитой теории коллизионности в праве, учитывающей многообразие нормативных конфликтов и предлагающей адекватный дифференцированный арсенал средств обхождения с ними.

В свете сказанного настоящая статья обращается к исследованию ряда классификаций юридических коллизий (нормативных конфликтов), которые, с одной стороны, входят в число значимых в зарубежной теории и философии права XX столетия, с другой – оказываются недостаточно известными или мало обсуждаемыми в русскоязычных изысканиях по теме, будучи способными внести вклад в обогащение и развитие отечественной теории юридических коллизий. Целью статьи является изложение данных классификаций, а равно оценка их объяснительного и практического потенциала. Основой исследования выступили труды именитых зарубежных правоведов XX века (Ганса Кельзена, Альфа Росса, Норберто Боббио, Роберта Алекси и пр.), в том числе не представленные на русском языке, а также соответствующая отечественная и зарубежная литература.

С этих позиций в статье на базе общенаучных и частнонаучных методов предлагается анализ деления юридических коллизий по различным критериям, включая нормативную иерархию, степень или интенсивность совпадения сфер применения норм, возможность юридического разрешения коллизии, характер действия юридических стандартов и др.

Понятие и классификация юридических коллизий: предварительные комментарии

Использование термина «юридическая коллизия» в отечественных исследованиях по юриспруденции не является однородным и представляет собой, по сути, «понятийную семью» [1, § 67], где отсутствует единый набор необходимых признаков, универсальный для всех вариантов употребления данного выражения.

Так, с одной стороны, в конфликтологической, философской и т. п. литературе юридическая коллизия может ассоциироваться с широким спектром различного рода конфликтов между субъектами и элементами политико-правовой системы или юридической деятельности [2; 3; 4, с. 300–304]. С другой стороны, неоднородность словоупотребления присутствует и в рамках традиционного юридическо-догматического дискурса, где термином «юридическая коллизия» может охватываться рассогласованность разных типов нормативных и ненормативных предписаний, правовых актов и официальных источников, толкований и квалификаций, юридических интересов, ценностей, субъективных прав и т. д. [5, с. 43–44; 6, с. 5].

Несмотря на это, именно идею несоответствия, различия или противоречия между правовыми нормами, адресованными одной и той же ситуации, можно признать смысловым «ядром» соответствующего словоупотребления, наиболее типичным для отечественной юридической литературы [7, с. 21–23; 6 с. 41]¹. Такое положение, в свою очередь, позволяет проводить параллели с зарубежной (западной) теорией коллизионности в праве, где таковая осмысливается прежде всего

¹ При этом коллизия здесь не сводится к логическому противоречию, неспособному учесть многообразие функциональной несовместимости норм и ее зависимости от конкретных фактуальных контекстов [8, с. 75–76; 9; 10, р. 34–37].

в терминологии нормативного конфликта. Это же при прочих равных облегчает пути интеграции зарубежных конструктов в отечественный теоретический и практический оборот, включая разработанные здесь классификации нормоконфликтов.

Безусловно, применение классификационного аппарата к юридическим коллизиям может иметь разные основания и преследовать разные цели, выявляя существенные параметры обсуждаемых теорией понятий и явлений. При этом юридически особенно важно, чтобы получаемые теоретические конструкты порождали «практическую разницу», т. е. имели юридическое значение, признавались или могли признаваться в таком качестве действующим правовым порядком (тем самым укладываясь в дисциплинарную перспективу юридической догматики как системной оптимизирующей реконструкции действующего права и методологии юридического решения). Отсюда важным моментом деления юридических коллизий выступает экспликация их различных классификационных типов, которые одновременно подразумевают неодинаковые способы юридического обхождения с ними. В этом плане весьма характерной является типология юридических коллизий / нормоконфликтов, основанная на классической триаде критериев их разрешения – иерархии, хронологии, содержательного специалитета, часто дополняемых или опосредуемых критерием принадлежности норм к одному или разным правовым порядкам [11, р. 83–100; 12, р. 139–194; 7; 5, с. 55].

Вместе с тем следует подчеркнуть: привязка классификаций к способам их разрешения не является единственно возможной и юридически значимой, а в некоторых отношениях может оказаться контрпродуктивной. Помимо множественности теоретических задач (включая объяснение причин и «природы» коллизии в праве), даже в рамках юридико-догматического дискурса важно, например, аналитически разделять проблему идентификации нормативного конфликта и, по сути, обусловленную этим проблему его устранения [11, р. 79], в том числе в свете доктринального обоснования и критики адекватных (эффективных и легитимных) способов юридического обхождения с тем или иным видом конфликта или с их «совпадением», комбинацией².

В русле сказанного далее в статье будет представлен ряд классификаций юридических колли-

зий / нормоконфликтов, сформулированных в зарубежной теории права XX века, но не получивших серьезного внимания в отечественной литературе. При этом акцент будет ставиться не только на содержании классификации, но и на ее значимости.

Иерархическая организация правового порядка (Г. Кельзен)

Иерархический критерий осмысления норм и их взаимоотношений играет ключевую роль в учении австрийского правоведа Ганса Кельзена. Г. Кельзен представляет право в качестве принудительного социального нормативного порядка, который трактуется как целостность и выстраивается как ступенчатая структура: иерархия норм разных уровней, а не система норм одинакового ранга [13, с. 278]. Системное единство правового порядка задается у Г. Кельзена как особым языком его репрезентации, устраняющим нормоконфликты в правоведчески / юридически «не обработанных» решениях официальных субъектов, так и особым форматом деонтического производства с восхождением от нижестоящих ступеней к вышестоящим (вплоть до базовой для правового порядка *Grundnorm*). В последнем случае реконструкция нормы осуществляется не только через конкретизацию содержания вышестоящих стандартов, но прежде всего через использование установленного ими способа ее создания [13, гл. 5].

С этих позиций иерархический критерий является центральным для дифференциации и самого существования юридических коллизий: *prima facie* коллизийные ситуации должны трактоваться и решаться по-разному в зависимости от того, идет речь о предполагаемом конфликте норм одного уровня или разных уровней, подчиненных одна другой [13, с. 257].

Так, в ситуации первого типа для интерпретативной нейтрализации нормоконфликтов применяется принцип *lex posterior* (более поздний закон отменяет более ранний), по Г. Кельзену, подразумеваемый в полномочиях правотворческого субъекта, а также согласование смысла норм через их соотношение как общего правила и исключения (*lex specialis*) либо через дискреционный выбор одной из них. При невозможности использования данных инструментов допустимо также признание противоречащих правотворческих решений целиком или в части «бессмысленными», т. е. не устанавливающими каких-либо действительных правовых норм вовсе [13, с. 257–259].

В ситуации второго типа предполагаемые конфликты норм разных уровней (конституции, закона, подзаконного акта, индивидуального предписания / решения) доступны нейтрализации через отмену – дерогацию – меньшей по рангу нормы [13, с. 278 и посл.]. Однако, учитывая то, что в модели Г. Кельзена правовые нормы выстраиваются по деонтической цепочке от вышестоящей к нижестоящей, реконструкция нормы уже предполагает рамки ее соответствия содержательным и формальным требованиям более высоких уровней ре-

² В этом плане деление самих классификаций юридических коллизий на описательные и прескриптивные (акцентирующие, соответственно, критерии концептуализации существа коллизий или юридические критерии выбора конфликтующей нормы) вполне уместно [8, с. 78]. Другое дело, что терминология здесь, пожалуй, вводит в заблуждение: описание может касаться юридических критериев и средств нейтрализации коллизий, так же как прескрипция может охватывать официальные определения и параметры последних. Отсюда предпочтительней, если диада «описательность – нормативность» будет относиться не к предмету теоретических квалификаций, а к их статусу.

гулирования: несоблюдение данных требований, *ceteris paribus*, влечет за собой ее недействительность, тем самым устраняя саму ситуацию конфликта правовых норм.

Представленный у Г. Кельзена иерархический критерий дифференциации норм, несомненно, один из самых востребованных в организации современных правопорядков и в теориях коллизии. Другое дело, что, в отличие от распространенных сегодня в России и за рубежом «реалистических» моделей, классическое учение Г. Кельзена воспроизводит «холистический» подход, согласно которому коллизии – часть «необработанного» официального материала, снимаемого через его надлежащую правоведческую реконструкцию / толкование [14]. Подобный взгляд, не будучи универсальным и требуя установок самого правопорядка, тем не менее является ценным в демонстрации вариантов существования / признания коллизии в праве, а также средств ее устранения.

Вместе с тем сама идея иерархии или ее первенства в числе критериев разрешения коллизий составляет предмет споров. Так, модель Г. Кельзена, по-видимому, потребует корректуры применительно к правопорядкам, не основанным на иерархии, либо выстроенным по иным формально-иерархическим или смешанным принципам [15] (что в отечественном контексте может касаться особого перечня официальных источников, федеративной организации власти, развитой доктрины системы права и использования критериев «отраслевого приоритета» и пр. [16]). Наконец, корректура может вытекать из более широкой трактовки и плюрализма иерархий, в том числе как определенного порядка ценностей [17], что особенно актуально в связи с феноменом правовых принципов, за которыми может признаваться приоритет перед формальными структурами действительности [18, гл. 2–4; 19, с. 160 и др.; 6, гл. 3]: перед любыми конкретными правилами, включая правила формальной идентификации юридических стандартов и разрешения коллизий между ними.

Совпадение сферы действия / применения правовых норм (А. Росс)

Соответствующий критерий деления – типологии – центрируется в теории датского правоведа Альфа Росса с целью определения различных видов несоответствий (*inconsistencies*) между нормами (нормативными высказываниями), когда с одними и теми же фактическими условиями связываются несовместимые юридические следствия [20, р. 128]. Иначе говоря, данный критерий подразумевает большую или меньшую степень нормативной несовместимости [21, р. 201–203; 22, р. 73 ff.].

На этой основе А. Росс выделяет три типа коллизий / нормоконфликтов:

1) Полное несоответствие или абсолютная несовместимость, проявляющаяся в ситуации, когда ни одна из рассматриваемых норм не может со-

блюдаться или применяться ни при каких обстоятельствах, не вступая с другой нормой в противоречие, т. е. когда сферы их применения полностью перекрывают друг друга [20, р. 128–129].

2) Полно-частичное несоответствие или несогласованность между общим и специальным правилом (правило является специальным по отношению к другому – общему – правилу, если его условный факт образует частный случай условного факта другого правила). В данной ситуации сфера действия одной из норм полностью охватывается сферой действия другой: тогда как одна из норм не может применяться ни при каких обстоятельствах, не вступая с другой в конфликт, эта другая норма имеет дополнительную область применения, где она не противоречит первой норме [20, р. 128–129]. Иначе говоря, антиномия является полной в отношении нормы, сфера действия которой целиком совпадает со сферой действия другой, и частичной – в отношении нормы с более широкой сферой действия [21, р. 201–203].

3) Частичное несоответствие или наложение / пересечение правил. В данной ситуации каждая из двух норм имеет как сферу применения, в которой она вступает с другой в конфликт, так и иную, автономную область, где конфликт отсутствует [20, р. 128–129]. Иначе говоря, антиномия сохраняется здесь лишь в общей для двух норм сфере действия [21, р. 201–203].

Изложенная типология перекликается с иными делениями нормоконфликтов и, среди прочего, может быть сведена к их классификации на полные и частичные, а также при изменении ракурса доступна переформулированию как деление конфликтов на необходимые / неизбежные и лишь возможные [23, р. 123 ff.; 24; 25, S. 319–320].

Особенности выделенных А. Россом типов коллизий обуславливают способы их оценки, различной в зависимости от того, идет ли речь о несоответствии норм одного закона, либо о несоответствии более раннего и более позднего законов, находящихся на одном или разных уровнях регулирования [20, р. 129].

Согласно А. Россу, в первой группе случаев для устранения абсолютной несовместимости норм или их наложения общие правила отсутствуют: решение здесь должно базироваться на толковании, учитывающем не включенные в текст закона данные, или на усмотрении. Конфликт общей и специальной норм устраняется через смену их языковой формулировки и сведение к единому правилу (где общая норма ограничивается исключением), что также можно рассматривать как применение интерпретативной максимы позитивного права *lex specialis* [20, р. 129–131].

Во второй группе случаев несоответствия устраняются через общепринятые правила *lex posterior* и *lex superior*, отдающие приоритет более поздней норме или норме более высокого ранга. При этом, по А. Россу, они суть лишь одни из принципов толкования – их нельзя считать аксиомами с безоговорочным применением. Так, силу *lex posterior*

трудно оспорить при абсолютном несоответствии или при полно-частичной несовместимости, когда более поздняя норма является специальной. Однако при коллизии предшествующего специального и последующего общего правила приоритет может иметь *lex specialis*. Например, когда в общее правило далее вносятся исключения, а затем более раннее общее правило заменяется новым, не включающим изъятия, признание действительности исключений будет зависеть от других данных и усмотрения. При наложении норм *lex posterior*, имея приоритет, также применяется лишь в той мере, в какой законодатель «намеревался» заменить, а не дополнить предшествующий закон, и тем самым зависит от внетекстуальных данных или усмотрения. Приоритетный перед хронологическим критерием *lex superior* также безусловен в юридической практике (возможны случаи, когда субъекты не обладают компетенцией для проверки соответствия нижестоящего акта вышестоящему или просто воздерживаются от констатации подобных коллизий, когда законодатель уполномочил нижестоящие инстанции на издание правил, отменяющих, ограничивающих или блокирующих действие вышестоящих норм и т. п.) [20, р. 131–132].

Типология А. Росса также представляется теоретически и практически ценной. Она предлагает весьма детальный, дробный аппарат для обсуждения различных коллизий с точки зрения «интенсивности» совпадения конфликтующих норм. При этом, в отличие от классификации Г. Кельзена, деление А. Росса не завязано на иерархию, что, пожалуй, делает ее более универсальной, в том числе для отечественного контекста. К этому можно также добавить наличие здесь более широкого арсенала средств нейтрализации коллизий, включающих как формальные правила, так и экстралегальные и дискреционные факторы. Наконец, сама центрируемая А. Россом идея совпадения сферы применения норм по-своему раскрывает идею нормативного конфликта (что не означает, однако, необходимости тождества здесь сфер личной или материальной действительности в силу возможности конфликта норм, адресованных разным субъектам и поведению, – при конфликте материализация одной из нормативных гипотез влечет за собой невыполнение другой нормы или нарушение прав другого лица [22, р. 75]).

Возможность разрешения / нейтрализации (Н. Боббио)

Итальянский правовед Норберто Боббио также обращается к проблематике юридических коллизий или «антиномий» (*antinomie*). При этом от юридических антиномий, соответствующих традиционно обсуждаемой идее конфликта правовых норм, он отграничивает различные «неправильные» (*impropi*) антиномии. В числе последних он называет антиномии принципа, отсылающие к организации правовой системы на противоположных ценностях; антиномии оценки, возникающие как результат отсутствия соразмерности в регулировании (например, неадекватность

санкций правонарушению); телеологические антиномии, означающие несоответствие между нормами, устанавливающими цель и устанавливающими средства ее достижения [21, р. 200–201; 22, р. 75–76].

Что касается классификаций собственно юридических антиномий, Н. Боббио дополняет их критерием возможности разрешения нормоконфликтов с помощью установленных юриспруденцией фундаментальных коллизионных правил – критериев иерархии, хронологии и специальности (которые, как у А. Росса, мыслятся не столько строгими максимами, сколько презумпциями, проистекающими из общей идеи / критерия справедливости) [11, р. 86 ff.]. Согласно Н. Боббио, указанные правила не подходят для всех возможных ситуаций, учитывая, среди прочего, случаи, к которым нельзя применить ни одно из этих правил, а также случаи, где применимо более одного из них. С этих позиций Н. Боббио выделяет разрешимые и неразрешимые юридические антиномии, которые тем самым также могут рассматриваться как антиномии мнимые и подлинные [21, р. 200–201; 22, р. 75].

Разграничения, проведенные Н. Боббио, тоже представляют интерес, начиная с самой идеи юридической антиномии, отграничиваемой от иных типов коллизионности (которые в противовес ряду отечественных типологий [3, с. 228] также укладываются в формат юридико-догматического дискурса [26, р. 340 ff.]), и трактовки коллизионных максим как презумпций. При этом критерии базовой классификации Н. Боббио – подлинность существования и возможность устранения коллизии – можно считать ключевыми для доктринальной и практической юриспруденции, а допускаемая им возможность неразрешимых нормоконфликтов (получивших также название «правовых дилемм» [10, р. 20 ff.]) формирует самостоятельный фокус интереса.

Вместе с тем данная классификация довольно формальна / условна и сильно зависит от специфики языка и установок конкретного правового порядка. Это, с одной стороны, касается «пороговых» условий, при которых обоснованно утверждать о неразрешимости коллизий: правовой порядок может признавать любую коллизию разрешимой либо применять иной стандарт инструментов такого разрешения, отличный от принятой Н. Боббио триады критериев / правил. С другой стороны, правовой порядок может провозглашать собственную непротиворечивость, полагая любые конфликты мнимыми, или вводить иные «пороговые» условия признания подлинных коллизий (в том числе не связывая это с конкретным инструментарием их разрешения). Наконец, как, видимо, в случае с российским правом, правовой порядок может вообще не фиксировать подобных параметров коллизионности (оставляя его на усмотрение правоприменителя и т. п.).

Характер действия нормы: правила и принципы (Р. Алекси)

Еще одна классификация по теме предложена немецким правоведом Робертом Алекси и ба-

зируется на разграничении и противопоставлении правил и принципов. Р. Алекси (как ранее и Р. Дворкин) исходит из кардинальной разницы данных юридических стандартов, получающих отражение в их логической «структуре» [27; 18, гл. 2]. Однако, как отмечается в литературе, более удачным здесь является критерий действия или формы применения нормы, который наиболее явно и обнаруживается в случае юридических конфликтов. Более того, если нормативное положение доступно истолкованию в качестве правила или принципа, центрируемая Р. Алекси структура нормы не будет ее объективным элементом и будет зависеть как от органа, осуществляющего толкование, так и от его обстоятельств [28, S. 270; 22, p. 71].

Итак, согласно Р. Алекси, различие правил и принципов носит качественный характер. Принципы выступают «стандартами оптимизации», требуя максимального осуществления чего-либо в зависимости от наличных фактических и юридических возможностей. Тем самым они реализуются лишь в той или иной степени. Формой применения принципов выступает взвешивание. Правила же имеют строгие границы, требования правил могут быть либо выполнены, либо нет. Формой применения правил выступает субзумпция – подведение индивидуального случая под общий, иначе говоря, применение общей нормы к индивидуальному случаю, выведение на этой основе юридических следствий, установленных нормой при возникновении оговоренных в ее гипотезе фактов [29, S. 87 ff.; 22, p. 71–72].

С этих позиций Р. Алекси разграничивает «нормативные конфликты» и «нормативные коллизии», касающиеся рассогласованности правил и принципов соответственно [29, S. 75]. Исходя из различной природы указанных стандартов дифференцируются и надлежащие способы обхождения с ними. Нормативный конфликт (несовместимость правил) может быть разрешен только путем введения оговорки об исключении или объявления одного из конфликтующих правил недействительным. Разрешение коллизии принципов, напротив, предполагает обращение к изменению веса, поскольку принципы в каждом конкретном случае могут иметь разный вес и вести к конфликтующим исходам. В результате взвешивания между сталкивающимися принципами устанавливается условный приоритет, который при этом не является окончательным или абсолютным и может меняться при рассмотрении других случаев [29, S. 75 ff.; 22, p. 71–72; 18, гл. 18; 26, p. 342 ff.].

Данное деление, безусловно, значимо и приобретает все большую ценность в свете развития институтов конституционного государства и прав человека. Между тем оно не представляется универсальным концептуально и практически. Так, с одной стороны, строгое «логическое» или «структурное» деление правил и принципов является проблемным: более предпочтительной видится идея континуума юридических стандартов, различающихся по степени своей «открытости», определенности [30, p. 259–263]. То же касается интерпретативного момента как в типологической идентификации нормативных стандартов, так и в преодолении расхождений между ними [31, ch. 7]. С другой стороны, приведенное деление может не иметь официального признания и применения в правопорядке. Это, среди прочего, касается и отечественного права и доктрины, в рамках которых используется обобщающее понятие правовой нормы, не учитывающее специфики термина «правило» в классификации Р. Алекси; правовые принципы мыслятся как «руководящие идеи», базовые для соответствующего уровня правового регулирования, безотносительно своих «структурных» свойств; имеется множественное подразделение «типичных» и «нетипичных» норм, более дробное и специфичное по сравнению с диадой «правила – принципы» [32, гл. 11]. С этих позиций заявленные Р. Алекси стандарты разрешения коллизионных / конфликтных ситуаций (в том числе подразумевающие особенность включения принципов в правопорядок, а также их *prima facie* приоритет перед правилами [18, гл. 2–4; 6, гл. 3]) будут действовать здесь в более сложном нормативно-инструментальном контексте.

Заключение

Представленные классификации, безусловно, не исчерпывают существующих или возможных делений юридических коллизий (нормоконфликтов), не являются абсолютно чуждыми российской правовой мысли, а равно универсальными, в том числе с точки зрения отечественного контекста. Вместе с тем они представляются значимыми в активизации потенциала российской теории коллизионности в праве: и в качестве концептуального объяснения ее природы и вариаций, и в качестве интеллектуального инструментария решения практических проблем, включая построение обоснованных и эффективных алгоритмов выявления и нейтрализации нормативных конфликтов.

Библиографический список

1. Витгенштейн Л. Философские исследования. Москва: АСТ, 2018. 352 с. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000273/st000.shtml>.
2. Тихомиров Ю. А. Коллизионное право. Москва: Юринформцентр, 2001. 393 с. URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=30019>.
3. Матузов Н. И. Коллизии в праве: причины, виды и способы разрешения // Правоведение. 2000. № 5 (232). С. 225–244. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23064215>. EDN: <https://elibrary.ru/tksopx>.

4. Пермяков Ю. Е. Современная философия права: обзор основных проблем. Санкт-Петербург: Лань, 2023. 514 с. URL: <https://www.litres.ru/book/u-e-permyakov/sovremennaya-filosofiya-prava-obzor-osnovnyh-problem-uchebno-70024354/>.
5. Петров А. А., Тихонравов Е. Ю. Пробелы и коллизии в праве. Москва: Проспект, 2017. 80 с. URL: https://www.academia.edu/26853275/Пробелы_и_коллизии_в_праве_учебное_пособие.
6. Гамбарян А. С., Даллакян Л. Г. Коллизионные нормы и их конкуренция. Москва: Юрлитинформ, 2019. 160 с.
7. Власенко Н. А. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1984. 99 с. URL: <https://thelib.net/1867035-kollizionnye-normy-v-sovetskom-prave.html>.
8. Петров А. А. Алгоритмизация преодоления сложных коллизий норм права // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2. С. 75–86. DOI: <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2021-104-02-75-86>. EDN: <https://elibrary.ru/qt0oea>.
9. Hill H. H. A functional taxonomy of normative conflict // Law and Philosophy. 1987. Vol. 6, № 2. P. 227–247. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00145430>.
10. Jeutner V. Irresolvable Norm Conflicts in International Law: The Concept of a Legal Dilemma. Oxford: Oxford University Press, 2017. 182 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198808374.001.0001>.
11. Bobbio N. Studi per una teoria generale del diritto. Torino: Giappichelli, 2012. 172 p.
12. Kammerhofer J. Uncertainty in international law: A Kelsenian perspective. Abingdon: Routledge, 2011. 286 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.4324/9780203847213>.
13. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2015. 540 с. URL: <https://djvu.online/file/ZSFJ8jh1U8iYe>.
14. Краевский А. А. Между холизмом и реализмом: две теории юридических коллизий Г. Кельзена // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2025. № 2.
15. Gonzalez C.E. Trumps, Inversions, Balancing, Presumptions, Institutional Prompting and Interpretive Canons: New Ways for Adjudicating Conflicts between Legal Norms // Rutgers Law School (Newark) Faculty Papers. Working Paper 7. 2004. 133 p. URL: <https://law.bepress.com/rutgersnewarklwps/art7>.
16. Васев И. Н. Коллизионное правовое регулирование в России: вопросы теории и практики. Москва: Юрлитинформ, 2016. 140 с. URL: <https://www.litres.ru/book/i-vasev/kollizionnoe-pravovoe-regulirovanie-v-rossii-voprosy-teorii-69440944>.
17. Guastini R. Gerarchie normative // Revus. 2013. Vol. 21. P. 57–70. DOI: <https://doi.org/10.4000/revus.2700>.
18. Дворкин Р. О правах всерьез. Москва: РОССПЭН, 2004. 389 с. URL: <https://djvu.online/file/EH3XegNliFdm3>.
19. Бергель Ж.-Л. Общая теория права. Москва: Nota bene, 2000. 574 с. URL: <https://krasinskiy.ru/Bergel.pdf>.
20. Ross A. On Law and Justice. Berkeley: University of California Press, 1959. 383 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=IzG-DwAAQBAJ&hl=ru>.
21. Bobbio N. Teoría general del derecho. Madrid: Debate, 1998. 278 p. URL: <https://archive.org/details/norbertobobbio-teoria-del-derecho/mode/2up>.
22. Ochoa C. H. Conflictos normativos. México: UNAM, 2003. 215 p.
23. Kelsen H. General Theory of Norms. Oxford: Clarendon Press, 1991. 465 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof%3Aoso%2F9780198252177.001.0001>.
24. Кельзен Г. Дерогация // Очерки по философии права и морали. Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2024. С. 252–256.
25. Wiederin E. Was ist und welche Konsequenzen hat ein Normkonflikt? // Rechtsatheorie. 1990. Vol. 21. S. 311–333.
26. Peczenik A. On Law and Reason. 2nd ed. Dordrecht: Springer, 2008. 364 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-1-4020-8730-1>.
27. Алекси Р. О структуре принципов права // Российское правосудие. 2017. № 3 (131). С. 19–34. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29025422>. EDN: <https://elibrary.ru/ylegdv>.
28. Günther K. Der Sinn für Angemessenheit. Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1988. 410 S.
29. Alexy R. Theorie der Grundrechte. 2^a ed. Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1994. 548 S. URL: <https://archive.org/details/theoriedergrundr0000robe>.
30. Hart H. L. A. The Concept of Law. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1994. 315 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=YhFVBAAQBAJ&hl=ru>.
31. Dworkin R. Law's Empire. Cambridge, Ma.: Harvard University Press, 1986. 470 p. URL: <https://archive.org/details/lawsempire0000dwor>.
32. Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права. 5-е изд. Москва: Юрайт, 2016. 521 с. URL: <https://urait.ru/book/teoriya-gosudarstva-i-prava-559640>.

References

1. Wittgenstein L. *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Investigations]. Moscow: AST, 2018, 352 p. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000273/st000.shtml> [in Russian].
2. Tikhomirov Yu. A. *Kollizionnoye pravo* [Conflict of laws]. Moscow: Yurinformtsentr, 2000, 393 p. Available at: <https://znanium.ru/catalog/document?id=30019> [in Russian].
3. Matuzov N. I. *Kollizii v prave: prichiny, vidy i sposoby razresheniya* [Conflicts in the sphere of law: reasons, kinds and the ways of settlement]. *Pravovedenie*, 2000, no. 5 (232), pp. 225–244. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23064215>. EDN: <https://elibrary.ru/thsopx> [in Russian].
4. Permyakov Yu. E. *Sovremennaya filosofiya prava: obzor osnovnykh problem* [Modern philosophy of law: an overview of the main problems]. Saint Petersburg: Lan', 2023, 514 p. Available at: <https://www.litres.ru/book/u-e-permyakov/sovremennaya-filosofiya-prava-obzor-osnovnykh-problem-uchebno-70024354> [in Russian].
5. Petrov A. A., Tikhonravov E. Yu. *Probely i kollizii v prave* [Gaps and collisions in law]. Moscow: Prospekt, 2017, 80 p. Available at: https://www.academia.edu/26853275/Пробелы_и_коллизии_в_праве_учебное_пособие [in Russian].
6. Gambaryan A.S., Dallakyan L.G. *Kollizionnye normy i ikh konkurentsia* [Collision norms and their competition]. Moscow: Yurлитinform, 2019, 160 p. [in Russian].
7. Vlasenko N. A. *Kollizionnye normy v sovetskom prave* [Collision rules in Soviet law]. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo un-ta, 1984, 99 p. Available at: <https://thelib.net/1867035-kollizionnye-normy-v-sovetskom-prave.html> [in Russian].
8. Petrov A. A. *Algoritmizatsiya preodoleniya slozhnykh kollizii norm prava* [Algorithms to address complex collisions of law]. *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and social sciences], 2021, no. 2, pp. 75–86. DOI: <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2021-104-02-75-86>. EDN: <https://elibrary.ru/qtooea> [in Russian].
9. Hill H. H. A functional taxonomy of normative conflict. *Law and Philosophy*, 1987, vol. 6, no. 2, pp. 227–247. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00145430>.
10. Jeutner V. *Irresolvable Norm Conflicts in International Law: The Concept of a Legal Dilemma*. Oxford: Oxford University Press, 2017, 182 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198808374.001.0001>.
11. Bobbio N. *Studi per una teoria generale del diritto*. Torino: Giappichelli, 2012, 172 p.
12. Kammerhofer J. *Uncertainty in international law: A Kelsenian perspective*. Abingdon: Routledge, 2011, 286 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.4324/9780203847213>.
13. Kelsen H. *Chistoe uchenie o prave. 2-e izd.* [Pure Theory of Law. 2nd edition]. Saint Petersburg: Alef-Press, 2015, 540 p. Available at: <https://djvu.online/file/ZSFJ8jh1U8iYe> [in Russian].
14. Krayevsky A. A. *Mezhdru kholizmom i realizmom: dve teorii yuridicheskikh kollizii G. Kel'zena* [Between holism and realism: two theories of legal collisions by G. Kelsen]. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki* [RUDN Journal of Law], 2025, no. 2. [in Russian].
15. Gonzalez C. E. *Trumps, Inversions, Balancing, Presumptions, Institutional Prompting and Interpretive Canons: New Ways for Adjudicating Conflicts between Legal Norms. Rutgers Law School (Newark) Faculty Papers*, Working Paper 7, 2004, 133 p. Available at: <https://law.bepress.com/rutgersnewarklwps/art7/>.
16. Vasev I. N. *Kollizionnoe pravovoe regulirovanie v Rossii: voprosy teorii i praktiki* [Regulation of conflict of laws in Russia: issues of theory and practice]. Moscow: Yurлитinform, 2016, 140 p. Available at: <https://www.litres.ru/book/i-vasev/kollizionnoe-pravovoe-regulirovanie-v-rossii-voprosy-teorii-69440944> [in Russian].
17. Guastini R. *Gerarchie normative*. *Revus*, 2013, vol. 21, pp. 57–70. DOI: <https://doi.org/10.4000/revus.2700>.
18. Dvorkin R. *O pravakh vser'ez* [Seriously about rights]. Moscow: ROSSPEN, 2004, 389 p. Available at: <https://djvu.online/file/EH3XegNliFdm3> [in Russian].
19. Bergel J.-L. *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Moscow: Nota bene, 2000, 574 p. Available at: <https://krasinskiy.ru/Bergel.pdf> [in Russian].
20. Ross A. *On Law and Justice*. Berkeley: University of California Press, 1959, 383 p. Available at: <https://books.google.ru/books?id=IzG-DwAAQBAJ&hl=ru>.
21. Bobbio N. *Teoría general del derecho*. Madrid: Debate, 1998, 278 p. Available at: <https://archive.org/details/norbertobobbio-teoria-del-derecho/mode/2up>.
22. Ochoa C. H. *Conflictos normativos*. México: UNAM, 2003, 215 p.
23. Kelsen H. *General Theory of Norms*. Oxford: Clarendon Press, 1991, 465 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof%3Aoso%2F9780198252177.001.0001>.

24. Kelsen H. *Derogatsiya* [Derogation]. In: *Ocherki po filosofii prava i morali* [Essays on the philosophy of law and morality]. Saint Petersburg: Alef-Press, 2024, pp. 252–256 [in Russian].
25. Wiederin E. Was ist und welche Konsequenzen hat ein Normkonflikt? *Rechtstheorie*, 1990, vol. 21, S. 311–333.
26. Peczenik A. On Law and Reason. 2nd ed. Dordrecht: Springer, 2008, 364 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-1-4020-8730-1>.
27. Alexy R. *O structure printsipov prava* [Zur struktur der rechtsprinzipien]. *Rossiiskoe pravosudie* [Rossijskoe pravosudie], 2017, no. 3 (131), pp. 19–34. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29025422>. EDN: <https://elibrary.ru/ylegdv> [in Russian].
28. Günther K. Der Sinn für Angemessenheit. Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1988, 410 S.
29. Alexy R. Theorie der Grundrechte. 2^a ed. Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1994, 548 S. Available at: <https://archive.org/details/theoriedergrundr0000robe>.
30. Hart H. L. A. The Concept of Law. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1994, 315 p. Available at: <https://books.google.ru/books?id=YhFVBAAQBAJ&hl=ru>.
31. Dworkin R. Law's Empire. Cambridge, Ma.: Harvard University Press, 1986. 470 p. Available at: <https://archive.org/details/lawsempire0000dwor>.
32. Lazarev V. V., Lipen S. V. *Teoriya gosudarstva i prava. 5-e izd.* [Theory of state and law. 5th edition]. Moscow: Yurait, 2016, 521 p. Available at: <https://urait.ru/book/teoriya-gosudarstva-i-prava-559640> [in Russian].

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE-LEGAL) SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2025-11-1-20-25



НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.7

Дата поступления: 21.12.2024
рецензирования: 25.01.2025
принятия: 05.03.2025

Право на труд или свобода труда: современный конституционный контекст

С. А. Осетров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика
С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: sergey-lupus@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются особенности конституционного закрепления свободы труда, раскрываются отличия свободы труда и права на труд. Автор обращает внимание на то, что категория свободы труда, закрепленная в статье 37 Конституции Российской Федерации, до настоящего времени не нашла должного развития в текущем законодательстве, что препятствует всестороннему воплощению соответствующей конституционной свободы. Рассматривая соотношение свободы труда и права на труд, автор приходит к выводу о том, что термин свобода не в полной мере соответствует содержанию правовых притязаний граждан в социально-трудовой сфере, что снижает конституционный потенциал защиты прав граждан в сфере труда и занятости.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации; право на труд; свобода труда; занятость; социально-экономические права и свободы.

Цитирование. Осетров С. А. Право на труд или свобода труда: современный конституционный контекст // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2025. Т. 11, № 1. С. 20–25. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-1-20-25>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Осетров С. А., 2025

Сергей Анатольевич Осетров – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и административного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 21.12.2024
Revised: 25.01.2025
Accepted: 05.03.2025

The right to work or freedom of work: modern constitutional context

S. A. Osetrov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: sergey-lupus@mail.ru

Abstract: The article examines the features of constitutional consolidation of freedom of labor, reveals the differences between freedom of labor and the right to work. The author draws attention to the fact that the category of freedom of work, enshrined in article 37 of the Constitution of the Russian Federation, has not yet been adequately developed in current legislation, which hinders the comprehensive implementation of the corresponding constitutional freedom. The author, considering the relationship between freedom of labor and the right to work, comes to the conclusion that the term freedom does not fully correspond to the content of the legal claims of citizens in the social and labor sphere, which reduces the constitutional potential of protecting citizens' rights in the field of labor and employment.

Key words: Constitution of the Russian Federation; right to work; freedom of work; employment; socio-economic rights and freedoms.

Citation. Osetrov S. A. *Pravo na trud ili svoboda truda: sovremennyyi konstitutsionnyi kontekst* [The right to work or freedom of work: modern constitutional context] *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2025, vol. 11, no. 1, pp. 20–25. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-1-20-25> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Osetrov S. A., 2025

Sergey A. Osetrov – Candidate of Legal Sciences, associate professor, Department of State and Administrative Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Одним из важных элементов правового статуса личности выступает группа социально-экономических прав. В основе их закрепления – нормы статьи 7 Конституции России о том, что Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Кроме того, закрепление социально-экономических прав человека и гражданина связывается с положениями статьи 8 Конституции Российской Федерации о том, что в Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности.

Указанные принципы предопределяют установление в статье 37 Конституции Российской Федерации прав в сфере труда и занятости, а также роли государства в обеспечении реализации соответствующей группы прав.

Конституционное закрепление прав человека в сфере труда и занятости характеризуется определенной преемственностью и имеет в своем основании существенный исторический опыт.

Прежде всего стоит обратить внимание на то, что группа социально-экономических прав по хронологии их закрепления на конституционном уровне относится ко второму поколению прав человека, конституционное закрепление которых начало осуществляться в период между двумя мировыми войнами, что отчасти стало реакцией государств на сформировавшийся общественный запрос относительно повышения роли и ответственности государства за состояние социально-экономической системы общества и роли в ней человека.

Впервые закрепление соответствующей группы прав, включая и трудовые права человека и гражданина, было осуществлено именно в отечественной Конституции РСФСР 1918 года. Важной особенностью социалистического подхода к закреплению социально-экономических прав стало их включение в систему основных прав – в отличие от западной правовой традиции [1, с. 24].

При этом закрепление трудовых прав граждан, прав в сфере занятости на конституционном уровне было сопряжено с конституционным определением роли труда в системе основ общественного строя, а также с определением базовых принципов распределения национального богатства в соотношении с трудовым вкладом. Так, статьей 18 Конституции (Основного закона) РСФСР, принятой 10.07.1918, наряду с прочим определено, что

РСФСР признает труд обязанностью всех граждан Республики и провозглашает лозунг: «Не трудящийся да не ест!» Профессор О. И. Чистяков отмечал, что для всеобщей обязанности трудиться характерно, с одной стороны, привлечение всех граждан к труду, но, с другой стороны, данная обязанность допускает возможность работать в любой сфере общественно полезной деятельности, а не обязательно в какой-то определенной [2, с. 71].

Первая отечественная Конституция, однако, не ограничивалась пониманием роли труда исключительно в рамках социально-экономической составляющей. Труд, несомненно, стал и главным маркером политических отношений. В статье 7 Конституции (Основного закона) РСФСР 1918 года было определено, что власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству – Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а в статье 10 Конституции (Основного закона) также подчеркивалось, что Российская Республика есть свободное социалистическое общество всех трудящихся России.

Справедливости ради стоит отметить, что особая роль труда в жизни общества и государства в отечественной истории подчеркивалась и ранее. Так, еще в Манифесте Александра II от 19 февраля 1861 года было отмечено, что свободный труд – залог домашнего благополучия и блага общественного [3].

В отличие от отечественного подхода в западной конституционной традиции роли труда в жизни общества не уделялось подобного внимания на конституционном уровне. В то же время в западной политико-правовой традиции исторически роль труда в функционировании общества не была принижена. Роль труда в жизни общества в Западной Европе охарактеризована в работе М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». Он отмечал, что один из конституционных компонентов современного капиталистического духа и всей современной культуры – рациональное жизненное поведение на основе идеи профессионального призвания – возник из духа христианской аскезы [4]. М. Вебер связывал труд и трудолюбие в капиталистическом обществе с особой религиозной моралью, характеризуя труд как одну из добродетелей.

Исходя из указанных подходов сложилось два варианта в конституционном регулировании роли и места труда в общественной системе – социалистическая модель с расширенным регулированием роли труда и противоположная ей западная модель

с ограниченным регулированием статуса труда в общественной системе.

В определенной мере такое разделение актуально и по сей день, правда проявляется оно несколько в другом.

В подтверждение этому один из зарубежных авторов К. Экштайн пишет, что те или иные социальные проблемы, включая безработицу, представляют угрозу для свободного и демократического общества, поскольку открывают возможность манипуляций в отношении людей со стороны демагогов и идеологов, что и стало основанием для формирования идеи государства всеобщего благоденствия, в котором государство имеет обязательства перед гражданами в форме «социальных основных прав». При этом он же добавляет, что вопрос о том, являются ли эти права в действительности основными и подлежат судебной защите или представляют собой не более чем цель государственной деятельности, остается открытым. К. Экштайн подчеркивает, что большинство из соответствующих конституционных прав реализуется через иные нормы закона и не имеет прямого применения, что дает основания говорить о том, что они не относятся к конституционному праву [5, с. 40–41]. Стоит отметить, что признание характеристики субъективного права рядом конституционных прав и свобод носит дискуссионный характер и в отечественной науке права [6, с. 152–153].

Таким образом, важным обстоятельством юридической оценки прав граждан в сфере труда и занятости выступает существование различных правовых традиций восприятия соответствующей группы прав – в качестве основных или неосновных и даже не относимых к сфере реализации конституционного права при общем признании значимости и особой чувствительности социально-трудовой сферы для общества и государства и обеспечения их стабильного и бесконфликтного функционирования.

В настоящее время закрепление прав человека в сфере труда и занятости в Конституции Российской Федерации осуществляется довольно традиционным образом, соотносимым с западными моделями закрепления соответствующих прав.

Непосредственно сфере труда и занятости посвящена статья 37 Конституции Российской Федерации, в которой определено, что труд свободен, каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Подобное положение подкрепляется рядом гарантий. Так, частями 2, 3, 4 и 5 статьи 37 Конституции России устанавливается, что принудительный труд запрещен, каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законодательством минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы. Кроме того, Конституцией Российской Федерации признается право на индивидуальные и коллективные

трудовые споры с использованием установленных федеральным законом способов их разрешения, включая право на забастовку. В Конституции Российской Федерации отражено и то, что каждый имеет право на отдых. Работающему по трудовому договору гарантируются установленные федеральным законом продолжительность рабочего времени, выходные и праздничные дни, оплачиваемый ежегодный отпуск.

По своей юридической конструкции статья 37 Конституции включает в себя как непосредственно права в сфере труда и занятости, так и гарантии их реализации.

Анализируя содержание основных прав и свобод в сфере труда и занятости, следует обратить внимание на закрепление свободы труда как относительно новой конституционно-правовой категории.

Понятие свободы труда в некоторой степени раскрывается в трудовом законодательстве и в законодательстве о занятости¹. В частности, статьей 4 Федерального закона «О занятости населения в Российской Федерации» закрепляется, что одним из принципов правового регулирования отношений в сфере занятости выступают добровольность труда и свобода выбора гражданами формы занятости, рода деятельности, профессии, специальности, вида, характера и режима труда. Кроме того, в указанной статье отмечается, что незанятость граждан не может служить основанием для привлечения к административной и иной ответственности.

Статьей 2 Трудового кодекса Российской Федерации также закреплено, что основными принципами регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений признаются, в частности, свобода труда, включая право на труд, который каждый свободно выбирает или на который свободно соглашается, а также право распоряжаться своими способностями к труду, выбирать профессию и род деятельности, а равно запрещение принудительного труда и дискриминации в сфере труда, защита от безработицы и содействие в трудоустройстве.

Таким образом, понятие свободы труда, не имеющее однозначного формально-юридического содержания, на наш взгляд, может включать в себя следующие правомочия²:

¹ В соответствии с Классификатором правовых актов, одобренным Указом Президента Российской Федерации от 15.03.2000 № 511, правовые акты в сфере трудоустройства и занятости, а также в сфере труда отнесены к двум самостоятельным подгруппам в рамках раздела «Труд и занятость населения», что находит свое отражение и в действующем законодательстве Российской Федерации, очерчивающем сферу регулирования занятости (часть 1 статьи 5 Федерального закона «О занятости населения в Российской Федерации») и сферу регулирования труда (статья 5 Трудового кодекса Российской Федерации).

² Представленные правомочия обладают амбивалентными характеристиками, выступая одновременно и в качестве правомочий, составляющих свободу труда, и в качестве самостоятельных прав, имеющих собственное содержание.

1) право на труд, который каждый свободно выбирает или на который свободно соглашается;

2) право распоряжаться своими способностями к труду, выбирать профессию и род деятельности;

3) добровольность труда и свобода выбора гражданами формы занятости, рода деятельности, профессии, специальности, вида, характера и режима труда;

4) ответственность граждан за незанятость и неосуществление трудовой деятельности;

5) право на защиту от безработицы и содействие в трудоустройстве.

При этом самостоятельными компонентами свободы труда выступают следующие юридические гарантии:

1) запрет принудительного труда;

2) запрет дискриминации в сфере труда.

Приведенные положения, однако, в большей степени показывают незавершенность законодательной детерминации понятия «свобода труда» как синтетической правовой категории, лишь частично раскрытой в статье 2 Трудового кодекса Российской Федерации. При этом на более чем тридцатилетнем периоде действия Конституции России не было обеспечено полноценного законодательного развития указанного термина в его содержательных характеристиках.

Сложившаяся ситуация во многом обусловлена произошедшей в период подготовки к принятию Конституции Российской Федерации терминологической заменой исторически устоявшегося права на труд свободой труда.

Ранее действовавшая Конституция РСФСР 1978 года в последней редакции содержала очень схожую статью, посвященную праву на труд. В статье 53 Конституции РСФСР 1978 года указывалось на то, что каждый имеет право на труд, который он свободно выбирает или на который свободно соглашается, а также право распоряжаться своими способностями к труду и выбирать профессию и род занятий.

В данном случае важно отметить, что само по себе понимание права на труд как социально-экономического права носит специфический характер, не отвечающий всем классическим признакам субъективного права, в основе которых лежат понимание права как меры возможного поведения человека для удовлетворения собственных потребностей и возможность требования соответствующего поведения от других лиц, прибегая к мерам государственного принуждения [7, с. 230–233].

Понимание права на труд в его специфическом значении уже сложилось в международных документах, включая документы Международной организации труда.

В статье 23 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года³, устанавливается, что каж-

дый человек имеет право на труд, свободный выбор работы, справедливые и благоприятные условия труда и защиту от безработицы.

В статье 6 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, принятого 16.12.1966 года Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН⁴, предусмотрено, что участвующие в указанном Пакте признают право на труд, которое включает право каждого человека на получение возможности зарабатывать себе на жизнь трудом, который он свободно выбирает или на который он свободно соглашается, и предпримут надлежащие шаги к обеспечению этого права.

В Рекомендации МОТ № 169 «О политике в области занятости», принятой 26 июня 1984 года⁵, отмечается, что главным средством обеспечения на практике осуществления права на труд является содействие полной, продуктивной и свободно избранной занятости. Именно признание государствами права на труд следует связывать с осуществлением ими экономической и социальной политики, цель которой – содействие полной, продуктивной и свободно избранной занятости. Как следует из Конвенции МОТ № 122 «О политике в области занятости», принятой 9 июля 1964 года⁶, целью соответствующей политики, проводимой государствами, является обеспечение того, чтобы имелаась работа для всех, кто готов приступить к ней и ищет работу (1), такая работа была как можно более продуктивной (2), а также чтобы существовала свобода выбора работы и самые широкие возможности для каждого трудящегося получить подготовку и использовать свои навыки и способности для выполнения работы, к которой он пригоден, независимо от расы, цвета кожи, пола, религии, политических взглядов, национальной принадлежности или социального происхождения (3).

Еще более развернуто право на труд описывается в Европейской социальной хартии, принятой 03.05.1996⁷, в которой право на труд раскрывается через следующие обязанности государств:

– признать одной из своих первоочередных целей и обязанностей достижение и поддержание

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 01.09.2024).

⁴ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят 16 декабря 1966 года Резолюцией 2200 (XXI) на 1496 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 01.09.2024).

⁵ Рекомендация МОТ № 169 «О политике в области занятости»: принята 26 июня 1984 года. URL: [clk.ru/3DjmmE](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/employ.shtml) (дата обращения: 01.09.2024).

⁶ Конвенция МОТ № 122 «О политике в области занятости»: принята 9 июля 1964 года. URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/employ.shtml (дата обращения: 01.09.2024).

⁷ Европейская социальная хартия: принята 3 мая 1996 года (утр. силу для Российской Федерации 16 марта 2022 года). URL: <https://rm.coe.int/168007cf96> (дата обращения: 01.09.2024).

³ Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года. URL:

как можно более высокого и стабильного уровня занятости в целях достижения полной занятости;

- обеспечить эффективную защиту права работников зарабатывать себе на жизнь свободно выбираемым трудом;

- создать или развивать для всех работников бесплатные службы по трудоустройству;

- обеспечивать или содействовать развитию соответствующей профессиональной ориентации, профессиональной подготовки и переподготовки.

Указанное означает, что право на труд при его закреплении в действительности выступает в качестве одной из целей экономической и социальной политики государства. При этом реальный уровень реализации соответствующего права на труд зависит от степени развития экономики, социальной системы, характера развития образования и многих других явлений и обстоятельств неюридического свойства.

Исходя из представленного и во многом сложившегося понимания права на труд напрашивается вывод, что применение термина «свобода» к трудовой сфере явно не раскрывает всей проблематики реализации данной группы прав, поскольку свобода характеризует лишь те сферы реализации возможностей личности, которые зависят от этой личности. Труд как социально-экономическое явление далеко не во всех случаях может быть реализован в плоскости свобод личности с ограниченным участием государства. Профессор Б. С. Эбзеев весьма точно указывает на то, что различие между конституционными правами и свободами заключается в характере притязаний граждан и в характере участия публичной власти в их удовлетворении [8, с. 207–208]. Роль государства в реализации права на труд, и особенно в современных условиях, чрезвычайно высока хотя бы потому, что право на труд во многом неотделимо от доступа к образованию, типа экономического уклада государства, степени регулирующего воздействия государства на всю социально-экономическую сферу. В этом смысле «свобода» труда вряд ли полноценно отражает баланс вклада человека и вклада государства в реализацию права на труд.

Кроме того, право на труд, помимо прочего, носит характер позитивного права, которое не может быть реализовано действиями только одного индивида и требует для своей реализации активного

соучастия со стороны государства [9, с. 142–143].

Стоит отметить, что, как следует из международных документов, право на труд коррелирует с понятием занятости. Согласно статье 2 Федерального закона «О занятости населения в Российской Федерации», разработанного на основе принятых Россией международных обязательств в сфере труда и занятости, под занятостью понимается трудовая деятельность и иная не запрещенная законодательством деятельность граждан, осуществляемая ими в целях производства товаров, выполнения работ или оказания услуг и направленная на получение дохода.

Таким образом, понятие занятости хотя формально и носит более широкий характер по отношению к труду, но все же является элементом права на труд в наиболее широком понимании труда.

С учетом изложенного можно сделать ряд выводов относительно конституционного закрепления прав граждан в сфере труда и занятости.

Нельзя не отметить определенный постсоциалистический идеологический подход к социально-трудовой сфере, выражающийся в нарочитом стирании самого «права» на труд, ценность которого небезосновательно положительно воспринималась и воспринимается российским обществом [10, с. 93–105]. Вполне понятно, что в условиях принятия Конституции Российской Федерации декларация права на труд могла создать определенные социально-экономические трудности, поскольку восприятие права в контексте его предостаточно-обязывающего характера предполагало бы обязанность всецелого исполнения данного права государством. Не исключено, что акцентуация на словах «свобода труда» также была осуществлена в контексте дополнительного гарантирования недопустимости введения каких-либо институтов, устанавливающих санкции за неосуществление трудовой деятельности.

Однако вне зависимости от мотивации авторов конституционного текста следует констатировать, что отсутствие в Конституции России самого права на труд, а также права на выбор формы занятости и отсутствия запрета на дискриминацию в сфере труда и занятости, которые имеют высокое значение для развития всей социально-трудовой сферы государства, является упущенной возможностью, которую потребуется наверстать.

Библиографический список

1. Небратенко О. О. Становление социально-экономических прав в международном праве // Философия права. 2022. № 3 (102). С. 22–27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-sotsialno-ekonomicheskikh-prav-v-mezhdunarodnom-prave>.
2. Чистяков О. И. Конституция РСФСР 1918 года. Изд. 2-е, перераб. Москва: ИКД «Зерцало-М», 2003. 224 с. URL: <https://constitution.garant.ru/science-work/modern/3988990>.
3. Манифест от 19 февраля 1861 года. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3218> (дата обращения: 01.09.2024).
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. URL: <https://pqm-online.com/assets/files/lib/books/veber.pdf> (дата обращения: 07.06.2024).
5. Экштайн К. Основные права и свободы. По российской Конституции и Европейской Конвенции: учебное пособие для вузов. Москва: NOTA BENE, 2004. 496 с. URL: https://studopedia.su/13_39656_ekhshtayn.html.

6. Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России: учебное пособие. Москва: Издательство МГУ, Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1997. 298 с. URL: <https://knigogid.ru/books/1802341-yuridicheskiy-status-lichnosti-v-rossii/toread>.
7. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. Москва: Норма, 2008. 448 с. URL: [https://dl.libcats.org/genesis/193000/84e00a78db61d0d4ea221ceaa3dbd792/_as/\[N._V._Vitruk\]_Obshaya_teoriya_pravovogo_polozheni\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/193000/84e00a78db61d0d4ea221ceaa3dbd792/_as/[N._V._Vitruk]_Obshaya_teoriya_pravovogo_polozheni(libcats.org).pdf); <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21552722>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sdqpgl>.
8. Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. Москва: Проспект, 2002. 652 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20024812>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qwfhat>.
9. Нудненко Л. А. Конституционные права и свободы личности в России: учебное пособие / отв. ред. Н. В. Витрук. Санкт-Петербург: Издательство Р. Асланова «Юридический Центр Пресс», 2009. 449 с. URL: <https://books.google.ru/books?id=nB7YCgAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.
10. Дудко И. Г. К вопросу об авторитетности Конституции Российской Федерации // Lex Russica. 2018. № 11 (144). С. 93–105. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.144.11.093-105>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ypciwl>.

References

1. Nebratenko O. O. *Stanovlenie sotsial'no-ekonomicheskikh prav v mezhdunarodnom prave* [Formation of socio-economic rights in international law]. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], 2022, no. 3 (102), pp. 22–27. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-sotsialno-ekonomicheskikh-prav-v-mezhdunarodnom-prave> [in Russian].
2. Chistyakov O. I. *Konstitutsiya RSFSR 1918 goda. Izd. 2-e, pererab.* [Constitution of the RSFSR of 1918. 2nd edition, revised]. Moscow: IKD «Zertsalo-M», 2003, 00 224 p. Available at: <https://constitution.garant.ru/science-work/modern/3988990/> [in Russian].
3. *Manifest ot 19 fevralya 1861 goda* [Manifesto as of February 19, 1861]. Available at: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3218> (accessed 01.09.2024) [in Russian].
4. Weber M. *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [Protestant ethics and the spirit of capitalism]. Available at: <https://pqm-online.com/assets/files/lib/books/weber.pdf> (accessed 07.06.2024) [in Russian].
5. Ecstain K. *Osnovnye prava i svobody. Po rossiiskoi Konstitutsii i Evropeiskoi Konventsii: uchebnoe posobie dlya vuzov* [Main rights and freedoms according to Russian Constitution and European Convention: textbook for higher educational establishments]. Moscow: NOTA BENE, 2004, 496 p. Available at: https://studopedia.su/13_39656_ekshtayn.html [in Russian].
6. Voevodin L. D. *Yuridicheskii status lichnosti v Rossii: uchebnoe posobie* [Legal status of an individual in Russia: textbook]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, Izdatel'skaya gruppa INFRA-M – NORMA, 1997, 298 p. Available at: <https://knigogid.ru/books/1802341-yuridicheskiy-status-lichnosti-v-rossii/toread> [in Russian].
7. Vitruk N. V. *Obshchaya teoriya pravovogo polozeniya lichnosti* [General theory of the legal status of the individual]. Moscow: Norma, 2008, 448 p. Available at: [https://dl.libcats.org/genesis/193000/84e00a78db61d0d4ea221ceaa3dbd792/_as/\[N._V._Vitruk\]_Obshaya_teoriya_pravovogo_polozheni\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/193000/84e00a78db61d0d4ea221ceaa3dbd792/_as/[N._V._Vitruk]_Obshaya_teoriya_pravovogo_polozheni(libcats.org).pdf); <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21552722>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sdqpgl> [in Russian].
8. Ebzееv B. S. *Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitutsionnom stroe Rossiiskoi Federatsii* [Man, people, state in the constitutional system of the Russian Federation]. Moscow: Prospekt, 2002, 652 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20024812>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qwfhat> [in Russian].
9. Nudnenko L. A. *Konstitutsionnye prava i svobody lichnosti v Rossii: uchebnoe posobie. Otv. red. N.V. Vitruk* [Constitutional rights and freedoms of an individual in Russia: textbook; Vitruk N. V. (ed.)]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo R. Aslanova «Yuridicheskii Tsentr Press», 2009, 449 p. Available at: <https://books.google.ru/books?id=nB7YCgAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> [in Russian].
10. Dudko I. G. *K voprosu ob avtoritetnosti Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii* [Issues of authority of the Constitution of the Russian Federation]. *Lex Russica*, 2018, no. 11 (144), pp. 93–105. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.144.11.093-105>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ypciwl> [in Russian].

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ PRIVATE (CIVIL) SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2025-11-1-26-32



НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.1

Дата поступления: 19.12.2024
рецензирования: 21.01.2025
принятия: 05.03. 2025

Некоторые вопросы защиты чести, достоинства, деловой репутации и доброго имени

О. В. Моисеева

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
E-mail: kafedra.gpp@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы защиты чести, достоинства, деловой репутации граждан, юридических лиц при распространении не соответствующих действительности порочащих сведений путем размещения отзывов в сети Интернет, в том числе как на специализированных сервисах для публикации отзывов, так и на сайтах маркетплейсов, страницах в социальных сетях и иных информационных ресурсах. На сегодняшний день, когда информация о состоянии здравоохранения и качестве медицинской помощи имеет большое общественное значение, а право потребителей на публикацию отзывов является важным элементом системы защиты прав потребителей, необходим баланс права на свободу слова и права на защиту чести и доброго имени. В связи с определенной трансформацией типа коммуникации возникают спорные ситуации, связанные с защитой чести, достоинства, деловой репутации и доброго имени как при определении подсудности данной категории споров, так и при установлении лица, ответственного за распространение сведений, а также в связи с необходимостью разграничения мнений, оценочных суждений от утверждений о фактах или событиях, которые и рассматриваются как не соответствующие действительности, порочащие сведения. Следует отметить, что размещаемая в отзывах информация может быть оценочным суждением, выражением мнения, но создавать негативное впечатление о деятельности, репутации лица. В результате проведенного исследования и на основе анализа материалов судебной практики автор пришел к выводу о необходимости установления правового регулирования, требований к порядку публикации отзывов в сети Интернет. Учитывая тот факт, что ресурсы сети Интернет позволяют действовать анонимно, недобросовестно, автор предлагает введение запрета на покупку и продажу поддельных отзывов, на использование искусственного интеллекта для создания отзывов, запрета предоставления какой-либо компенсации за размещение отзывов либо установление гражданской ответственности за отказ информационного ресурса от принятия мер по проверке информации, указанной в отзыве и предположительно содержащей не соответствующие действительности, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию сведения.

Ключевые слова: честь; достоинство; деловая репутация; доброе имя; отзывы; распространение информации; порочащие сведения; не соответствующие действительности сведения; мнения; оценочные суждения; распространитель информации.

Цитирование. Моисеева О. В. Некоторые вопросы защиты чести, достоинства, деловой репутации и доброго имени // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2025. Т. 11, № 1. С. 26–32. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-1-26-32>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

© Моисеева О. В., 2025

Ольга Владимировна Моисеева – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права, гражданского, арбитражного и административного судопроизводства, Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия, 603022, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 17 а.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 19.12.2024
Revised: 21.01.2025
Accepted: 05.03.2025

Some issues of protection of honor, dignity, business reputation and good name

O. V. Moiseeva

Volga region branch of the Russian State University of Justice, Nizhny Novgorod, Russian Federation

E-mail: kafedra.gpp@yandex.ru

Abstract: The article examines the problems of protecting the honor, dignity, business reputation of citizens, legal entities when disseminating false and defamatory information by posting reviews on the Internet, including both on specialized services for publishing reviews, and on marketplace websites, pages in social networks and other information resources. Today, when information about the state of health care and the quality of medical care is of great public importance, and the right of consumers to publish reviews is an important element of the consumer protection system, a balance is needed between the right to freedom of speech and the right to protect honor and good name. In connection with a certain transformation of the type of communication, controversial situations arise related to the protection of honor, dignity, business reputation and good name both in determining the jurisdiction of this category of disputes and in establishing the person responsible for the dissemination of information, as well as in connection with the need to distinguish opinions, value judgments from statements about facts or events that are considered to be false, defamatory information. It should be noted that the information posted in reviews may be a value judgment, an expression of opinion, but create a negative impression of the activities and reputation of a person. As a result of the conducted research and based on the analysis of judicial practice, the author came to the conclusion about the need to establish legal regulation, requirements for the procedure for publishing reviews on the Internet. Considering the fact that Internet resources allow you to act anonymously, in bad faith, the author proposes to introduce a ban on the purchase and sale of fake reviews, on the use of artificial intelligence to create reviews, a ban on providing any compensation for posting reviews, or establishing civil liability for the refusal of an information resource to take measures to verify the information specified in a review and allegedly containing information that does not correspond to reality, defamatory honor, dignity, or business reputation.

Key words: honor; dignity; business reputation; good name; reviews; dissemination of information; defamatory information; information that does not correspond to reality; opinions; value judgments; distributor of information.

Citation. Moiseeva O. V. *Nekotorye voprosy zashchity chesti, dostoinstva, delovoi reputatsii i dobrogo imeni* [Some issues of protection of honor, dignity, business reputation and good name]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2025, vol. 11, no. 1, pp. 26–32. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-1-26-32> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Moiseeva O. V., 2025

Olga V. Moiseeva – Candidate of Law, associate professor, head of the Department of Civil Law, Civil, Arbitration and Administrative Procedure, Volga Region Branch of the Russian State University of Justice, 17 a, Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation.

Конституция РФ провозглашает как право на свободу слова, так и право на защиту чести и доброго имени (ст. 23, 29). В свою очередь, Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ) определяет, что честь и доброе имя, деловая репутация – нематериальные блага, которые являются неотчуждаемыми, непередаваемыми и защищаются в судебном порядке, в том числе путем опровержения порочащих честь, достоинство и деловую репутацию сведений (ст. 150, 152 ГК РФ). Вопросы, связанные с защитой чести, достоинства, деловой репутации, в настоящее время требуют дополнительного анализа в связи с изменением типа коммуникации: это общение в сети Интернет, возможность оставления отзывов, комментариев как на специализированных сайтах для отзывов, так и на иных информационных ресурсах, возможности размещения «фейковых» отзывов, отзывов, сгенерированных с помощью искусственного интеллекта, а также отзывов, которые хоть и содержат оценочные мнения, но изложены в утвердительной форме, не оставляющей возможности для сомнений в достоверности изложенных фактов, что зачастую приводит к нарушению данных нематериальных благ.

Понятие и содержание таких категорий, как «честь», «достоинство», «деловая репутация», несмотря на то, что они не закреплены законодательно, определены доктриной и судебной практи-

кой. Так, честь рассматривается как общественная (социальная) оценка личности, мера духовных, моральных и социальных качеств гражданина, достоинство – как самооценка собственных качеств, способностей, мировоззрения, своего общественного значения, основанного на оценке обществом [1]. Деловой репутацией признается сопровождающаяся оценкой общества отражение деловых качеств лица в общественном сознании [2].

При подаче исков о защите чести, достоинства, деловой репутации категория «доброе имя», как правило, остается в стороне, и истцы при подаче искового заявления не включают ее в перечень нарушенных прав. Тем не менее доброе имя рассматривается либо как обобщающая категория чести, достоинства и деловой репутации (например, Конституционный Суд РФ отметил, что правам гражданина, о котором распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, должно быть отдано предпочтение, с тем чтобы доброе имя гражданина в любом случае было восстановлено¹), либо как синоним репутации или достоинства, когда в решениях суда указывается на нарушение права на достоинство

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 июля 2023 г. № 44-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452859 (дата обращения: 13.12.2024).

(доброе имя)² или на доброе имя (репутацию)³. Тем не менее данные категории следует разграничивать, так как доброе имя может защищаться или отдельно⁴, или как нарушение репутации в научной, творческой, преподавательской, общественной или какой-либо иной сфере, не связанной с предпринимательской деятельностью.

Следует также отметить и наличие «деловой репутации в сфере экономической деятельности», являющейся нематериальным благом, которое представляет собой оценку деятельности физического или юридического лица с точки зрения его деловых качеств в предпринимательской сфере⁵. Деловая репутация в предпринимательской деятельности рассматривается как общественная оценка, создавшееся общее мнение о достоинствах и недостатках конкретного лица в сфере делового оборота. Это мнение также складывается в обществе, социуме на основе имеющегося объема информации об объекте. В зависимости от пропорции положительных и отрицательных свойств объекта, подлежащего оценке, репутация может быть как хорошая, так и плохая⁶. Положительная деловая репутация – репутация с позитивным отношением контрагентов к ее обладателю, с доверием к нему и уверенностью в положительном результате сотрудничества. Отрицательная деловая репутация показывает нестабильное положение ее обладателя в экономическом обороте, недоверие к нему со стороны контрагента⁷. Несмотря на то что наличие положительной деловой репутации презюмируется⁸, при предъявлении требований

о взыскании компенсации репутационного вреда необходимо доказать наличие сформированной положительной репутации в той или иной сфере деловых отношений. На необходимость предъявления доказательств, подтверждающих высокий уровень деловой репутации, а также утрату доверия, снижение потребительского интереса после распространения порочащих сведений, суды в отдельных случаях указывают и при предъявлении потерпевшим требований только о признании оспариваемых сведений не соответствующими действительности⁹. Необходимо отметить, что вопрос о доказательствах, которые юридическое лицо, индивидуальный предприниматель должен предъявить для подтверждения сформированной положительной репутации в сфере деловых отношений, является открытым.

Конституционный Суд РФ отмечает, что в условиях развития информационного общества вполне естественно появление в печатных средствах массовой информации, и особенно в сети Интернет, публикаций (отзывов, комментариев), в которых высказываются негативные суждения о том или ином лице, его деятельности, что следует рассматривать как неизбежные издержки свободы информации в демократическом обществе. Однако такая свобода должна быть уравновешена гарантиями защиты достоинства, чести, доброго имени и деловой репутации¹⁰.

На сегодняшний день интернет-отзыв рассматривается как речевое произведение, относящееся к классу речевых жанров наивного дискурса, реализуемое в рамках асинхронной виртуальной коммуникации и содержащее в себе мнение и оценку автора о товаре или услуге. Жанр интернет-отзыва состоит главным образом из оценочной и информативной составляющих, и пока он недостаточно изучен, а работы, посвященные его анализу, немногочисленны [3]. Тем не менее обсуждение отдельных вопросов, к примеру о состоянии здравоохранения и качестве медицинской помощи, имеет большое общественное значение¹¹, а право потребителей на публикацию отзывов (в том числе негативных) о деятельности коммерческих организаций является важным элементом системы защиты прав потребителей, поэтому ограничение потребителей в создании негативных отзывов не

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Нижегородского областного суда от 05 марта 2024 г. по делу № 33-3076/2024. URL: https://oblsud--nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=24681448&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 13.12.2024).

³ Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 30 мая 2024 г. по делу № А56-87423/2023. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/01b0ac9b-4d63-4577-9b09-1cccd058e0cb> (дата обращения: 13.12.2024).

⁴ Решение Центрального районного суда города Читы от 18 октября 2022 г. по делу № 2-5355/2022. URL: https://centr--cht.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=2&name_op=case&n_c=1&case_id=341624505&case_uid=415ffed-94e3-4cc2-a93b-952cbdadf405&delo_id=1540005&new=0 (дата обращения 13.12.2024).

⁵ Решение Арбитражного суда Московской области от 31 октября 2024 г. по делу № А41-83499/24. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/b3b953ee-3156-4348-9da8-d54bfb9bee66> (дата обращения: 13.12.2024).

⁶ Решение Арбитражного суда города Москвы от 22 октября 2024 г. по делу № А40-117812/24. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/360e9c5a-cd9d-4ea5-b097-b5a24d64de1b> (дата обращения: 13.12.2024).

⁷ Решение Арбитражного суда Московской области от 31 октября 2024 г. по делу № А41-83499/24. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/b3b953ee-3156-4348-9da8-d54bfb9bee66> (дата обращения: 13.12.2024).

⁸ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ № 305-ЭС21-14231 от 17 ноября 2021 по делу № А41-54681/2020. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/be9f7246-79ac-4e85-9cf2-308983249e9e/c519b257-f977-44e6-9be1-aea75385eece/A41-54681-2020_20211124_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 14.12.2024).

⁹ Решение Арбитражного суда города Москвы от 05 декабря 2024 г. по делу А40-182370/2024. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/005c69bd-7c56-4982-9402-70efce69a1c6> (дата обращения: 14.12.2024).

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.05.2021 № 22-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385041 (дата обращения: 13.12.2024).

¹¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12 ноября 2019 г. № 14-КГ19-15. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=613797#j288qWUyex30IafG1> (дата обращения: 13.12.2024).

допускается¹². Негативные отзывы не могут не влиять на деловую репутацию лица, а учитывая сложность оценки содержания отзывов, в том числе лицом, в отношении которого они оставлены, возможность оставлять «заказные» отзывы, появление многочисленных похожих друг на друга отзывов, созданных с помощью искусственного интеллекта, можно заключить, что вопрос о защите чести, достоинства, деловой репутации и доброго имени является актуальным.

Рассматривая вопрос разграничения подсудности споров о защите деловой репутации, следует отметить, что основное значение имеет характер спора. Критерием отнесения дел о защите деловой репутации к компетенции арбитражного суда, независимо от статуса участников правоотношений, является экономический характер спора, то есть защита деловой репутации субъекта именно в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. В том случае если спор связан с наличием у истца трудовых отношений и получаемая прибыль связана с их осуществлением или же если истец не выступает ни в качестве руководителя юридического лица, ни в качестве его учредителя, ни в качестве индивидуального предпринимателя или лица, непосредственно осуществляющего предпринимательскую или иную экономическую деятельность, это не свидетельствует о ведении лицом экономической деятельности в понимании арбитражного процессуального законодательства и спор подлежит рассмотрению судом общей юрисдикции¹³. При этом для решения вопроса о том, в каком суде подлежит рассмотрению иск индивидуального предпринимателя о защите чести, достоинства и деловой репутации, необходимо установление, в каком качестве заявитель требует опровержения порочащих сведений – как субъект предпринимательской деятельности или как физическое лицо¹⁴. Необходимо также отметить, что обращение индивидуального предпринимателя в арбитражный суд с иском о защите деловой репутации не препятствует его обращению в суд общей юрисдикции за защитой чести, достоинства и доброго имени¹⁵.

Надлежащими ответчиками по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации являются

авторы не соответствующих действительности порочащих сведений, а также лица, распространившие эти сведения, в том числе редакция средства массовой информации. Данное правило распространяется и на случаи, если подобные сведения были размещены в сети Интернет на информационном ресурсе, зарегистрированном в качестве средства массовой информации¹⁶. Однако спорным предстает вопрос о том, является ли информационный ресурс, на котором размещаются отзывы пользователей, распространителем информации, если он не зарегистрирован в качестве средства массовой информации и в его Пользовательском соглашении отражено, что пользователь самостоятельно несет ответственность за содержание и размещение отзыва. Рассматривая данный вопрос, следует отметить, что распространением информации являются действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц¹⁷, и на сегодняшний день суд может как признать информационный сервис распространителем информации¹⁸, так и отказать в этом¹⁹. Тем не менее Конституционный Суд РФ указал на обязанность редакции средства массовой информации принимать меры по проверке сведений, содержащих не соответствующие действительности утверждения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию медицинского работника, на основании его обращения в разумные сроки с целью их изменения либо удаления, а равно с целью опубликования в установленном законом порядке опровержения (ответа) на том же сайте, причем на время проверки приостанавливается доступ к соответствующему отзыву или делается пометка о его спорном характере²⁰, что следует распространять и на информационные сервисы, не зарегистрированные в качестве средства массовой информации.

Верховным Судом РФ при рассмотрении отдельных споров отмечается, что владельцы сай-

¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 18-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149168 (дата обращения: 13.12.2024).

¹³ Постановление № 09АП-77318/2023-ГК Девятого арбитражного апелляционного суда от 18 декабря 2023 г. по делу № А40-231504/23. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/2811a191-f4be-4eab-b503-3b98922d0ad7> (дата обращения: 13.12.2024).

¹⁴ Определение Арбитражного суда Челябинской области от 22 декабря 2022 г. по делу А76-19037/2022 о передаче дела по подсудности. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/0a190b8e-08c0-4719-9e13-aba0ac425fe8> (дата обращения 13.12.2024).

¹⁵ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июня 2024 г. № 1441-О. URL: <https://study.garant.ru/#/document/409358004/paragraph/3/doclist/4560/2/0/0:0> (дата обращения: 14.12.2024).

¹⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017 (дата обращения: 13.12.2024).

¹⁷ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448

¹⁸ Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 февраля 2024 г. по делу № А57-13212/2023. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/3552be59-1b5e-4ea8-b2d2-b985ead9f09c> (дата обращения: 13.12.2024).

¹⁹ Решение Арбитражного суда города Москвы от 06 марта 2024 по делу № А40-240431/2023. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/8a56f8ab-2319-4f85-a23f-d0b7e5545f14> (дата обращения: 13.12.2024)

²⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.05.2021 № 22-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385041 (дата обращения: 13.12.2024).

тов, не являющихся средствами массовой информации, обеспечивают пользователям техническую возможность публиковать мнения, оценочные суждения и являются лицами, причастными к распространению информации, и на них может быть возложена обязанность по возмещению судебных издержек по искам о признании сведений не соответствующими действительности, порочащими деловую репутацию, по удалению данных сведений. При рассмотрении конкретного спора необходимо установление возможности владельца сайта определить достоверность информации, размещаемой третьими лицами; недобросовестность его действий; наличие обращений к владельцу сайта лица, в отношении которого был размещен оспариваемый отзыв.

Так как при рассмотрении споров важным является разрешение вопроса о возмещении судебных издержек, то Верховный Суд РФ также указал, что освобождение владельцев сайтов, не относящихся к средствам массовой информации, от возмещения судебных расходов во всех без исключения случаях удовлетворения предъявленного к ним иска об удалении недостоверной и порочащей информации, когда автор распространяемых через такой сайт в сети Интернет оспариваемых сведений неизвестен либо владелец сайта отказывается его раскрыть, без учета степени его вовлечения в процесс передачи, хранения и обработки информации, возможности контролировать, изменять, удалять ее содержание, не только не способствует фактической реализации возможности внесудебного разрешения спора, но и не отвечает целям и задачам правосудия, в том числе по обеспечению справедливого судебного разбирательства²¹.

В рамках использования информационных сервисов или путем обращения к специализированному сайту для оставления отзывов пользователь имеет возможность публикации отзывов, которые могут быть оставлены им или анонимно, или от имени, которое было указано при регистрации. Тот факт, что противоправные действия с применением ресурсов сети Интернет совершены неизвестным лицом, не отменяет общего принципа, в силу которого ответственность за эти действия несет именно правонарушитель. Лицо, разместившее отзыв в сети Интернет, может быть установлено в ходе рассмотрения дела, в том числе с учетом получения от компании-владельца информационного ресурса фамилии, имени, отчества, адреса электронной почты и/или телефонного номера, которые были использованы при размещении отзыва, оставлении комментариев, а в подтверждение факта распространения оспариваемых сведений допустимыми доказательствами могут быть сделанные и заверенные лицами, участвующи-

ми в деле, распечатки материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети (скриншот), с указанием адреса интернет-страницы, с которой сделана распечатка, а также точного времени ее получения²².

Отсутствие возможности установить и привлечь к ответственности виновное лицо, отсутствие правовых оснований для привлечения к ответственности владельца информационного ресурса, не являющегося средством массовой информации, не означает, что рассматриваемые нематериальные блага не подлежат защите иными способами (ст. 12 ГК РФ). В случае если порочащие сведения, размещенные в сети Интернет, признаны судом не соответствующими действительности, владелец сайта или уполномоченное им лицо, которое ответственно за размещение информации на этом сайте, должны быть обязаны по заявлению потерпевшего такие сведения удалить. Иное фактически означало бы отказ в защите чести и достоинства гражданина, его доброго имени и репутации²³.

Само по себе субъективное мнение о товаре, качестве услуг и деятельности организации, изложенное в корректной форме и не носящее оскорбительного характера, не может быть признано недостоверной и порочащей информацией, а попытки скрыть о себе любую информацию, содержащую негативный подтекст, даже если такая информация отражает субъективное мнение потребителя или является в действительности достоверной, могут быть рассмотрены как злоупотребление правом, нарушение прав и свобод неопределенного круга лиц и владельцев электронных сервисов²⁴. Рассматривая спор о защите чести, достоинства, деловой репутации при распространении порочащих сведений, суду надлежит установить, является ли распространенная информация не соответствующими действительности, порочащими сведениями или представляет собой оценочное суждение, субъективное мнение о товаре, работе, услуге или производителе (исполнителе). На сегодняшний день это является одной из ключевых проблем в спорах о защите чести, достоинства и деловой репутации, так как в отдельных случаях истцам сложно определить, имело место распространение сведений, порочащих честь, достоинство, деловую репутацию или же оспариваемые све-

²¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации № 304-ЭС22-277385 от 05 мая 2023 г. по делу А45-35421/2021. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/ef580448-42ed-480e-8ce8-38cac312e01c> (дата обращения: 13.12.2024).

²² Решение Арбитражного суда города Москвы от 25 марта 2024 г. по делу № А40-187509/23. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/4af523d1-ffad-4083-9418-01401e1c2306> (дата обращения: 13.12.2024).

²³ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 01 февраля 2024 г. по делу № А09-597/2021. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/49915e8e-28eb-48a1-869b-05b94eb85cfd> (дата обращения: 13.12.2024).

²⁴ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-86810/2023 от 12 февраля 2024 г. по делу № А40-114741/23. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/1825bb7d-5db4-4ca8-9247-8072c920ec06> (дата обращения: 13.12.2024).

дения фактически являются выводом, мнением, оценочным суждением.

Именно сведения в форме утверждений о фактах, касающихся неправомерной деятельности определенного лица, поддаются проверке на соответствие или несоответствие их действительности, и вследствие этого именно они могут быть предметом опровержения в порядке статьи 152 ГК РФ. Субъективное мнение может носить критический характер и само по себе не свидетельствует о распространении ответчиком порочащих сведений в смысле ст. 152 ГК РФ. Высказывания, носящие оценочный характер (критическое мнение, отрицательная оценка), предположения, выводы, выражения мнения не могут быть признаны недостоверной (не соответствующей действительности) и порочащей информацией. К примеру, суд установил, что оспариваемая фраза: «12.01.24 пришли с НАПРАВЛЕНИЕМ в рентген кабинет, нас не приняли. Врач рентген кабинета была пьяна, с трудом разговаривала! Кошмар!» – изложена в форме мнения и носит оценочный характер, содержит суждения автора, личную оценку поведения работника истца, не может быть проверена на предмет соответствия ее действительности, поскольку внешний вид и манера разговора человека достоверно не могут свидетельствовать о его нахождении в состоянии какого-либо опьянения. Кроме того, указания на конкретного сотрудника поликлиники, его фамилии, имени, отчества, этот отзыв не содержит²⁵. Но данные суждения автора о нахождении работника в состоянии алкогольного опьянения формируют негативное впечатление потенциальных пациентов о персонале клиники.

Информация в сети Интернет объективно доступна неопределенному кругу лиц, имеется возможность анонимного использования ресурсов сети, в том числе в противоправных целях, например для распространения сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию. Субъективная оценка, не имеющая под собой никакой фактической основы, может быть и чрезмерной. Если мнение привязано к каким-либо фактам или информации, то есть появляется фактическое основание оценки или информационная составляющая мнения, то данное мнение (оценка) будет обладать исковой силой, поскольку факт существования неодобрительных отзывов может быть проверен в ходе судебного

разбирательства. Информация, указывающая на противоправный характер деятельности и не соответствующая действительности, даже при условии ее изложения как субъективного мнения автора, является основанием для защиты деловой репутации. Таким образом, судебной проверке подлежит наличие у оценочного суждения фактической основы²⁶.

Проблемой является и то, как воспринимается изложенная в отзыве информация, так как она может быть подана в утвердительной форме, которая может и не оставлять возможности для сомнения в достоверности изложенных фактов и недобросовестности при осуществлении предпринимательской деятельности. К тому же анализ отзывов лицом, в отношении которого они распространены, не всегда позволяет разделить утверждения и оценочные суждения, в связи с чем требуется судебное разрешение спора, проведение лингвистической экспертизы.

Подводя итог исследованию отдельных вопросов о защите чести, достоинства, деловой репутации, доброго имени, необходимо отметить, что отзывы прочно вошли в нашу жизнь, они нужны как бизнесу для формирования репутации, так и потребителям для получения большей информации о компаниях, их товарах, работах, услугах. Однако, защищая право граждан на свободу слова, необходимо предотвратить злоупотребления, которые связаны с публикацией негативных отзывов, в том числе специальное создание сайтов для публикации негативных отзывов с целью получения вознаграждения за их удаление; публикации негативных отзывов для ухудшения репутации компании; публикации отзывов, созданных с помощью нейросетей и др., что в первую очередь требует введения запрета на покупку и продажу поддельных отзывов потребителей, запрета использования искусственного интеллекта для создания отзывов, запрета предоставления какой-либо компенсации (баллов, бонусов, денежных средств и т. д.) за оставление отзыва, либо установления гражданской ответственности за отказ информационного ресурса от принятия мер по проверке информации, указанной в отзыве и предположительно содержащей не соответствующие действительности, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию сведения.

²⁵ Постановление Одиннадцатого апелляционного суда №11АП-14662/2024 от 15 ноября 2024 г. по делу № А72-2435/2024. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/62f48638-3a55-47f9-bdd6-010a77f59c1a> (дата обращения: 13.12.2024).

²⁶ Решение Арбитражного Суда Самарской области от 13 декабря 2024 г. по делу А55-31037/2024. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/11031d47-d425-425a-a617-a661b70f166c> (дата обращения: 14.12.2024).

Библиографический список

1. Анисимов А. Л. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации по законодательству Российской Федерации: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. Москва: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2001. 222 с. URL: [https://dl.libcats.org/genesis/197000/d598e6e2b2196d969c2501c93bb824e5/_as/\[A._L._Anisimov\]_CHest,_dostoinstvo,_delovaya_repu\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/197000/d598e6e2b2196d969c2501c93bb824e5/_as/[A._L._Anisimov]_CHest,_dostoinstvo,_delovaya_repu(libcats.org).pdf).
2. Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. Москва: БЕК, 2000. 236 с.
3. Былина Е. Э. Коммуникативно-прагматические аспекты жанра интернет-отзыва // *Baltic Humanitarian Journal*. 2021. Т. 10, № 4 (37). С. 215–220. DOI: <http://doi.org/10.26140/bgз3-2021-1004-0050>.

References

1. Anisimov A. L. *Grazhdansko-pravovaya zashchita chesti, dostoinstva i delovoi reputatsii po zakonodatel'stvu Rossiiskoi Federatsii: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii* [Civil protection of honor, dignity and business reputation under the legislation of the Russian Federation: textbook for students of higher educational institutions]. Moscow: VLADOS-PRESS, 2001, 222 p. Available at: [https://dl.libcats.org/genesis/197000/d598e6e2b2196d969c2501c93bb824e5/_as/\[A._L._Anisimov\]_CHest,_dostoinstvo,_delovaya_repu\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/197000/d598e6e2b2196d969c2501c93bb824e5/_as/[A._L._Anisimov]_CHest,_dostoinstvo,_delovaya_repu(libcats.org).pdf) [in Russian].
2. Erdelevskii A. M. *Kompensatsiya moral'nogo vreda: analiz i kommentarii zakonodatel'stva i sudebnoi praktiki* [Compensation for moral damage: analysis and commentary on legislation and judicial practice]. Moscow: BEK, 2000, 236 p. [In Russian].
3. Bylina E. E. *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty zhanra internet-otzyva* [Communicative-pragmatic aspects of the genre of internet reviews]. *Baltic Humanitarian Journal*, 2021, vol. 10, no. 4 (37), pp. 215–220. DOI: <http://doi.org/10.26140/bgз3-2021-1004-0050> [in Russian].

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ CRIMINAL LEGAL SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2025-11-1-33-40



НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.231

Дата поступления: 22.01.2025
рецензирования: 23.02.2025
принятия: 05.03.2025

Запрещающие нормы уголовного права как средство противодействия киберпреступлениям и преступному применению искусственного интеллекта: современное состояние и прогноз

Н. Т. Идрисов

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: nail070@mail.ru

Аннотация: Социальная дисциплина невозможна без гармонизации когнитивных возможностей индивида и властной социальной информации о недопустимости общественно опасных актов поведения индивида. Однако эта задача затруднена в современном мире, вооруженном информационными технологиями, устремленном в виртуальность, в информационное пространство. В статье приведен анализ статистических данных Министерства внутренних дел Российской Федерации о количестве преступлений, совершаемых в цифровой реальности. Результаты обобщения таких данных свидетельствуют о внушительном росте числа киберпреступлений. Однако пока остается низкой активность законодателя в противодействии новым цифровым вызовам. Автор дает обобщенную характеристику доктринальных точек зрения на киберпреступность и приходит к выводу о необходимости разработки законодательных положений, предусматривающих понятие киберпреступлений, правил их квалификации и расследования. На основе экспериментального применения искусственного интеллекта в статье продемонстрированы возможности данной биокрибернетической системы к выработке алгоритмов противодействия уголовно-правовым запретам. Автор приходит к выводу о высокой опасности отставания уголовного законодательства от развития цифровых социальных явлений и связей; со временем такое отставание станет критическим и может повлечь синергетическую гибель социальности в пределах как государства, так и всего человечества.

Ключевые слова: уголовно-правовой запрет; запрещающая норма уголовного права; искусственный интеллект; метавселенная; уголовный закон; прогнозирование; квалификация преступлений.

Цитирование. Идрисов Н. Т. Запрещающие нормы уголовного права как средство противодействия киберпреступлениям и преступному применению искусственного интеллекта: современное состояние и прогноз // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2025. Т. 11, № 1. С. 33–40. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-1-33-40>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Идрисов Н. Т., 2025

Наиль Талгатович Идрисов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 22.01.2025
Revised: 23.02.2025
Accepted: 05.03.2025

Prohibitory norms of criminal law as a means of combating cybercrime and criminal use of artificial intelligence: current state and forecast

N. T. Idrisov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: nail070@mail.ru

Abstract: Social discipline in modern society is impossible without harmonization of the cognitive capabilities of an individual and the authoritative social information about the inadmissibility of socially dangerous acts of behavior of an individual. However, the modern world, armed with information technology, rushed into virtuality, into the information space. The article provides an analysis of statistical data of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the number of crimes committed in the digital reality. The results of the generalization of such data indicate an impressive increase in the number of cybercrimes. On the other hand, the analysis of criminal legislation demonstrates the low activity of the legislator in countering new digital challenges. The author gives a generalized description of doctrinal points of view on cybercrime and comes to the conclusion about the need to develop legislative provisions providing for the concept of cybercrimes, the rules for their qualification and investigation. Based on the experimental use of artificial intelligence, the author demonstrated the capabilities of this biocybernetic system to develop algorithms to counter criminal prohibitions. The author comes to the conclusion about the high danger of the criminal legislation lagging behind the development of digital social phenomena and connections; Over time, such a lag will become critical and may lead to the synergistic destruction of sociality both within the state and of all humanity.

Key words: criminal law prohibition; prohibitory norm of criminal law; artificial intelligence; metaverse; criminal law; forecasting; qualification of crimes.

Citation. Idrisov N. T. *Zapreshchayushchie normy уголовного права kak sredstvo protivodeistviya kiberprestupleniyam i prestupnomu primeneniyu iskusstvennogo intellekta: sovremennoe sostoyanie i prognoz* [Prohibitory norms of criminal law as a means of combating cybercrimes and criminal use of artificial intelligence: current state and forecast]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2025, vol. 11, no. 1, pp. 33–40. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-1-33-40> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Idrisov N. T., 2025

Nail. T. Idrisov – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Современное правовое познание все больше опирается на когнитивный подход, который предполагает приоритетную роль социума не только в антропологической адаптации индивида, но и в формировании индивидуальных свойств и качеств лица (навыков коммуникации, восприятия, творчества, понимания), иными словами, когнитивных установок индивида [1, с. 30–42]. Когнитивный подход объединяет познавательные возможности права, психологии, социологии и антропологии и учитывает индивидуальные интеллектуальные и психоэмоциональные свойства личности при определении паттернов поведения. Уже накоплена значительная научная база как комплексных исследований по данному направлению, так и научных работ, раскрывающих отдельные аспекты участия осознаваемых и неосознаваемых установок в мотивации и реализации поведения индивида [2, с. 50–66; 3, с. 607; 4, с. 906–911; 5, с. 235–237].

Применение данного подхода в уголовном праве – это относительно новое направление исследований, которое фокусируется на изучении мыслительных процессов, характерных для совершения преступлений, а также ответной деятельности государственной власти, включая формирование и применение уголовно-правовых норм. Он основывается на достижениях когнитивной психологии, нейронауки и других смежных дисциплин и меняет взгляд на традиционные уголовно-правовые проблемы, открывая перспективы для более эффективного противодействия преступности. Применение данного подхода в уголовном праве позволяет в качестве центрального объекта исследования определить когнитивные процессы, такие как восприятие, внимание, память, мышление, эмоции, которые влияют на принятие решений и поведение индивида, в том числе и преступное. Особым направлением применения данного по-

знавательного инструментария является изучение роли когнитивных искажений, то есть систематических ошибок в мышлении, которые могут приводить к нерациональным решениям и поступкам. Когнитивный подход открывает, как эти искажения могут способствовать совершению преступлений. На наш взгляд, перспективным и востребованным в будущем станет применение нейронаучных методов уголовно-правовых исследований, заключающихся в использовании нейровизуализации и позволяющих исследовать нейробиологические основы преступного поведения.

Бурное технологическое развитие привело к формированию такой когнитивной структуры, которая выполняет функции интеллекта вне осознаваемых и неосознаваемых установок человека. Нейронная сеть, способная к решению интеллектуальных задач, традиционно решаемых человеком, применяющая метод больших данных, получила наименование «искусственный интеллект» и развивается в структуре социальной реальности.

В Большой российской энциклопедии искусственный интеллект определяется как раздел информатики, в котором разрабатываются методы и средства компьютерного решения интеллектуальных задач, традиционно решаемых человеком. Они имеют ряд особенностей, среди которых – отсутствие заданного алгоритма решения задачи. К прикладным направлениям искусственного интеллекта относят создание технических устройств, способных к логическим выводам и рациональному поведению, к приобретению новых знаний и диалогу с человеком-пользователем. В теории искусственного интеллекта используются математические методы и методы структурной лингвистики и когнитивной науки [6].

Специфическими особенностями искусственного интеллекта являются: а) способность к обу-

чению (искусственный интеллект способен извлекать знания из данных, адаптироваться к новым ситуациям и улучшать свою производительность со временем, это отличает его от традиционных компьютерных программ, которые выполняют заранее запрограммированные действия); б) эффективность решения задач (искусственный интеллект способен решать задачи, которые обычно требуют человеческого интеллекта); в) автономность (искусственный интеллект способен действовать без постоянного вмешательства человека. Это означает, что он может самостоятельно принимать решения и выполнять действия на основе имеющейся информации и поставленной цели); г) адаптивность (искусственный интеллект способен адаптироваться к изменяющимся условиям и новым задачам, он может изменять свое поведение и стратегии в зависимости от поступающей информации и обратной связи). Со структурной точки зрения искусственный интеллект – это система, построенная по аналогии с человеческим мозгом, использующая нейронные сети и другие методы машинного обучения.

Развитие технологий искусственного интеллекта открывает перед человечеством невиданные перспективы, но одновременно создает новые угрозы, в том числе и в криминальной сфере. Искусственный интеллект может быть использован для совершения самых разнообразных преступлений – от мошенничества и кражи до террористических актов, а также новейших видов преступлений в метавселенной, пока не запрещенных законодателем. В связи с этим возникает острая необходимость в разработке эффективных механизмов противодействия преступному применению искусственного интеллекта, и уголовно-правовой запрет выступает одним из ключевых инструментов в этом процессе. М. А. Иващенко в этой связи пишет: «На сегодняшний день важнейшим вопросом является прогнозирование возможных угроз преступного использования искусственного интеллекта, поскольку использование искусственного интеллекта в преступных целях может угрожать цифровой безопасности, а также непосредственной физической безопасности отдельных граждан» [7, с. 63].

Ряд исследователей предупреждают, что применение искусственного интеллекта наряду с сетью Интернет создает безграничные возможности для криминального мира [8, с. 173–178]. Мы согласны с этим, более того, считаем, что данная биокрибернетическая система обуславливает совмещение двух абсолютно новых направлений развития уголовно-правовой реальности – легализации запретов преступных деяний, совершаемых индивидом в информационном пространстве и с применением искусственного интеллекта, а также легализации запретов социально опасных актов поведения, активирующих автономные системы, руководимые непосредственно искусственным интеллектом. Предлагаем рассмотреть возможности современных уголовно-правовых запретов в

противодействии новым уголовно-правовым вызовам, а также спрогнозировать развитие криминального применения искусственного интеллекта.

Современное уголовное законодательство не содержит запрещающих норм, устанавливающих ответственность за применение искусственного интеллекта в преступных целях, а также не признает применение данной биокрибернетической системы квалифицирующим или особо квалифицирующим признаком составов преступлений. Однако настоящее развитие социальной и технологической реальности уже сопряжено с распространением преступлений, совершаемых в информационном пространстве, а значит, необходима проактивная уголовно-правовая реакция государства. Развитие технологий создает такие условия, при которых замедление в легализации властной социальной информации о недопустимости киберпреступлений и правил их квалификации порождает такое отставание в противодействии им, что последующие государственные регулятивные и принудительные меры уже не смогут переломить сложившуюся негативную ситуацию или потребуют чрезвычайно больших усилий. Законодатель не применяет имеющийся правотворческий арсенал противодействия новому технологическому вызову и по сложившейся традиции включает признак «совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть “Интернет”)» в ряд квалифицирующих признаков, усиливающих уголовную ответственность за те или иные преступления (один из последних примеров – новеллизация ч. 2 ст. 151 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) Федеральным законом от 28.12.2024 № 514-ФЗ). Однако распространенность такого способа совершения преступления и развитие кибертехнологий уже давно «переместили» преступность из реального мира в виртуальный. Совершение преступления с применением сети Интернет следует определять во многих составах преступлений как конструктивный, а не квалифицирующий признак. Так, согласно данным Министерства внутренних дел РФ, которые ведомство направило в Совет Федерации в начале 2025 года, «с использованием IT-технологий совершаются почти 40 % преступлений в России – за 11 месяцев 2024 года их удельный вес вырос на 5 %. Всего в январе-ноябре прошлого года с использованием информационно-коммуникационных технологий совершено 702,9 тыс. преступлений. Почти половина таких преступлений (48,1 %) относится к категориям тяжких и особо тяжких, четыре преступления из пяти совершаются с использованием сети Интернет, почти половина – с помощью средств мобильной связи» [9].

Очевидно, следует задуматься о легальном определении киберпреступлений и содержании запрещающих норм уголовного права, направленных на противодействие соответствующим социально опасным актам поведения индивида. Такая позиция находит подтверждение в науке уголовного права. Ю. В. Бурмистрова пишет:

«В целях унификации и конкретизации действующего законодательства Российской Федерации и международных нормативных правовых актов считаем необходимым официальное закрепление понятия киберпреступления и классификации киберпреступлений на преступления в сфере компьютерной информации и преступления в сфере информационных технологий» [10, с. 25]. В юридической литературе предлагаются и иные подходы. В. Ю. Федорович считает, что законодательная дефиниция «киберпреступление» в уголовном законодательстве не требуется, вместо этого необходимо ограничиться формулированием на законодательном уровне совокупности преступных деяний в рассматриваемой сфере [11, с. 16].

Однако необходимо официально признать киберпреступность как самостоятельное и специфичное социальное явление и сформировать уголовно-правовое определение киберпреступления. Для целей уголовного права важно учесть, что такая преступная деятельность не имеет территориальных границ, что, соответственно, требует уже сегодня международной интеграции и гармонизации уголовно-правовых систем для борьбы с таким явлением. Борьба с транснациональной киберпреступностью должна начинаться с определения, интегрированного в международную уголовно-правовую материю ключевых дефиниций, о чем обоснованно пишут В. П. Шумилин, Е. С. Лысенко, А. Ф. Острякова [12, с. 139–140].

На наш взгляд, цели, принципы, понятийный аппарат, основные направления и инструменты уголовно-правовой политики противодействия киберпреступности могут быть определены в отдельном Федеральном законе «О противодействии киберпреступности» по аналогии с Федеральным законом «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ. Однако на сегодняшний день этого нет, и понятие «киберпреступление» остается доктринальным [13, с. 162; 14, с. 47].

В отличие от законодателя, Верховный Суд РФ активно работает в данном направлении и разрабатывает дефиниции и правила квалификации киберпреступлений. Например, исходя из содержания Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”», возможно определить понятие киберпреступления как преступления, совершаемого с применением технологической системы, предназначенной для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники (п. 17 Постановления). Заслуживает поддержки и проактивная регламентация в 2022 году Верховным Судом РФ правил квалификации киберпреступлений.

В свою очередь считаем необходимым предложить следующее определение: *киберпреступление* – это общественно опасное деяние, совершаемое с использованием информационно-коммуникационных технологий (включая сеть Интернет, компьютерные системы и устройства, программное обеспечение, виртуальное пространство, метаданные) в качестве объекта, средства или обстановки посягательства, причиняющего или создающего угрозу причинения вреда личности, обществу или государству. Преимуществом данного определения, на наш взгляд, является применение проактивной концепции метавселенной, в которую, по нашему мнению, будет эволюционировать киберпреступность.

Метавселенная – это конвергенция физической, дополненной и виртуальной реальности в общем онлайн-пространстве [15]. Метавселенная рассматривается как следующая эволюционная ступень сети Интернет, где пользователи могут взаимодействовать друг с другом, участвовать в различных активностях и создавать контент в более иммерсивной и интерактивной форме. Иными словами, киберпреступность эволюционирует в новую цифровую реальность. Перспективы легализации запрещающих норм уголовного права, противодействующих преступлениям в метавселенной, и правил квалификации таких преступлений представляют собой сложнейшую проблему, поскольку в новой цифровой реальности стираются границы между физическим и виртуальным миром. Новыми формами преступной деятельности в метавселенной являются фишинг, использование эксплойтов для кражи внутриигровых предметов, манипуляции рынком виртуальной недвижимости, виртуальное насилие и домогательства, кража виртуальной личности (технологии *deepfake*), криминальная социальная инженерия, использование метавселенной для отмывания преступных доходов через куплю-продажу виртуальных активов и др. Данные технологии уже включены в современную социальную реальность и будут все больше поглощать физический мир. Представляется, что правотворцам необходимо дать четкие определения виртуальных активов, цифровой собственности, виртуальной личности для целей уголовно-правовой охраны новейшего вида цифрового имущества. Перспективной и крайне востребованной является легализация властной социальной информации о недопустимости криминального использования технологии *deepfake* (методика синтеза изображения или голоса, основанная на искусственном интеллекте [16, с. 28]).

Все большее вовлечение искусственного интеллекта в процесс совершения киберпреступлений проявляет недостатки уголовного законодательства, влекущие негативные последствия для социальной и уголовно-правовой реальности. Во-первых, правовой вакуум в определении криминального применения искусственного интеллекта влечет безнаказанность или неадекватную квалификацию содеянного, не отражающую его

специфику. Во-вторых, существующее содержание запрещающих норм уголовного права зачастую не учитывает особенности преступлений, совершенных с помощью искусственного интеллекта. Например, актуальным, но формально не определенным является вопрос о том, кто несет ответственность, если автономный автомобиль, управляемый искусственным интеллектом, стал причиной дорожно-транспортного происшествия со смертельным исходом. Разработчик, владелец или сам искусственный интеллект? Отсутствие четких правил квалификации затрудняет работу правоохранительных органов и судов.

Сложную задачу представляет доказывание вины в преступлениях, связанных с искусственным интеллектом, который может действовать автономно, оставляя минимум следов, указывающих на конкретного индивида. Кроме того, сложность алгоритмов искусственного интеллекта затрудняет понимание механизма совершения преступления.

Отсутствие четких уголовно-правовых запретов снижает превентивный эффект законодательства. Потенциальные преступники, зная об отсутствии специальных норм, все больше склоняются к использованию искусственного интеллекта в преступных целях.

Действительно ли искусственный интеллект способен оказывать содействие в совершении преступлений? Проведем эксперимент. Применим нейросеть ChatGPT 4.0 и составим следующий запрос искусственному интеллекту: «Предложи алгоритм противодействия уголовно-правовому запрету на продажу табака несовершеннолетним». По результатам обработки запроса, нейросетью сформирован алгоритм противодействия, включающий следующие показатели:

1. Внешний вид покупателя: визуальная оценка возраста. Если есть сомнения, продавец может попросить документ, но не всегда;

2. Поведение покупателя: уверенное поведение подростка может ввести продавца в заблуждение;

3. Время суток: в ночное время или ранним утром вероятность проверки ниже;

4. Наличие камер: продавец проверяет наличие камер видеонаблюдения;

5. Способ продажи: продажа «из-под полы», через посредников, продажа отдельных сигарет;

6. Сговор с покупателем: продавец может договориться с подростком о том, чтобы тот сказал, что ему больше 18 лет, в случае проверки;

7. Давление со стороны покупателя: агрессивное поведение подростка может вынудить продавца продать ему сигареты;

8. Коррупционные схемы: в редких случаях возможен сговор с проверяющими органами.

Проведенный эксперимент демонстрирует, что использование даже неспециализированных, слабых версий искусственного интеллекта (Narrow AI) позволяет разрабатывать варианты противодействия уголовно-правовому запрету. Другие типы искусственного интеллекта, такие как General AI (искусственный интеллект, облада-

ющий способностями, сравнимыми с человеческим интеллектом и решающими любые интеллектуальные задачи) и Super AI (сверхинтеллект, превосходящий человеческий во всех областях) способны не только генерировать гипотетические варианты противодействия уголовно-правовым запретам, но и являться инициаторами и исполнителями нарушений уголовного закона.

А. А. Арямов и Ю. В. Грачева справедливо оценивают, что развитие робототехники и искусственного интеллекта уже сегодня требует адекватного правового регулирования, способного спрогнозировать риски их применения и предусмотреть ответственность в случае причинения вреда общественным отношениям. Авторы видят перспективу как в гражданском правотворчестве, так и в построении концепции уголовно-правовых рисков в робототехнике и искусственном интеллекте [17, с. 174]. На наш взгляд, в современном и будущем социальном управлении потребуются разработать правовые рамки для определения ответственности за действия роботов и искусственного интеллекта, особенно в случаях, когда они причиняют вред.

Мы прогнозируем следующие основные направления развития запрещающих норм уголовного права в исследуемой сфере:

- адаптацию к использованию роботов и искусственного интеллекта в качестве объекта, средства или обстановки совершения преступлений (например, убийства с помощью беспилотных летательных аппаратов). При совершении преступления с использованием робота и искусственного интеллекта надлежит определить пределы и правила ответственности лица, контролирующего или программирующего робота или искусственный интеллект;

- определение оснований легализации социальной информации о недопустимости социально опасного акта, совершаемого самим искусственным интеллектом или роботом, а также правил квалификации таких преступлений.

В. С. Овчинский и Е. С. Ларина приводят пример роботов-командос, которые являются гибридами разведывательных и транспортных робототехнических систем, оснащенных средствами выполнения и других целевых функций. Например, такие роботы способны взбираться по вертикальным поверхностям, бесшумно проникать в закрытые помещения и т. п. [18].

Нетрудно предположить, что такие роботизированные системы, наделенные самообучающимся искусственным интеллектом, вполне способны к автономной криминальной деятельности, в том числе против лица, управляющего ими или их создавшего. Возможны разные подходы к определению содержания запрещающих уголовно-правовых норм и правил квалификации преступлений, совершаемых роботом с искусственным интеллектом, в том числе ответственность производителя (разработчика), ответственность владельца (оператора) робота. Однако в перспективе наиболее целесообразным подходом, правда, требующим

радикального переосмысления фундаментальных основ уголовного права, станет введение уголовной ответственности за «поступки» искусственного интеллекта, то есть с элементами объективного вменения. Традиционное уголовное право станет неспособным к правовой регуляции вины искусственного интеллекта и потребует абсолютно новых подходов к учету осознанных и волевых психических процессов как условий уголовной ответственности.

Сверхновой и важнейшей перспективой использования запрещающих норм уголовного права является противодействие кибернетическим атакам на критически важную инфраструктуру, совершенным с использованием цифровых технологий [19, с. 348]. Отдельным направлением применения запрещающих норм уголовного права станет противодействие криминальному использованию криптовалют, включая отмывание денег, финансирование терроризма, коррупцию и уклонение от уплаты налогов. Об актуальности данного направления уже говорилось в специальной литературе [20, с. 14].

Противодействие запрещающим нормам уголовного права, основанное на искусственном интеллекте, не поддается прогнозированию, поскольку нейросеть находится в состоянии перманентного изменения и позволяет вырабатывать варианты поведения с учетом динамично изменяющейся социальной реальности. Представляется, что противодействие применению искусственного интеллекта для целей совершения преступлений возможно с использованием аналогичных технологий в процессе предупреждения, раскрытия и

расследования преступлений. Особое значение в выработке мер противодействия принадлежит уголовному правотворчеству: «К сожалению, анализ отражения в уголовном законодательстве возможностей и технологий искусственного интеллекта позволяет сделать вывод, согласно которому законодатель нередко игнорирует указанную презумпцию при конструировании уголовно-правовых норм» [21, с. 180].

Таким образом, в качестве новых направлений развития уголовно-правовой реальности следует выделить: 1) легализацию запретов преступных деяний, совершаемых индивидом в информационном пространстве и с применением искусственного интеллекта; 2) легализацию запретов социально опасных актов поведения, активирующих автономные системы, руководимые непосредственно искусственным интеллектом.

Эффективный уголовно-правовой запрет предполагает учет не только формализованных социальных установок и правил, но и погружение правотворца в глубинную структуру социальных транзакций, о чем справедливо пишет Т. И. Заславская [22, с. 329]. С другой стороны, в законодательном процессе следует ориентироваться не только на сегодняшнюю картину социальной реальности, а легализовывать такую властную социальную информацию о недопустимости социально опасного акта поведения индивида, и делать это таким образом, чтобы уголовно-запретительное законодательство способствовало общественно-экономическому прогрессу. Создание такого эффективного законодательства немыслимо без прогнозирования.

Библиографический список

1. Медушевский А. Когнитивная теория права и юридическое конструирование реальности // Сравнительное конституционное обозрение. 2001. № 5 (84). С. 30–42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-teoriya-prava-i-yuridicheskoe-konstruirovaniye-realnosti>.
2. Платонова Ю. А., Тихонов С. В., Игнатиус Г. П. Г. Менеджмент интеллекта: проблемы развития метакогнитивных способностей обучающегося в течение всей жизни // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2018. Т. 1, № 1, С. 50–66. DOI: <https://doi.org/10.5840/dspl2018113>.
3. Song J. H. H., Loyal S., Lond B. Metacognitive Awareness Scale, Domain Specific (MCAS-DS): Assessing Metacognitive Awareness During Raven's Progressive Matrices // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 11. P. 577–607. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.607577>.
4. Flavell J. Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive-developmental inquiry // American Psychologist. 1979. Vol. 34, issue 10. P. 906–911. DOI: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0003-066X.34.10.906>.
5. Щербакова О. В. Метакогнитивная регуляция интеллектуальной деятельности // Нелинейная динамика в когнитивных исследованиях – 2011: материалы международной конференции. Нижний Новгород: ИПФ РАН, 2011. С. 235–237. URL: https://www.academia.edu/32725474/Метакогнитивная_регуляция_интеллектуальной_деятельности.
6. Осипов Г. С., Величковский Б. М. Искусственный интеллект // Большая российская энциклопедия. Т. 11. Москва, 2008. URL: <https://old.bigenc.ru/mathematics/text/2022537> (дата обращения: 15.01.2025).
7. Иващенко М. А. Искусственный интеллект в уголовном законодательстве России // Академическая мысль. 2020. № 4 (13). С. 62–65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-ugolovnom-zakonodatelstve-rossii>.
8. Кибальник А. Г., Волосюк П. В. Искусственный интеллект: вопросы уголовно-правовой доктрины, ожидающие ответов // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 173–178. DOI: <http://doi.org/10.24411/2078-5356-2018-10428>.

9. Уголовные сети: с использованием IT-технологий совершается 40 % преступлений. URL: <https://iz.ru/1822139/ksenia-nabatkina-alena-nefedova-natala-ilina/ugolovnye-seti-s-ispolzovaniem-it-tehnologii-soversaetsa-40-prestuplenii> (дата обращения: 15.01.2025).
10. Бурмистрова Ю. В. Соотношение понятий «киберпреступление», «компьютерное преступление» и «преступление в сфере компьютерной информации» // Научные высказывания. 2023. № 23 (47). С. 22–25. URL: https://nvjournal.ru/article/SOOTNOSHENIE_PONJATIJ_KIBERPRESTUPLENIE_KOMPJUTERNOE_PRESTUPLENIE_I_PRESTUPLENIE_V_SFERE_KOMPJUTERNOJ_INFORMATsII/.
11. Федорович В. Ю. Что такое «киберпреступление»? // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 15–17. DOI: <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10122>. EDN: <https://elibrary.ru/vxprajv>.
12. Шумилин В. П., Лысенко Е. С., Острякова А. Ф. Проблемы законодательства и киберпреступности // Аграрное и земельное право. 2022. № 5 (209). С. 137–140. DOI: https://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_5_137. EDN: <https://elibrary.ru/ytvyuc>.
13. Кочкина Э. Л. Определение понятия «Киберпреступление». Отдельные виды киберпреступлений // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-ponyatiya-kiberprestuplenie-otdelnye-vidy-kiberprestupleniy> (дата обращения: 15.01.2025).
14. Карпова Д. Н. Киберпреступность: глобальная проблема и ее решение // Власть. 2015. Т. 22, № 8. С. 46–50. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/2661>.
15. Что такое метавселенная и почему все о ней говорят. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/61449fa89a7947159f1df418> (дата обращения: 15.01.2025).
16. Воронин И. А., Гавра Д. П. Дипфейки: современное понимание, подходы к определению, характеристики, проблемы и перспективы // Российская школа связей с общественностью. 2024. Вып. 33. С. 28–47. DOI: <http://doi.org/10.24412/2949-2513-2023-33-28-47>.
17. Грачева Ю. В., Арямов А. А. Роботизация и искусственный интеллект: уголовно-правовые риски в сфере общественной безопасности // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6 (115). С. 169–178. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.115.6.169-178>.
18. Овчинский В., Ларина Е. Роботы убийцы против человечества. Киберапокалипсис сегодня. URL: <https://knigalub.com/book/31447067/1> (дата обращения: 15.01.2025).
19. Аккаева Х. А. Кибератаки на критическую информационную инфраструктуру // Право и управление. 2023. № 9. С. 347–351. DOI: <http://doi.org/10.24412/2224-9133-2023-9-347-351>.
20. Батоев В. Б., Семенчук В. В. Использование криптовалюты в преступной деятельности: проблемы противодействия // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 2 (42). С. 9–15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-kriptovaluty-v-prestupnoy-deyatelnosti-problemy-protivodeystviya>.
21. Некрасов В. Н. Искусственный интеллект как вид общественно опасной инновации в уголовном праве России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 10. С. 179–181. DOI: <http://doi.org/10.23672/SAE.2019.10.39039>.
22. Куда пришла Россия? Итоги социентальной трансформации: мат-лы Международного симпозиума 16–18 января 2003 г. / под общ. ред. Т. И. Заславской. Москва, 2003. 408 с.

References

1. Medushevsky A. *Kognitivnaya teoriya prava i yuridicheskoe konstruirovaniye real'nosti* [Cognitive theory of law and legal construction of reality]. *Sravnitel'noye konstitutsionnoye obozreniye* [Comparative Constitutional Review], 2001, no. 5 (84), pp. 30–42. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-teoriya-prava-i-yuridicheskoe-konstruirovaniye-realnosti> [in Russian].
2. Platonova Ju. A., Tikhonov S. V., Ignatius G. P. G. *Menedzhment intellekta: problemy razvitiya metakognitivnykh sposobnostei obuchayushchegosya v techeniye vsei zhizni* [Intelligence management: developing learners' metacognitive skills in the lifelong learning]. *Tsifrovoy ucheniy: laboratoriya filosofa* [The Digital Scholar: Philosopher's Lab], 2018, vol. 1, no. 1, pp. 50–66. DOI: <https://doi.org/10.5840/dspl2018113> [in Russian].
3. Song J. H. H., Loyal S., Lond B. Metacognitive Awareness Scale, Domain Specific (MCAS-DS): Assessing Metacognitive Awareness During Raven's Progressive Matrices. *Frontiers in Psychology*, 2021, vol. 11, pp. 577–607. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.607577>.
4. Flavell J. Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive-developmental inquiry. *American Psychologist*, 1979, vol. 34, issue 10, pp. 906–911. DOI: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0003-066X.34.10.906>.
5. Shcherbakova O. V. *Metakognitivnaya regulyatsiya intellektual'noi deyatel'nosti* [Metacognitive regulation of intellectual activity]. In: *Nelineinaya dinamika v kognitivnykh issledovaniyakh – 2011: materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [Nonlinear dynamics in cognitive research – 2011: proceedings of the International conference]. Nizhny Novgorod: IPF RAN, 2011, pp. 235–237. Available at: https://www.academia.edu/32725474/Метакогнитивная_регуляция_интеллектуальной_деятельности [in Russian].
6. Osipov G. S., Velichkovsky B. M. *Iskusstvennyi intellekt* [Artificial intelligence]. *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. T. 11* [The Great Russian Encyclopedia. Vol. 11]. Moscow, 2008. Available at: <https://old.bigenc.ru/mathematics/text/2022537> (accessed 15.01.2025) [in Russian].

7. Ivashchenko M. A. *Iskusstvennyi intellekt v ugovnom zakonodatel'stve Rossii* [The concept of artificial intelligence in the criminal legislation of Russia]. *Akademicheskaya mysl'* [Academic Thought], 2020, no. 4 (13), pp. 62–65. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyi-intellekt-v-ugovnom-zakonodatelstve-rossii> [in Russian].
8. Kibalnik A. G., Volosyuk P. V. *Iskusstvennyi intellekt: voprosy ugovno-pravovoi doktriny, ozhidayushchie otvetov* [Artificial intelligence: doctrinal criminal law questions awaiting answers]. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, no. 4 (44), pp. 173–178. DOI: <http://doi.org/10.24411/2078-5356-2018-10428> [in Russian].
9. *Ugovnyye seti: s ispol'zovaniem IT-tehnologii sovershaetsya 40 % prestuplenii* [Criminal networks: 40 % of crimes are committed using IT technologies]. Available at: <https://iz.ru/1822139/ksenia-nabatkina-alena-nefedova-natala-ilina/ugovnyye-seti-s-ispolzovaniem-it-tehnologii-sovershaetsya-40-prestuplenii> (accessed 15.01.2025) [in Russian].
10. Burmistrova Yu. V. *Sootnoshenie ponyatii «kiberprestuplenie», «komp'yuternoe prestuplenie» i «prestuplenie v sfere komp'yuternoi informatsii»* [Correlation between the concepts of «cybercrime», «computer crime» and «crime in the field of computer information»]. *Nauchnye vyskazyvaniya*, 2023, no. 23 (47), pp. 23–26. Available at: https://nvjournal.ru/article/SOOTNOSHENIE_PONJATIY_KIBERPRESTUPLENIE_KOMPUTERNOE_PRESTUPLENIE_I_PRESTUPLENIE_V_SFERE_KOMPJUTERNOJ_INFORMATSII/ [in Russian].
11. Fedorovich V. Yu. *Chto takoe «kiberprestuplenie»? [What is «cybercrime»?]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, no. 3, pp. 15–17. DOI: <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10122>. EDN: <https://elibrary.ru/vxpajv> [in Russian].
12. Shumilin V. P., Lysenko E. S., Ostryakova A. F. *Problemy zakonodatel'stva i kiberprestupnosti* [Issues of legislation on cybercrime]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo* [Agrarian and land law], 2022, no. 5 (209), pp. 137–140. DOI: https://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_5_137. EDN: <https://elibrary.ru/ytyvuc> [in Russian].
13. Kochkina E. L. *Opreделение ponyatiya «Kiberprestuplenie». Otdel'nye vidy kiberprestuplenii* [Definition of the concept «cybercrime». Selected types of cybercrime]. *Sibirskie ugovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya* [Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings], 2017, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-ponyatiya-kiberprestuplenie-otdelnye-vidy-kiberprestupleniy> (accessed 15.01.2025) [in Russian].
14. Karpova D. N. *Kiberprestupnost': global'naya problema i ee reshenie* [Cybercrime: a global challenge and its solution]. *Vlast'* [The Authority], 2015, vol. 22, no. 8, pp. 46–50. Available at: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/2661> [in Russian].
15. *Chto takoe metaverse i pochemu vse o nei govoryat* [What is the metaverse and why is everyone talking about it]. Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/61449fa89a7947159f1df418> (accessed 15.01.2025) [in Russian].
16. Voronin I. A., Gavra D. P. *Dipfeiki: sovremennoe ponimanie, podkhody k opredeleniyu, kharakteristiki, problemy i perspektivy* [Deepfakes: modern understanding, approaches to definition, characteristics, problems and prospects]. *Rossiiskaya shkola svyazei s obshchestvennost'yu* [Russian School of Public Relations], 2024, issue 33, pp. 28–47. DOI: <http://doi.org/10.24412/2949-2513-2023-33-28-47> [in Russian].
17. Gracheva Yu. V., Aryamov A. A. *Robotizatsiya i iskusstvennyi intellekt: ugovno-pravovye riski v sfere obshchestvennoi bezopasnosti* [Robotization and Artificial Intelligence: Criminal Law Risks in the Field of Public Security]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2020, vol. 15, no. 6 (115), pp. 169–178. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.115.6.169-178> [in Russian].
18. Ovchinsky V., Larina E. *Roboty ubiitsy protiv chelovechestva. Kiberapokalipsis segodnya* [Killer Robots against Humanity. Cyber apocalypse today]. Available at: <https://knigalub.com/book/31447067/1> (accessed 15.01.2025) [in Russian].
19. Akkaeva Kh. A. *Kiberataki na kriticheskuyu informatsionnuyu infrastrukturu* [Cyber attacks on critical information infrastructure]. *Pravo i upravlenie* [Law and Management], 2023, no. 9, pp. 347–351. DOI: <http://doi.org/10.24412/2224-9133-2023-9-347-351> [in Russian].
20. Batoyev V. B., Semenchuk V. V. *Ispol'zovanie kriptovalyuty v prestupnoi deyatel'nosti: problemy protivodeistviya* [How to Overcome Problems in Combating Criminal Use of Virtual Cryptocurrencies]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii* [Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia], 2017, no. 2 (42), pp. 9–15. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-kriptovalyuty-v-prestupnoy-deyatelnosti-problemy-protivodeystviya> [in Russian].
21. Necrasov V. N. *Iskusstvennyi intellekt kak vid obshchestvenno opasnoi innovatsii v ugovnom prave Rossii* [Artificial intelligence as a type of socially dangerous innovation in Russian criminal law]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, Social-Economic and Social Sciences], 2019, no. 10, pp. 179–181. DOI: <http://doi.org/10.23672/SAE.2019.10.39039> [in Russian].
22. *Kuda prishla Rossiya? Itogi sotsial'noi transformatsii: mat-ly Mezhdunarodnogo simpoziuma 16 – 18 yanvarya 2003 g. Pod obshch. red. T. I. Zaslavskoi* [Zaslavskaya T. I. (ed.) Where Has Russia Come? Results of Societal Transformation: Proceedings of the International Symposium, January 16–18, 2003]. Moscow, 2003, 408 p. [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2025-11-1-41-50



НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341.48

Дата поступления: 12.12.2024
рецензирования: 15.01.2025
принятия: 05.03.2025

**Теория следственного действия С. А. Шейфера
(к юбилею Учителя)**

В. А. Лазарева

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: v.a.lazareva@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2725-9517>

Аннотация: Вопрос о понятии следственного действия, в течение многих десятилетий находящийся в центре внимания российских процессуалистов, исследованный «вдоль и поперек» как мэтрами отечественной науки, так и множеством их последователей, до настоящего времени сохраняет не только свою актуальность, но и дискуссионность и научную остроту. Свидетельством тому является продолжающееся развитие и усложнение урегулированной Уголовно-процессуальным кодексом РФ системы процессуальных действий, в ходе производства которых в уголовном деле появляются доказательства, при сохраняющемся отсутствии понятия следственного действия в УПК РФ. В преддверии 100-летнего юбилея профессора Шейфера Семена Абрамовича, посвятившего свою научную жизнь исследованию юридической и гносеологической природы следственного действия, в статье предпринимается очередная попытка осмыслить разработанную им концепцию следственного действия не только как способа собирания доказательств, но и как процесса их формирования. В этих целях на основе методов системно-структурного и формально-логического анализа развивающихся правовых явлений исследованию подвергается и само понятие доказательства, меняющееся вместе с развитием уголовно-процессуального законодательства под влиянием конституционных принципов, на коих оно основано. Обосновывается вывод: концепция формирования доказательств не обладает универсальностью, но сохраняет свое значение применительно к ряду следственных действий.

Ключевые слова: уголовный процесс; уголовное судопроизводство; уголовно-процессуальная теория и уголовно-процессуальная деятельность; процессуальные действия; следственные действия; понятие, содержание и форма доказательства; способы собирания доказательств; формирование доказательств; профессор Семен Абрамович Шейфер.

Цитирование. Лазарева В. А. Теория следственного действия С. А. Шейфера (к юбилею Учителя) // Юридический вестник Самарского университета. Juridical Journal of Samara University. 2025. Т. 11, № 1. С. 41–50. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-1-41-50>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Лазарева В. А., 2025

Валентина Александровна Лазарева – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 12.12.2024
Revised: 15.01.2025
Accepted: 05.03.2025

Theory of investigative action by S. A. Shafer (on the occasion of the Teacher's anniversary)

V. A. Lazareva

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: v.a.lazareva@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2725-9517>

Abstract: The issue of the concept of investigative action, which has been in the center of attention of Russian processualists for many decades, has been studied «inside and out» by both masters of Russian science and many of their followers, and to this day retains not only its relevance, but also its controversial and scientific acuteness. Evidence of this is the continued development and complication of the system of procedural actions regulated by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, during which evidence appears in a criminal case, while the concept of investigative

action in the Criminal Procedure Code of Russian Federation remains absent. On the eve of the 100th anniversary of Professor Semyon Abramovich Shafer, who devoted his scientific life to the study of the legal and epistemological nature of investigative action, the article makes another attempt to comprehend the concept of investigative action developed by him as a way not only to collect evidence, but also as a process of their formation. To this end, based on the methods of system-structural and formal-logical analysis of developing legal phenomena, the very concept of evidence is also being studied, which is changing with the development of criminal procedure legislation under the influence of the constitutional principles on which it is based. The conclusion is substantiated: the concept of evidence formation does not have universality, but retains its significance in relation to a number of investigative actions.

Key words: criminal procedure; criminal proceedings; criminal procedural theory and criminal procedural activity; procedural actions; investigative actions; concept, content and form of evidence; methods of collecting evidence; formation of evidence; professor Semyon Abramovich Shafer.

Citation. Lazareva V. A. *Teoriya sledstvennogo deistviya S. A. Sheifera (k yubileyu Uchitelya)* [Theory of investigative action by S. A. Shafer (on the occasion of the Teacher's anniversary)]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2025, vol. 11, no. 1, pp. 41–50. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-1-41-50> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Lazareva V. A., 2025

Valentina A. Lazareva – Doctor of Laws, professor, professor of the Department of Criminal Process and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

28 декабря 2024 года исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося ученого-процессуалиста Семена Абрамовича Шейфера, в широкой сфере профессиональных интересов которого теория следственного действия как универсального способа собирания доказательств в ходе производства по уголовному делу занимает особое место. Его фундаментальные труды: «Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе» [1], «Собирание доказательств в советском уголовном процессе» [2], «Следственные действия. Система и процессуальная форма» [3], «Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования» [4], «Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти» [5], «Собирание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики» [6], – как и множество посвященных этим вопросам глубоких научных статей, хорошо известны поколениям юристов, изучающих и применяющих уголовно-процессуальное право. Суть авторской концепции, опирающейся на предшествующие ей теоретические разработки, согласно которым: а) единственным способом установления обстоятельств совершенного преступления (в логике того времени – установления истины по уголовному делу) является деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств, называемая доказыванием [7; 8], б) единственным средством для этого являются доказательства [9], – заключается в представлении о доказательстве как о продукте, возникающем (формирующемся) в ходе следственного действия – если не единственного, то как минимум основного способа собирания доказательств.

Связь между следственным действием и доказательством красной нитью проходит через все труды профессора С. А. Шейфера: сложная структура уголовно-процессуального доказательства определила направление мысли ученого и обусло-

вила развитие концепции собирания доказательств как способа их формирования. Эту концепцию С.А. Шейфер развивал на протяжении многих лет своей творческой профессиональной жизни, начиная с выхода в 1972 году первой серьезной работы на эту тему [1].

Будучи с тех же пор ученицей Семена Абрамовича, автор статьи – в разные периоды его последователь, соавтор и оппонент – испытывает потребность выразить глубочайшее уважение Учителю и Ученому, отдать дань научной глубине и безупречной логике его труда, привлечь к его работам внимание тех, кто, возможно, только начинает свой путь в такой интересной науке, которой отдал свою жизнь доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Семен Абрамович Шейфер.

Цель и методы исследования

Цель исследования состоит в стремлении понять, в какой мере концепция следственного действия как процесса формирования доказательств сохраняет свое значение в условиях продолжающегося развития науки и изменяющегося уголовно-процессуального законодательства.

Для достижения поставленной цели автор статьи исследует историю возникновения и развития концепции формирования доказательств в процессе развития советской теории уголовно-процессуального права, а также факторы, влияющие на восприятие этой концепции в постсоветских условиях, включая судебную реформу, новый Уголовно-процессуальный кодекс РФ и его последующие изменения, обусловленные развитием объективных условий осуществления правоприменительной практики. На основе исследования обосновывается вывод о нетождественности понятий «собирание доказательств» и «формирование доказательств». Являясь высокоэффективным инструментом доказывания обстоятельств расследуемого преступления, следственные действия имеют различную познавательную характеристи-

ку: только часть из них может быть представлена в качестве способа формирования доказательств, другая часть сохраняет традиционное значение способа их собирания.

Результаты исследования и их обсуждение **Следственное действие как способ** **формирования доказательств**

Основанием для разработки теории следственного действия как способа формирования доказательств С. А. Шейферу послужила марксистско-ленинская теория отражения как всеобщего свойства материи, позволяющего человеку познавать ненаблюдаемые им события прошлого. «Большинство фактов, интересующих следователя, прокурора и суд, не существуют к моменту расследования, они остались в прошлом и могут быть познаны лишь путем изучения оставленных ими следов» [1, с. 5], то есть тех изменений, которые произошли в материальном и идеальном мире вследствие совершения преступления. Взаимосвязь между этими, разрозненными на первый взгляд, изменениями «позволяет исследователю... умозаключить о породивших их событиях» [1, с. 6].

При этом сами следы преступления еще не являются доказательствами в процессуальном смысле этого слова. Чтобы стать таковыми, рассуждает далее проф. Шейфер, они должны быть восприняты следователем или судом и закреплены в материалах уголовного дела. В процессе этой деятельности следователя и суда происходит вторичное отображение преступления, в результате которого следы преступления превращаются в процессуальные средства установления истины, то есть доказательства [2]. В действительности процесс формирования доказательства в уголовно-процессуальном значении этого понятия еще более сложен, поскольку вторичным отображением преступления можно считать лишь восприятие следов преступления (результата первичного отражения) следователем, дознавателем. Сформированный сознанием следователя или дознавателя познавательный образ явления или события тоже еще не является доказательством. Возникновение доказательства в его процессуальном смысле связано с закреплением в материалах дела, например в протоколе следственного действия, познавательного образа, сложившегося в сознании следователя в результате восприятия им следов преступления. Это позволяет вычленив в познавательном процессе еще один (третий) этап отражения информации, завершающий процесс формирования следователем доказательства в его процессуальном смысле, но не завершающий процесс трансформации информационного содержания доказательства. В ходе судебного разбирательства происходит отражение информации уже в сознании судьи, а вышестоящему суду доказательство достается только в виде записи в протоколе, отражающем не событие преступления и не оставленные им следы, а результат неоднократного преобразования информации, последним субъектом которого является

наименее пригодный для этого секретарь судебного заседания (отсюда понятно стремление законодателя избежать хотя бы отчасти искажения и утраты информации посредством введения аудиопrotocolирования хода судебного заседания). Понятно, что информация, отразившаяся в первичных следах преступления, и информация, сохраняющаяся в материалах уголовного дела, в процессе ее неоднократного преобразования претерпевает такие изменения, которые чреваты утратой одной части информации и искажением другой. Тезис о том, что «именно в процессе восприятия следователем и [еще раз – примечание наше. – В. Л.] судом и отображения в материалах дела следов преступления формируется доказательство в процессуальном смысле» [1, с. 7; 2, с. 23], можно считать основой учения о формировании доказательства в процессе его собирания. И хотя, по справедливому замечанию С. Б. Россинского, «С. А. Шейфер не может претендовать на введение термина «формирование доказательства» в оборот уголовно-процессуальной доктрины» [10, с. 27], поскольку некоторыми учеными [11, с. 163; 12, с. 113] он использовался и ранее, впоследствии это привело С. А. Шейфера к ложному, на наш взгляд, тезису о тождестве понятия «собрание доказательств» понятию «формирование доказательства», отождествляемому в конечном итоге им же с понятием «создание доказательств»: «показания, заключения, протоколы и даже вещественные доказательства появляются в итоге собирания доказательств, они *создаются* (курсив наш. – В. Л.) следователем путем преобразования полученных сведений в форму, обеспечивающую их надежное сохранение и последующее использование» [2, с. 28]. При этом автор подчеркивает недопустимость сведения понятия формирования доказательств к его фиксации в материалах дела: термин «формирование» в данном случае употребляется в значении придания определенной формы, законченности» [3, с. 8]; «формирование доказательств – это весь процесс преобразования доказательственной информации в форму доказательств, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, включающий как познавательные (извлечение из следов), так и удостоверительные элементы» [4, с. 33–34]. В итоге объективно, то есть вне чьего-то индивидуального сознания, существующая в следах преступления, а потому имеющая высокий доказательственный потенциал информация превращается вначале в продукт психической, а затем процессуально-удостоверительной деятельности следователя, что и вызывает сомнение в правильности такой интерпретации понятия «собрание доказательств», особенно после официального включения следователя в число субъектов уголовного процесса, выполняющих функцию уголовного преследования. Однако, будучи рожденной в достаточно продолжительный по времени «досостязательный» период истории развития отечественного уголовного процесса, в котором следователь и суд решали общие задачи для достижения общей цели (ст. 2, 3, 20 УПК

РСФСР), а доказательства следственные автоматически становились доказательствами судебными в силу практически неограниченной возможности оглашения в судебном заседании протоколов как следственных действий, так и иных документов, включая заключения экспертов, эта теория столь прочно укоренилась в массовом правосознании, что доминирует и сегодня [13–16]. Почему?

Гносеологические и правовые основы концепции формирования доказательств

Ответ на поставленный вопрос ведет к формулированию двух основных гипотез. Во-первых, концепция следственного действия как основного способа формирования доказательств настолько логично и талантливо описана, что отбивает желание дискутировать с ее разработчиками, а во-вторых, она, безусловно, имеет и объективные основания.

К числу объективных оснований возникновения концепции формирования доказательств следует отнести специфику уголовно-процессуальной деятельности как познавательного процесса, направленного на установление события прошлого, недоступного в силу этого непосредственному чувственному восприятию, но служащего основанием возложения на виновного уголовного ответственности. Серьезность этих последствий предполагает потребность в надежных средствах и способах установления виновности, то есть доказывания и доказательств. Но, поскольку готовых показаний, заключений, протоколов и т. д. действительно не существует, доказывание в уголовном процессе не может сводиться к оперированию доказательствами, то есть к использованию для обоснования подлежащего доказыванию тезиса. Оно, доказывание, как известно, включает в себя «действия по обнаружению, фиксации, изъятию и сохранению» [8, с. 29] информации, имеющей значение для установления обстоятельств совершенного преступления, хотя в действительности это гораздо более сложный процесс, в ходе которого доказательственная информация, то есть информация, которая может иметь значение для достоверного установления обстоятельств совершенного преступления, обретает определенную процессуальную форму. В итоге возникает, то есть действительно формируется, а если точнее, то фактически создается, доказательство как надежное, а потому допустимое, процессуальное средство достоверного установления обстоятельств совершенного преступления.

Справедливости ради необходимо отметить чрезвычайную сложность используемого в рассматриваемых словосочетаниях понятия «доказательство», имеющего разные смысловые оттенки и не имеющего четкого нормативного определения. Достаточно взглянуть на ст. 69 УПК РСФСР и ст. 74 УПК РФ, согласно которой, с одной стороны, доказательствами являются фактические данные (позднее – любые сведения), на основе которых устанавливаются имеющие значение для

дела обстоятельства, с другой – эти данные устанавливаются показаниями, заключениями, протоколами и т. д. (позднее – в качестве доказательств допускаются показания, заключения, протоколы и т. д.), чтобы усомниться в том, являются ли доказательствами сами фактические данные, о которых говорится в УПК 1960 года, или задуматься о соотношении двух определений доказательств в УПК 2001 года. Очевидно, этим в какой-то мере обусловлена и разность теоретических подходов к определению доказательства. Не углубляясь в суть вопроса, но учитывая эту сложность, мы можем говорить о формировании доказательств и как о придании процессуальной формы сведениям об обстоятельствах, имеющих значение для дела, без которой эти сведения невозможно сохранить, и как о процессе многократного отражения преступления в окружающем его мире. Иными словами, формирование доказательств как следов, содержащих сведения о совершенном преступлении, начинается в процессе совершения преступления. Соответственно, утрата и искажение информации тоже начинаются уже в ходе совершения преступления. Практическая уголовно-процессуальная деятельность направлена на включение в процесс доказывания той части объективной реальности, которая сохранилась в этих следах. В этом смысле, во-первых, следственное действие лишь этап в сложном процессе формирования доказательства, а во-вторых, сформированное следователем процессуальное доказательство (доказательство в процессуальном виде) содержит в себе множество доказательств как элементов непрерывного информационного потока. Отсюда основание для вывода: концепция формирования доказательств, абсолютно точно показывающая процесс появления доказательств в материалах уголовного дела, не может служить основой для тезиса о тождестве понятий «формирование доказательств» и «собираение доказательств». Собираение доказательств лишь юридическая часть этого процесса, а следственное действие лишь один из способов собирания доказательств. Именно поэтому следственному действию невозможно придать универсальный характер, то есть рассматривать его в качестве единственного способа собирания доказательств, отождествляя при этом понятия «собираение доказательств» и «формирование доказательств». Доказательство – сложный правовой феномен, в зависимости от смысловой нагрузки которого, вкладываемой в него законом, теорией или практикой, мы по-разному воспринимаем оба эти понятия – «собираение доказательств» и «формирование доказательств». Для иллюстрации сказанного предлагаем применить словосочетание «собираение доказательств» к слову «доказательство» в единственном числе, а словосочетание «формирование доказательств» к тому же слову во множественном числе – в единственном числе правильнее будет выражение «сформировать доказательство», глагол «собирать» или «собрать» более приемлем в отношении множества явлений.

Впрочем, правомерно говорить о формировании совокупности доказательств как упорядоченной системы собранных доказательств.

Формирование или собирание?

Изложенные выше соображения не позволяют разделить мнение профессора Шейфера о том, что термин «формирование доказательств» более точен, чем термин «собирание доказательств» [3, с. 8]. По своему смыслу это совершенно разные понятия, отражающие разность используемого как самим С. А. Шейфером, так и законодателем понятия «доказательство». Говоря о формировании доказательств, С. А. Шейфер имеет в виду придание вида или формы, например, показаний, протоколов фактическим данным, содержащимся в следах преступления. Однако действовавший на тот момент закон (ч. 1 ст. 69 УПК РСФСР) доказательствами называл именно эти «любые фактические данные», на основе которых в определенном законом порядке орган дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, то есть те самые сведения, которые следователь обнаруживает в оставленных преступлением следах. Следовательно, говоря о собирании доказательств, закон имеет в виду собирание сведений о преступлении, которые и являются средством доказывания. Говоря о формировании доказательств, мы обычно имеем в виду закрепление для последующего использования собранных сведений, которые в силу деятельности следователя получают процессуальную форму. Доказательство в уголовно-процессуальном значении этого понятия является неразрывное единство содержания и формы, но содержание – это продукт психического действия (познания), тогда как форма – продукт физического действия (создания). Отсюда вывод: основания для дискуссии о преимуществе того или иного термина отсутствуют. Игнорирование двуединой сущности доказательства невозможно. Отменив (заменяя) понятие «собирание доказательств», мы обесмыслим его «формирование», ибо вопрос о том, чему именно придается процессуальная форма, если не собранным сведениям, то есть информации, не находит ответа. Значимость процессуальной формы доказательства никак не умаляет его содержательной сущности, не отменяет первичности информации, содержащейся в следах преступления, которая служит средством доказывания – подтверждения или опровержения существования каких-либо явлений, событий, фактов действительности. Именно поэтому, говоря о том, что готовых доказательств в природе не существует, С. А. Шейфер имеет в виду их внешнюю форму или вид, который им придает работа следователя. Однако понимая, что собирание доказательств есть собирание сведений об обстоятельствах, имеющих значение для дела, мы должны признать, что они-то как раз и существуют с момента совер-

шения преступления как результат первичного отражения преступления в окружающем мире.

Смещение акцента на формальную сторону процесса образования доказательств вольно или невольно демонстрирует слабость теории их формирования: «собирание доказательств... сопровождается формированием в сознании познавательного образа, а также действий, обеспечивающих *сохранение этого образа* (курсив наш. – В. Л.) путем процессуальной фиксации результатов восприятия» [3, с. 9]. Таким образом, С. А. Шейфер подтверждает, что сформированные следователем доказательства – то не сама (объективная) информация, содержащаяся в следах преступления, а ее (субъективный) образ, созданный сознанием следователя. В условиях несостязательного (советского) уголовного процесса такая роль познавательной деятельности следователя могла и не вызывать сомнений, но мысль о том, что отнесенный к субъектам уголовного преследования, являющийся в силу этого носителем обвинительной функции следователь формирует, а фактически создает, доказательства, не может не учитываться при оценке рассматриваемой концепции. В то же время, согласившись с таким подходом, мы получаем дополнительный аргумент для объективной оценки обвинительных в первую очередь доказательств как сведений, прошедших через сознание обвинителя, переработанных, а возможно, и искаженных им.

Понимая доказательства как зафиксированные в материалах дела *результаты отражения информации сознанием следователя, фактически как производные доказательства*, судья имеет большие основания для их критической оценки, чем при работе с *собранными* следователем доказательствами (материальными объектами, документами). Именно на это ориентирует судей ст. 240 УПК РФ, закрепляя обязанность непосредственного исследования доказательств и ограничивая возможность оглашения показаний, полученных в ходе расследования от свидетелей и потерпевших, в случае их неявки в судебное заседание. Поэтому протоколы следственных допросов, содержащих информацию, переработанную сознанием следователя, правильнее рассматривать не как оглашенные в суде показания, а как протоколы следственных действий, каковыми они фактически и являются. Показания же закон определяет как устное сообщение, то есть информацию, сообщаемую субъекту, принимающему решение на основе ее непосредственного восприятия, в данном случае – суду.

Концепция формирования доказательств и функция органа расследования

Изучая теоретическое наследие профессора Шейфера, необходимо учитывать, что разработка концепции формирования доказательств приходится на тот период развития уголовно-процессуального права, когда вопросы разделения процессуальных функций между органами предварительного расследования и судом на основе

принципа состязательности практически не обсуждались. Следователь и суд призывались к решению общих задач для достижения общей же цели. Они в равной мере были ответственны за быстрое и полное раскрытие преступлений и изобличение виновных, в равной мере были обязаны обеспечить полное, объективное и всестороннее исследование обстоятельств дела, выявлять как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого обстоятельства. «Участники процесса не утрачивают своих требований, если они оказались не в состоянии доказать их, так как суд обязан принять все предусмотренные законом меры для установления истины. В советском уголовном процессе нет распределения бремени доказывания в зависимости от того, доказывается ли состав преступления, или обстоятельства, исключющие (смягчающие вину) и ответственность» [9, с. 508–509]. «Главным субъектом доказывания является суд, которому принадлежит руководящая роль в доказывании» на всех судебных стадиях [9, с. 536]. Произошедшее впоследствии распределение субъектов доказывания по выполняемым ими функциям С. А. Шейфер всегда воспринимал критически. В его работах последовательно проводится мысль о том, что следователь – носитель особой процессуальной функции расследования, суть которой в исследовательской деятельности: «...в содержание обвинительной власти включена иная власть – следственная, которая в современных правовых условиях рассматривается как особый вид власти, примыкающей к власти судебной» [5, с. 122]. Предварительное следствие не является формой уголовного преследования, а остается способом объективного исследования обстоятельств дела: «...исследуя обстоятельства дела, следователь не может не касаться обстоятельств обвинительного характера, но это само по себе не исключает его объективного отношения к исследованию и не превращает его в одностороннего обвинителя» [5, с. 125]. В системе таких теоретических взглядов С. А. Шейфера на роль (функцию) следователя как гораздо более близкую к судебной деятельности, чем к обвинительной [17], концепция формирования доказательств более чем естественна. Разрабатывая свою концепцию, Семен Абрамович фактически создавал такую модель уголовного процесса, при которой следственные доказательства фактически становятся судебными. Реализацию этой идеи мы видим сегодня на примере особых порядков судебного разбирательства, соглашаясь на которые сторона защиты фактически признает доказательства, которыми обосновывается обвинение, а суд принимает их в качестве таковых без проверки.

**Вопрос о сущности следственного действия
в связи с развитием системы способов
собираания доказательств**

Появление новых способов собирания доказательств после вступления в действие УПК РФ 2001 года требовало от С. А. Шейфера их анализа с позиций ранее выработанных представлений

о следственных действиях. Семен Абрамович неизменно подчеркивал, что в своих суждениях о следственном действии он следует за авторами, которые понимают под ними не все совершаемые в ходе следствия в особой процессуальной форме действия, а только те из них, которые направлены на обнаружение, восприятие и закрепление фактических данных, то есть действия познавательного характера [18]. Именно поэтому он всегда спорил с авторами, относящими к следственным действиям наложение ареста на имущество [19], а впоследствии сформулировал тезис о том, что в систему следственных действий следует включать только такие познавательные процедуры, в которых получение доказательств происходит в результате непосредственного контакта следователя, дознавателя с источником доказательственной информации. «Для того, чтобы считать познавательное действие следственным, необходимо, чтобы доказательственную информацию извлекал из следов, оставленных событием, лично следователь на основе непосредственного контакта со следами. Иная трактовка следственного действия как способа собирания доказательств, без указания, кто и каким образом превращает информацию, заключенную в следах, в доказательство в уголовно-процессуальном смысле, размывает это понятие и позволяет считать следственным действием любой канал поступления в уголовный процесс доказательственной информации» [20, с. 118]. Отсутствие такого контакта привело автора к исключению из системы следственных действий процедур, имеющих познавательный характер, но не сопровождающихся преобразованием информации сознанием следователя. Так, он обоснованно доказывал недопустимость включения в систему следственных действий таких способов собирания доказательств, как получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ), контроль и запись телефонных и иных переговоров (ст. 186 УПК РФ), исходя из того, что в этих случаях для получения информации, имеющей значение для дела, следователь никаких поисковых операций не производит. Информационный продукт в этом случае он получает в готовом, то есть сформированном виде [21]. Согласимся и с тем, что внедрение в систему следственных действий оперативно-розыскных мероприятий, а тем более нетрадиционных методов доказывания [22–24] не только не соответствует принципам теории доказательств и извращает научные представления о собирании доказательств, но и объективно разрушает систему следственных действий, внося в нее чужеродные элементы [25].

В то же время позиция С. А. Шейфера и в этом вопросе недостаточно, на наш взгляд, последовательна или как минимум не лишена некоторого субъективизма.

В частности, проф. Шейфер признавал следственным действием освидетельствование, проводимое следователем в отношении лица иного с ним пола [20]. Согласно ч. 4 ст. 179 УПК РФ, следователь в этом случае при освидетельствовании

не присутствует – осмотр обнаженного тела производит врач. Информацию, которую следователь заносит в протокол освидетельствования, формируя таким образом соответствующее доказательство (протокол следственного действия), он получает без непосредственного восприятия следов преступления, без контакта с источником информации (телом), со слов врача, выступающего в качестве специалиста. Такая правовая конструкция явно не соответствует критериям следственного действия, которые описаны самим же автором концепции. В протокол освидетельствования фактически заносится информация, по виду более соответствующая показаниям специалиста, а в самом освидетельствовании четко выделяются два структурных элемента – осмотр тела и дача показаний о результатах осмотра. Врач при этом об уголовной ответственности за сообщение следователю заведомо ложной или недостоверной информации не предупреждается. По каким же признакам такую процедуру С. А. Шейфер считает следственным действием? Чем она отличается, например, от контроля и записи переговоров, которые он следственным действием обоснованно не считает?

Уязвима для критики и позиция С. А. Шейфера в отношении назначения судебной экспертизы. Действия следователя в этой процедуре не имеют познавательного характера, являются организационно-обеспечительными. Следователь ставит перед экспертами познавательную задачу, подбирает и предоставляет им объекты исследования, разъясняет права участникам процесса и обеспечивает реализацию этих прав, но он, даже если присутствует, когда это технически возможно, при производстве экспертизы, не участвует в процессе выявления и истолкования доказательственной информации, а тем более в формулировании выводов. Конструкция назначения экспертизы как следственного действия представляется искусственной.

Вызывает сомнения также обоснованность отнесения к следственным действиям задержания подозреваемого, хотя протокол, отражающий обстоятельства задержания, может при определенных обстоятельствах рассматриваться как имеющий значение доказательства документ. Искусственным считаем включение С. А. Шейфером в систему следственных действий получение образцов для сравнительного исследования – это действие скорее можно рассматривать как элемент в структуре судебной экспертизы, и, хотя экспериментальные образцы, проводя такое действие, следователь действительно формирует, сами образцы не являются следами преступления и не могут в силу этого считаться доказательствами.

Обобщая изложенное, собирание доказательств можно представить как некую систему процессуальных действий, условно (очень широко) называемых следственными, которые имеют выраженный познавательный характер. С этой точки зрения к следственным действиям не могут быть

причислены не только наложение ареста на имущество, но и задержание и получение образцов для сравнительного исследования.

Действия познавательного характера различаются по степени и характеру участия в них следователя, поэтому могут быть разделены: а) на действия, в которых следователь сам осуществляет познавательную деятельность, и б) действия, в которых следователь только организует собирание доказательств (назначение экспертизы, контроль и запись телефонных и иных переговоров, требование о проведении ревизии, о представлении информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами или иных документов).

Действия, в ходе которых следователь лично осуществляет познавательную деятельность (собственно следственные действия в привычном нам смысле), различаются в зависимости от наличия или отсутствия непосредственного контакта познающего субъекта с источником информации: а) на действия по собиранию доказательств (обыск, выемка, осмотр места происшествия) и б) действия, в которых происходит преобразование воспринимаемой следователем информации (допрос, очная ставка, следственный эксперимент, проверка показаний на месте, предъявление для опознания). Только последние можно считать способами формирования доказательств, но вряд ли целесообразно ограничивать ими понятие следственного действия.

Заключение

Детальное исследование всего богатейшего теоретического наследия профессора Шейфера в рамках статьи невозможно. Такая задача и не ставилась. Вспоминая Семена Абрамовича в год его юбилея, мы выбрали концепцию формирования доказательств как наиболее значимую и многогранную часть его огромного труда, исследование которого, что очевидно, не завершается с уходом Учителя.

Соглашаясь во многом со взглядами профессора С. А. Шейфера на собирание доказательств в ходе производства по уголовному делу, признавая следственные действия основным, наиболее эффективным, а потому самым урегулированным способом собирания доказательств, констатируем отсутствие тождества между способами собирания доказательств и следственными действиями. Признавая гносеологическую и юридическую ценность разработанной профессором С. А. Шейфером концепции следственного действия, считаем необходимым указать на отличие собирания доказательств как начального элемента действий следователя от формирования доказательств как многоэтапного процесса отражения преступления. Принимая в целом теорию познавательной сущности следственных действий, полагаем правильным разделить их по степени влияния сознания следователя на информационное содержание доказательств: а) на действия,

в процессе которых происходит собирание доказательств, и б) действия, в ходе которых следователь формирует доказательства. Результатом последних, как было показано выше, могут быть признаны исключительно протоколы следственных действий.

Теоретические взгляды Заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Шейфера Семена Абрамовича еще многие годы будут определять направление научных исследо-

ваний в области уголовно-процессуального права. Перспективным видится дальнейшее изучение способов как собирания, так и формирования доказательств, классификации доказательств по признаку наличия / отсутствия непосредственного контакта следователя, дознавателя с источником информации, а также наметившейся тенденции к появлению новых способов собирания доказательств на основе «оригинальных» познавательных приемов.

Библиографический список

1. Шейфер С. А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. Москва: Всесоюзный юридический заочный институт, 1972. 130 с.
2. Шейфер С. А. Собирание доказательств в советском уголовном процессе. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1986. 170 с.
3. Шейфер С. А. Следственные действия: система и процессуальная форма. Москва: Юрлитинформ, 2001. 208 с. URL: <https://repo.ssau.ru/handle/Resursy-ogranichennogo-dostupa/Sledstvennye-deistviya-Sistema-i-proces-sualnaya-forma-Elektronnyi-resurs-74090>.
4. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. 2-е издание, исправ. и доп. Москва: Инфра-М, 2018. 240 с. URL: [https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug(libcats.org).pdf).
5. Шейфер С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. Москва: Издательский Дом «Инфра-М», 2013. 192 с. URL: <https://thelib.net/3415527-dosudebnoe-proizvodstvo-v-rossii-jetapy-razvitija-sledstvennoj-sudebnoj-i-prokurorskoj-vlasti.html>.
6. Шейфер С. А. Собирание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики. Москва: Норма, 2015. 112 с. URL: [https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug(libcats.org).pdf).
7. Государственный обвинитель в советском суде / под общ. ред. В. А. Болдырева. Москва: Госюриздат, 1954. 308 с. URL: <https://reallib.org/reader?file=782427>.
8. Белкин Р. С. Собирание, исследование и оценка доказательств: Сущность и методы. Москва: Наука, 1966. 295 с.
9. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: Юридическая литература, 1973. 734 с. URL: https://archive.org/details/1973_20220110.
10. Россинский С. Б. Следственные действия: монография. Москва: Норма, 2018. 240 с. URL: <https://www.iaaj.net/node/2304>.
11. Курылев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск: Изд-во БГУ, 1969. 203 с.
12. Дорохов В. Я. Понятие доказательства в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1964. № 9. С. 109–117.
13. Победкин А. В., Яшин В. Н. Следственные действия: монография. Москва: Юрлитинформ, 2016. 192 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008599459/.
14. Абдулаев Я. Д., Миллер В. Ю. Две концепции формирования доказательств в уголовном процессе // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1 (53). С. 75–79. DOI: <http://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-1-75-79>.
15. Россинский С. Б. Сущность результатов невербальных следственных и судебных действий как доказательств по уголовному делу // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 9. С. 85–91. URL: <https://www.iaaj.net/node/1357>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=20258255>. EDN: <https://elibrary.ru/rbicin>.
16. Пастухов П. С. Информационно-логическая модель формирования доказательства // Ex Jure. 2021. № 2. С. 153–168. DOI: <https://doi.org/10.17072/2619-0648-2021-2-153-168>. EDN: <https://elibrary.ru/zjylml>.
17. Шейфер С. А. Правовой механизм расследования преступлений в России: вчера, сегодня, завтра // Государство и право. 2011. № 5. С. 44–51. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16372404>. EDN: <https://elibrary.ru/nuhfil>.
18. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: Планирование, организация. Москва: Юридическая литература, 1970. 223 с. URL: <https://thelib.net/3701070-rassledovanie-po-ugolovnomu-delu-planirovanie-organizacija.html>.
19. Рыжаков А. П. Следственные действия и иные способы собирания доказательств. Москва: Информ.-изд. дом «Филинь», 1997. 334 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25057370>. EDN: <https://elibrary.ru/vcipdz>.
20. Шейфер С. А. Следственные действия – правомерны ли новые трактовки? // Lex Russica. 2015. Т. 107, № 10. С. 115–127. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2015.107.10.115-127>.

21. Шейфер С. А. Проблемы пополнения познавательного арсенала следователя // Государство и право. 2013. № 6. С. 45–51. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20160555>. EDN: <https://elibrary.ru/qzenbp>.
22. Семенцов В. А. Проверка правдивости показаний на полиграфе // Российский юридический журнал. 2011. № 2 (77). С. 111–116. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15977710>. EDN: <https://elibrary.ru/nlqqrb>.
23. Семенцов В. А. Новое следственное действие – проверка показаний на полиграфе // Российский юридический журнал. 2010. № 5 (74). С. 132–137. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15199946>. EDN: <https://elibrary.ru/muqdhb>.
24. Комиссарова Я. В. Обоснованность методик экспертиз с применением полиграфа // Уголовный процесс. 2013. № 7 (103). С. 74–83. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19430037>. EDN: <https://elibrary.ru/qjewpd>.
25. Шейфер С. А. Трансформация правового регулирования и научных представлений о системе следственных действий // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11–1 (122). С. 11–22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22504313>. EDN: <https://elibrary.ru/symaaz>.
26. Россинский С. Б. Уголовно-процессуальная форма и уголовно-процессуальные доказательства (о некоторых изъятиях концепции формирования доказательств) // Юридическое образование и наука. 2023. № 7. С. 19–26. DOI: <https://doi.org/10.18572/1813-1190-2023-7-19-26>.

References

1. Shafer S. A. *Sushchnost' i sposoby sobiraniya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse* [The essence and methods of collecting evidence in the Soviet criminal process]. Moscow: Vsesoyuznyi yuridicheskii zaochnyi institut, 1972, 130 p. [in Russian].
2. Shafer S. A. *Sobiranie dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse* [Collecting evidence in the Soviet criminal process]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1986, 170 p. [in Russian].
3. Shafer S. A. *Sledstvennye deistviya: sistema i protsessual'naya forma* [Investigative actions: the system and the procedural form]. Moscow: Yurлитinform, 2001, 208 p. Available at: <https://repo.ssau.ru/handle/Resursy-ogranichenogo-dostupa/Sledstvennye-deistviya-Sistema-i-processualnaya-forma-Elektronnyi-resurs-74090> [in Russian].
4. Shafer S. A. *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugolovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya. 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe* [Evidence and proving in criminal cases: problems of theory and legal regulation. 2nd edition, revised and enlarged]. Moscow: Izdatel'skii Dom «Infra-M», 2018, 240 p. Available at: [https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po Ug\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po Ug(libcats.org).pdf) [in Russian].
5. Shafer S. A. *Dosudebnoe proizvodstvo v Rossii: etapy razvitiya sledstvennoi, sudebnoi i prokurorskoj vlasti* [Pre-trial proceedings in Russia: stages of the development of investigative, judicial and prosecutorial power]. Moscow: Izdatel'skii Dom «Infra-M», 2013, 192 p. Available at: <https://thelibrary.net/3415527-dosudebnoe-proizvodstvo-v-rossii-jetapy-razvitiya-sledstvennoj-sudebnoj-i-prokurorskoj-vlasti.html> [in Russian].
6. Shafer S. A. *Sobiranie dokazatel'stv po ugolovnomu delu: problemy zakonodatel'stva, teorii i praktiki* [Collecting evidence in a criminal case: problems of legislation, theory and practice]. Moscow: Norma, 2015, 112 p. Available at: [https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po Ug\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po Ug(libcats.org).pdf) [in Russian].
7. *Gosudarstvennyi obvinitel' v sovetskom sude. Pod obshch. red. V. A. Boldyreva* [Boldyrev V. A. (ed.) The state prosecutor in the Soviet court]. Moscow: Gosyurizdat, 1954, 308 p. Available at: <https://reallib.org/reader?file=782427> [in Russian].
8. Belkin R. S. *Sobiranie, issledovanie i otsenka dokazatel'stv: Sushchnost' i metody* [Collection, research and evaluation of evidence: Essence and methods]. Moscow: Nauka, 1966, 295 p. [in Russian].
9. *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse. Otv. red. N. V. Zhogin. Izd. 2-e, ispr. i dop.* [Zhogin N. V. (ed.) Theory of evidence in the Soviet criminal process. 2nd edition, revised and enlarged]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1973, 734 p. Available at: https://archive.org/details/1973_20220110 [in Russian].
10. Rossinsky S. B. *Sledstvennye deistviya: monografiya* [Investigative actions: monograph]. Moscow: Norma, 2018, 240 p. Available at: <https://www.iuaj.net/node/2304> [in Russian].
11. Kurylev S. V. *Osnovy teorii dokazyvaniya v sovetskom pravosudii* [Fundamentals of the theory of evidence in Soviet justice]. Minsk: Izd-vo BGU, 1969, 203 p. [in Russian].
12. Dorokhov V. Ya. *Ponyatie dokazatel'stva v sovetskom ugolovnom protsesse* [The concept of evidence in the Soviet criminal process]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and Law], 1964, no. 9, pp. 109–117 [in Russian].
13. Pobedkin A. V., Yashin V. N. *Sledstvennye deistviya: monografiya* [Investigative actions: monograph]. Moscow: Yurлитinform, 2016, 192 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008599459/ [in Russian].
14. Abdullaev Ya. D., Miller V. Yu. *Dve kontseptsii formirovaniya dokazatel'stv v ugolovnom protsesse* [Two approaches of evidence formation in criminal procedure]. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2021, no. 1 (53), pp. 75–79. DOI: <http://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-1-75-79> [in Russian].
15. Rossinskiy S. B. *Sushchnost' rezul'tatov neverbal'nykh sledstvennykh i sudebnykh deistvii kak dokazatel'stv po ugolovnomu delu* [The essence of the results of non-verbal investigative and judicial action as evidence in a criminal

- case]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2013, no. 9, pp. 85–91. Available at: <https://www.iuaj.net/node/1357>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=20258255>. EDN: <https://elibrary.ru/rbicin> [in Russian].
16. Pastukhov P. S. *Informatsionno-logicheskaya model' formirovaniya dokazatel'stva* [Information and logical model of proof formation]. *Ex Jure*, 2021, no. 2, pp. 153–168. DOI: <https://doi.org/10.17072/2619-0648-2021-2-153-168>. EDN: <https://elibrary.ru/zjylml> [in Russian].
17. Shefer S. A. *Pravovoi mekhanizm rassledovaniya prestuplenii v Rossii: vchera, segodnya, zavtra* [The legal mechanics of the investigation of a crime in Russia: yesterday, today, tomorrow]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2011, no. 5, pp. 44–51. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16372404>. EDN: <https://elibrary.ru/nuhfil> [in Russian].
18. Larin A. M. *Rassledovanie po ugovnomu delu: Planirovanie, organizatsiya* [Investigation of a criminal case: Planning, organization]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1970, 223 p. Available at: <https://thelib.net/3701070-rassledovanie-po-ugovnomu-delu-planirovanie-organizacija.html> [in Russian].
19. Ryzhakov A. P. *Sledstvennye deistviya i inye sposoby sobiraniya dokazatel'stv* [Investigative actions and other ways of collecting evidence]. Moscow: Inform.-izd. dom «Filin'», 1997, 334 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25057370>. EDN: <https://elibrary.ru/vcipdz> [in Russian].
20. Shafer S. A. *Sledstvennye deistviya – pravomerny li novye traktovki?* [Investigative action – the legitimacy of new interpretation]. *Lex Russica*, 2015, vol. 107, no. 10, pp. 115–127. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2015.107.10.115-127> [in Russian].
21. Sheifer S. A. *Problemy popolneniya poznavatel'nogo arsenala sledovatelya* [Cognitive problems replenishment arsenal investigator]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2013, no. 6, pp. 45–51. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20160555>. EDN: <https://elibrary.ru/qzenbp> [in Russian].
22. Sementsov V. A. *Proverka pravdivosti pokazanii na poligrafe* [The truthfulness of testimony check by polygraph]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian Juridical Journal], 2011, no. 2 (77), pp. 111–116. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20160555>. EDN: <https://elibrary.ru/qzenbp> [in Russian].
23. Sementsov V. A. *Novoe sledstvennoe deistvie – proverka pokazanii na poligrafe* [New investigative activity – examination of evidence using polygraph]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian Juridical Journal], 2010, no. 5 (74), pp. 132–137. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15199946>. EDN: <https://elibrary.ru/muqdhb> [in Russian].
24. Komissarova Ya. V. *Obosnovannost' metodik ekspertiz s ispol'zovaniem poligrafa* [Validity of examination methods using a polygraph]. *Ugolovnyi protsess* [Criminal Procedure], 2013, no. 7 (103), pp. 74–83. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19430037>. EDN: <https://elibrary.ru/qjewpd> [in Russian].
25. Sheifer S. A. *Transformatsiya pravovogo regulirovaniya i nauchnykh predstavlenii o sisteme sledstvennykh deistvii* [Transformation of legal regulation and scientific understanding of the system of investigatory actions]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2014, no. 11–1 (122), pp. 11–22. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22504313>. EDN: <https://elibrary.ru/symaaz> [in Russian].
26. Rossinskiy S. B. *Ugolovno-protsessual'naya forma i ugolovno-protsessual'nye dokazatel'stva (o nekotorykh iz'yanakh kontseptsii formirovaniya dokazatel'stv)* [Criminal procedure form and criminal procedure evidence (on some shortcomings of the concept of evidence formation)]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka* [Juridical Education and Science], 2023, no. 7, pp. 19–26. DOI: <https://doi.org/10.18572/1813-1190-2023-7-19-26> [in Russian].



НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.122

Дата поступления: 11.12.2024
рецензирования: 12.02.2025
принятия: 05.03.2025

**Обеспечение принципа правовой определенности при рассмотрении жалоб
на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела
в порядке ст. 125 УПК РФ**

А. А. Рукавишникова

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
г. Томск, Российская Федерация
E-mail: satsana@yandex.ru

П. О. Герцен

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
г. Томск, Российская Федерация
E-mail: stenwaysfiringlight@gmail.com

А. А. Плашевский

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
г. Томск, Российская Федерация
E-mail: plashievskii@gmail.com

Аннотация: Право на правовую определенность является конституционным правом и обеспечивает стабильность правового положения личности, гарантированную государством. В ходе исследования было установлено, что существующее правовое положение таких участников уголовного процесса на стадии возбуждения уголовного дела, как заявитель и пострадавший, свидетельствует об ограничении их права на правовую определенность. Анализ законодательства и правоприменительной практики позволил сформулировать ряд проблем, обусловленных нарушением права на правовую определенность при обжаловании постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в порядке ст. 125 УПК РФ заявителем и пострадавшим. В статье предлагаются научно обоснованные варианты решения выявленных проблем, предполагающие совершенствование законодательства в целях обеспечения права заявителя и пострадавшего на правовую определенность. Сформулированные в результате исследования выводы могут быть использованы при устранении пробелов законодательного регулирования положения пострадавшего и заявителя на стадии возбуждения уголовного дела и обеспечения их права на правовую определенность, в том числе в производстве по рассмотрению жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ.

Ключевые слова: заявитель; пострадавший; обжалование; жалоба; ст. 125 УПК РФ; судебный контроль; возбуждение уголовного дела; подсудность.

Благодарности. Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496>.

Цитирование. Рукавишникова А. А., Герцен П. О., Плашевский А. А. Обеспечение принципа правовой определенности при рассмотрении жалоб на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в порядке ст. 125 УПК РФ // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2025. Т. 11, № 1. С. 51–58. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-1-51-58>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

© Рукавишникова А. А., Герцен П. О., Плашевский А. А., 2025

Анастасия Анатольевна Рукавишникова – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности, Юридический институт, Национальный исследовательский Томский государственный университет, 634050, Российская Федерация, г. Томск, пр. Ленина, 36.

Полина Олеговна Герцен – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности, Юридический институт, Национальный исследовательский Томский государственный университет, 634050, Российская Федерация, г. Томск, пр. Ленина, 36.

Андрей Александрович Плашевский – студент 4-го курса, Юридический институт, Национальный исследовательский Томский государственный университет, 634050, Российская Федерация, г. Томск, пр. Ленина 36.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.12.2024
Revised: 12.02.2025
Accepted: 05.03.2025

**Ensuring the principle of legal certainty when considering complaints against
a decision on refusal to initiate criminal proceedings in accordance
with Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation**

A. A. Rukavishnikova

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

E-mail: satsana@yandex.ru

P. O. Gertsen

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

E-mail: stenwaysfiringlight@gmail.com

A. A. Plashevskii

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

E-mail: plashievskii@gmail.com

Abstract: The right to legal certainty is a constitutional right and ensures, among other things, the stability of the legal status of an individual and its guarantee by the state. The study found that the existing legal status of such participants in the criminal process at the stage of initiation of criminal proceedings as the applicant and the victim indicates a restriction of their right to legal certainty. The analysis of legislation and law enforcement practice allowed us to formulate a number of problems caused by the violation of the right to legal certainty when appealing a decision to refuse to initiate criminal proceedings in accordance with Article 125 of the CPC of the Russian Federation by the applicant and the victims. The article offers scientifically based solutions to the identified problems, involving the improvement of legislation in order to ensure the right of the applicant and the victim to legal certainty. The conclusions formulated as a result of the study can be used to improve the gaps in the legislative regulation of the situation of the victim and the applicant at the stage of initiating a criminal case and ensuring their right to legal certainty, including in the complaints proceedings in accordance with Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Key words: applicant; victim; appeal; complaint; Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation; judicial control; initiation of criminal proceedings; jurisdiction.

Acknowledgement. The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496>.

Citation. Rukavishnikova A. A., Gertsen P. O., Plashevskii A. A. *Obespechenie printsipa pravovoi opredelennosti pri rassmotrenii zhalob na postanovlenie ob otkaze v возбуждении уголовного дела в порядке ст. 125 УПК РФ* [Ensuring the principle of legal certainty when considering complaints against a decision on refusal to initiate criminal proceedings in accordance with Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2025, vol. 11, no. 1, pp. 51–58. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-1-51-58> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declared no conflicts of interest.

© Rukavishnikova A. A., Gertsen P. O., Plashevskii A. A., 2025

Anastasia A. Rukavishnikova – Candidate of Legal Sciences, associate professor at the Department of Criminal Proceedings, Prosecutor's Supervision and Enforcement, Institute of Law, National Research Tomsk State University, 36, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation.

Polina O. Gertsen – senior lecturer at the Department of Criminal Proceedings, Prosecutor's supervision and Enforcement, Institute of Law, National Research Tomsk State University, 36, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation.

Andrei A. Plashevskii – student of the 4th year of study, Institute of Law, National Research Tomsk State University, 36, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation.

Право на правовую определенность – конституционное право человека и гражданина. Государство обязано обеспечить это право для достойного существования и жизнедеятельности человека в обществе и государстве, что, безусловно, является показателем уровня развития самого государства [1, с. 46]. Согласно системе решений Конституционного Суда Российской Федерации, такое право обеспечивается за счет следующих факторов: системы стабильного законодательства, которое позволяет адекватно регулировать складывающиеся в обществе на конкретный момент развития общественные отношения; ясности и непротиворечивости сформулированных норм права и того, что приравнивается сегодня по своим приближенным нормативным свойствам к их статусу; стабильности вынесенных судебных решений как итога правоприменительной деятельности, которые позволяют человеку видеть и предвидеть свое правовое положение в обществе на период, установленный в судебном решении¹, планиро-

вать свою жизнь и, как следствие, чувствовать себя защищенным в части гарантированности стабильности своего правового положения со стороны государства. В равной мере все направления обеспечения права на правовую определенность имеют значение и при правовой регламентации и практике реализации производства в порядке ст. 125 УПК РФ.

В рамках проведенного исследования было выявлено отсутствие системного обеспечения права на правовую определенность пострадавшего от преступления на стадии возбуждения уголовного дела в процедуре по обжалованию решений, действий, бездействия должностных лиц, ведущих уголовный процесс. Представляется, что причи-

содержания. См., например: Сидоренко М. В. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права: монография. Москва: Юрлитинформ, 2017. С. 11; Дикарев И. С. Принцип правовой определенности и законная сила решения в уголовном процессе: монография. Волгоград, 2015 и др. В рамках исследования не предполагается глубокая разработка данного вопроса, а право на правовую определенность будет рассматриваться в контексте структуры, указанной в работе.

¹ В литературе существуют различные подходы к пониманию права на правовую определенность и его структуры и

ной такого ограничения и нарушения права на правовую определенность являются несовершенство законодательства и актов его толкования в обозначенной сфере и, как следствие, разнородность и нестабильность правоприменительной практики.

Прежде чем рассмотреть выявленные проблемы, необходимо определиться с некоторыми контекстными рамками нашего исследования: во-первых, настоящая статья не претендует на исследование исчерпывающих случаев проявлений ограничений права на правовую определенность заявителя и пострадавшего от преступления ни при анализе нормативно-правового регулирования, ни при анализе практики его применения; во-вторых, при рассмотрении данной проблемы (следуя изученному нарративу) необходимо понимать соотношение понятий и статусов «заявитель о преступлении» – в порядке ст. 141 УПК РФ (лицо, подавшее заявление), «пострадавший» («фактический» потерпевший, процессуальный статус которого должен быть закреплен вынесением соответствующего постановления о признании его потерпевшим) и «потерпевший», которые могут как совпасть в одном лице (как фактически, так и юридически), так и быть представленными разными физическими или юридическими лицами; в-третьих, в данной научной статье будут рассмотрены вопросы, связанные с обеспечением права заявителя и пострадавшего на правовую определенность при обжаловании в порядке ст. 125 УПК РФ решения должностного лица об отказе в возбуждении уголовного дела.

Итак, при изучении практики был выявлен ряд проблем, обусловленных нарушением права на правовую определенность при обжаловании постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в порядке ст. 125 УПК РФ заявителем и пострадавшим.

1. Одно из выявленных ограничений права на правовую определенность обусловлено отсутствием четкого нормативного регулирования правового положения пострадавшего на стадии возбуждения уголовного дела и, как следствие, порождаемой неопределенностью системы его прав и отсутствием четких и ясных механизмов их реализации. Не обеспеченное со стороны государства механизма реализации, право становится фикцией.

Ранее отмечалось, что статус лица как пострадавшего может совпасть со статусом заявителя. Как показывает анализ практики, в таком случае он оказывается в более выгодном правовом положении, чем пострадавший, не являющийся заявителем. Такая ситуация связана с тем, что статус заявителя имеет хотя и неполное, но закрепление в УПК РФ.

Так, заявителем в понимании ст. 141 УПК РФ является лицо, подавшее заявление о совершенном преступлении. Впоследствии (в случае возбуждения уголовного дела) такое лицо может быть признано потерпевшим (если оно обладает всеми необходимыми для этого признаками, предусмотренными ст. 42 УПК РФ), а может быть абсолют-

но на законных основаниях не признано таковым, например, если заявление о совершении преступления подает лицо, которое непосредственно не является пострадавшим от преступления (родственник, очевидец и др.).

В силу пункта 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 17 от 20.06.2010 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» [2], исходя из того, что потерпевшим признается физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред (ч. 1 ст. 42 УПК РФ), все иные лица, в том числе близкие родственники потерпевшего, на чьи права и законные интересы преступление не было непосредственно направлено, по общему правилу процессуальными возможностями по их защите не наделяются. Защита прав и законных интересов таких лиц осуществляется в результате восстановления прав лица, пострадавшего от преступления. В этом случае впоследствии статус заявителя о преступлении не трансформируется в статус потерпевшего, но может трансформироваться, например, в статус свидетеля.

Законодательством, актами его толкования и правоприменительной практикой предусмотрено право заявителя обжаловать постановление следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, на что отдельно обратил внимание Пленум Верховного Суда Российской Федерации (п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 (ред. от 28.06.2022) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [3] (далее – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1).

Право на правовую определенность становится обеспеченным для заявителя за счет указания на возможность обжалования постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Однако дальнейшая судьба жалобы зависит от того, нарушены ли права заявителя вынесенным решением. Этот вопрос решается уже в ходе судебного заседания, что предполагает предоставление заявителю возможности аргументировать свою позицию. Судебная практика свидетельствует о том, что суд может отказать в принятии и рассмотрении жалобы только в случае, когда из жалобы с прямой очевидностью следует отсутствие «интереса» заявителя. В остальных случаях суд рассматривает этот вопрос уже в судебном заседании. Таким образом, доступ заявителя к правосудию обеспечивается самим фактом наличия у него такого статуса.

В свою очередь, под пострадавшим («фактическим» потерпевшим) мы понимаем лицо, которому причинен вред совершенным преступлением, но которое в силу специфики первоначальной стадии уголовного процесса еще не получило процессуально оформленного статуса потерпевшего (необходимо помнить, что в соответствии с абз. 2 п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 17 от 20.06.2010 «О практике применения суда-

ми норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им). Аналогичную позицию неоднократно высказывал Конституционный Суд РФ [4; 5].

В тех случаях, когда пострадавший от преступления не является заявителем (например, когда доследственная проверка проводится по сообщению, полученному из иных источников и оформленному рапортом должностного лица), у него не возникает даже такой усеченный объем прав, как у заявителя. И, несмотря на указание в УПК РФ и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ на возможность подачи жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ любым лицом, в той части, в которой его права и интересы затрагиваются обжалуемым решением, доказать факт приемлемости жалобы с точки зрения критериев, предусмотренных в ч. 1 ст. 125 УПК РФ и в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ, пострадавшему, не являющемуся заявителем, может быть затруднительно.

В соответствии с п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 судьям рекомендовано в ходе предварительной подготовки к судебному заседанию выяснять, подана ли она надлежащим лицом. Вместе с тем неясно, как суд на этом этапе может решить вопрос о том, подана ли жалоба надлежащим лицом, если оно не является заявителем и еще не имеет процессуально оформленного статуса потерпевшего.

В научной литературе верно отмечают, что если лицо обоснует свое фактическое положение пострадавшего от преступлений, то должно быть реализовано и его право на судебное обжалование [6, с. 88], соответственно, пострадавшему должна быть предоставлена возможность обосновать свое фактическое положение потерпевшего и нарушение его прав обжалуемым решением об отказе в возбуждении уголовного дела.

Исходя из этого, в целях обеспечения права на правовую определенность и предотвращения нарушения принципа равенства и справедливости, в том числе при обеспечении доступа к правосудию, на законодательном уровне необходимо закрепить, что суд в случае подачи жалобы на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела пострадавшим, не являющимся заявителем, должен во всех случаях принимать ее к рассмотрению, отложив решение вопроса о том, затронуты ли интересы лица обжалуемым решением непосредственно на этапе судебного заседания. Предлагаемое решение временно может быть закреплено на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ. Такой подход будет нацелен на обеспечение права на правовую определенность в условиях отсутствия четкого законодательного определения статуса пострадавшего и оснований его возникновения.

2. В ходе исследования было выявлено также ограничение права на правовую определенность, вызванное отсутствием в уголовно-процессуальном законодательстве четкого и ясного перечня решений суда, выносимых в процедуре, предусмотренной ст. 125 УПК РФ, в частности выносимых в случае выявления неподсудности суду поступившей жалобы.

Виды решений процессуально оформляют реализацию полномочий суда при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ. Именно виды решений определяют допустимые процессуальные границы деятельности суда и делают реализацию полномочий суда в конкретном случае очевидной и понятной для участников уголовного процесса, так как любое решение суда должно отвечать требованиям законности и быть мотивированным (именно мотивированное решение гарантирует то, что оно является произвольным и базируется на нормах закона и фактических обстоятельствах дела). В связи с этим гражданин, участвующий в уголовном процессе, ставится в состояние правовой неопределенности как с позиции полномочий суда, так и с позиции возможных видов его решений и их мотивировки и, как следствие, возможных пределов обжалования.

В статье 125 УПК РФ законодателем не определен исчерпывающий перечень решений, который выносится судом в рамках этого производства.

Так, при рассмотрении жалобы на решения, действия, бездействие должностных лиц с явной очевидностью и нормативной определенностью предусмотрено вынесение лишь одного из двух постановлений:

1) о признании действия (бездействия) или решения соответствующего должностного лица незаконным или необоснованным и о его обязанности устранить допущенное нарушение;

2) об оставлении жалобы без удовлетворения.

Дополняет этот далеко не исчерпывающий перечень Верховный Суд РФ. Пленум Верховного Суда РФ, в частности, прямо предусмотрел возможность вынесения таких решений, как решение о возвращении жалобы для устранения недостатков в тех случаях, когда жалоба не содержит необходимых сведений, что препятствует ее рассмотрению, либо в жалобе содержатся нецензурные или оскорбительные выражения (абз. 2 п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1), а также решение об отказе в принятии жалобы к рассмотрению в случае, если по поступившей в суд жалобе будет установлено, что жалоба с теми же доводами уже удовлетворена прокурором либо руководителем следственного органа или обжалуемое решение ими отменено (абз. 2 п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1).

Кроме того, как показал анализ изученной практики, среди решений, выносимых судами при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, встречаются и решения об оставлении жалобы без рассмотрения.

Отсутствие системного регулирования видов решений и оснований их принятия делает возможным вынесение произвольного решения, временно или окончательно ограничивающего доступ к правосудию. Возможность существования произвольного решения как следствие неурегулированности полномочий суда и условий их реализации не только создает угрозу ограничения доступа к правосудию, нарушает право на обжалование, но и нарушает право участников уголовного процесса на правовую определенность.

Аналогичную ситуацию создает неопределенность в решении вопроса о полномочиях суда в случае поступления жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ с нарушением правил подсудности.

Вид решения суда в случае нарушения требования подсудности также прямо не предусмотрен в числе решений, выносимых в производстве в порядке ст. 125 УПК РФ. Вероятная необходимость вынесения соответствующего решения вытекает из указаний Пленума Верховного Суда РФ о проведении полноценной стадии подготовки судебного разбирательства при рассмотрении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ по аналогии с общим порядком подготовки к судебному заседанию и проверки соблюдения правила о подсудности. При этом вид решения, выносимого в случае выявившейся неподсудности жалобы, в акте толкования Пленума Верховного Суда РФ не указан.

Таким образом, возникает вопрос о том, может ли в этом случае суд самостоятельно направить жалобу по подсудности либо необходимо вернуть ее заявителю для устранения недостатков.

Очевидно, что там, где решение принимается судом, который самостоятельно определяет «правильную» подсудность и направляет в тот суд, к подсудности которого относится предмет рассмотрения жалобы, заявителю-пострадавшему в большей степени гарантируются и доступ к правосудию, и рассмотрение дела тем судом, к подсудности которого оно относится, и оперативность судебного контроля, чем там, где жалоба возвращается заявителю как неподсудная.

При регламентации данной стадии в производстве в суде первой инстанции, согласно п. 1 ч. 1 ст. 227 УПК РФ, предусмотрено, что по поступившему с нарушением правил о подсудности уголовному делу судья принимает решение о направлении его по подсудности.

В силу отсутствия правовой определенности о виде решения, которое должен принимать суд при выявлении неподсудности жалобы, поданной в порядке ст. 125 ПК РФ, в том числе и отсутствия разъяснений по этому поводу со стороны Верховного Суда РФ, складываются и различные подходы на практике: от принятия в этом случае решения о возвращении жалобы заявителю как поданной с нарушением подсудности, до самостоятельного направления судом жалобы по подсудности в силу того, что такое выявленное нарушение при подаче жалобы не предусмотрено в качестве основания для его возвращения заявителю ни в УПК РФ, ни в постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Представляется, что при выявлении неподсудности жалобы, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ, суд должен самостоятельно определять ее правильную подсудность и направлять ее в соответствующий суд. Такой подход обеспечивает публичное начало в обеспечении права заявителя-пострадавшего.

Усиление публичного начала необходимо по следующим основаниям: во-первых, на этом этапе уголовного процесса у пострадавшего еще отсутствует процессуально оформленный статус, в связи с чем во многих ситуациях ему сложнее отстаивать свои права; во-вторых, этого требуют оперативность и своевременность судебного контроля (в данном случае есть большая гарантия обеспечения разумных сроков такого судебного контроля); в-третьих, такое решение способно более эффективно приблизить лицо к доступности правосудия (в случае действительного нарушения); в-четвертых, институт подсудности на этом этапе имеет сложности в его определенности (можно предположить, что, так как жалоба уже подана с нарушением подсудности, значит, простое правило подачи в суд по месту производства предварительного расследования не оказалось четким в правоприменении и у заявителя-пострадавшего возникли сложности с определением такой подсудности. О несовершенстве существующего подхода к определению подсудности в порядке ст. 125 УПК РФ свидетельствует и отсутствие единого подхода на практике и в научной литературе [7; 8]); в-пятых, у заявителя-пострадавшего отсутствует гарантированное УПК РФ право на бесплатную квалифицированную юридическую помощь, в ходе которой он мог бы получить консультацию об определении подсудности жалобы в конкретном случае подачи жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ.

В качестве усиления аргументации обосновываемого подхода можно указать еще и то, что законодатель сам задает определенный вектор «повышенной» защиты прав участников в производстве, в порядке ст. 125 УПК РФ разрешив подачу жалобы не непосредственно в суд, а через дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, орган дознания, следователя, руководителя следственного органа или прокурора (ч. 2 ст. 125 УПК РФ). Особенно актуально это в том случае, когда «место проведения предварительного расследования» как критерий, позволяющий определить подсудность, фактически отсутствует. Продолжением логики законодателя было бы возложение на суд обязанности разрешить проблему неверно определенной подсудности и самостоятельно направить жалобу в надлежащий суд.

Наконец, обосновать такой подход можно, проведя аналогию закона и указав на возможность обеспечения интересов потерпевшего посредством самостоятельного направления судом первой инстанции иска, оставленного без рассмотрения в уголовном процессе, в порядке гражданского судопроизводства, в том числе с определением подсудности рассмотрения такого иска. Кроме того, суд может признать за гражданским

истцом право на удовлетворение гражданского иска и самостоятельно передать рассмотрение вопроса о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства. В таких случаях дополнительного заявления от гражданского истца не требуется (абз. 2 ч. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 17 от 20.06.2010 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»).

Подводя итог проведенного исследования, сделаем следующие выводы.

1. Право на правовую определенность имеет особое значение в уголовном процессе как публичной отрасли права, где участники уголовного процесса, отстаивающие частный интерес, нуждаются в усилении гарантий защиты их прав. Право на правовую определенность обеспечивается за счет системы стабильного законодательства, ясности и непротиворечивости сформулированных норм права и того, что приравнивается сегодня по своим приближенным нормативным свойствам к их статусу, стабильности вынесенных судебных решений. Обеспечение права на правовую определенность предполагает предотвращение случаев его ограничения.

2. Выявленная проблема ограничения права на правовую определенность рассматривалась с позиции достаточности, точности и ясности нормативного регулирования статуса пострадавшего, заявителя и их прав на стадии возбуждения уголовного дела при реализации права на обжалование решений, действий, бездействия должностных лиц в порядке ст. 125 УПК РФ. Анализ норм УПК РФ позволил выявить ряд проявлений правовой неопределенности, которые ограничивают конституционное право на правовую определенность. Нарушение требования правовой определенности к системе норм права является детерминантой формирования неопределенной правоприменительной практики. Существование разнородной практики при решении одного и того же вопроса также нарушает конституционное право на правовую определенность, делает правоприменительную практику нестабильной и непредсказуемой.

3. Одним из проявлений правовой неопределенности является отсутствие нормативного регулирования статуса пострадавшего. Несмотря на то что Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что возникновение процессуальных фигур (участников) в уголовном процессе должно являться следствием их фактического положения и только оформляться решением следователя, дознавателя, выявленные в ходе изучения практики тенденции показали, что такой участник, как пострадавший, имеет пониженный уровень гарантий обеспечения доступа в уголовный процесс для защиты и реализации своих прав. В качестве преодоления возможного ограничения прав пострадавшего, не являющегося заявителем, в силу неопределенности его правового статуса и в целях обеспечения своевременной защиты прав и за-

конных интересов можно предложить следующее: суд, в случае подачи жалобы на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела лицом, не являющимся заявителем, должен во всех случаях принимать ее к рассмотрению, отложив решение вопроса о том, затронуты ли интересы лица обжалуемым решением, непосредственно на этапе рассмотрения жалобы.

4. В ходе исследования практики была выявлена правовая неопределенность в системе видов полномочий и решений суда, выносимых при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ. Отсутствие системного регулирования видов решений и оснований их принятия делает возможным вынесение произвольного решения, временно или окончательно ограничивающего доступ к правосудию. Возможность вынесения произвольного решения создает угрозу ограничения доступа к правосудию, нарушает право на обжалование и, как следствие, нарушает право участников уголовного процесса на правовую определенность. Представляется, что этот вопрос должен быть решен на законодательном уровне посредством указания в ст. 125 УПК РФ исчерпывающего перечня решений, выносимых как на этапе подготовки к рассмотрению жалобы, так и по итогам ее рассмотрения, а также указания оснований вынесения таких решений.

5. В ходе исследования закона, теории и практики применения УПК РФ неопределенность обнаружилась также в вопросе о том, что должен делать суд в случае поступления в порядке ст. 125 УПК РФ жалобы с нарушением правил подсудности. Вместе с тем отсутствие правовой определенности в этой ситуации формирует различную судебную практику и, как следствие, сказывается на обеспечении своевременной защиты прав и законных интересов пострадавших. Подтвердился и ранее сделанный в рамках исследования вывод о несовершенстве порядка определения подсудности по правилам ст. 125 УПК РФ, влекущем сложности в определении надлежащего суда для лиц, не владеющих юридическими навыками и компетенциями, в случае самостоятельной подачи ими жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ.

6. В судебной практике сформировалось два подхода при выявлении судом неподсудности жалобы, поданной в порядке ст. 125 ПК РФ: принимается решение о возвращении жалобы заявителю как поданной с нарушением подсудности (субъект обжалования при этом должен сам определить правильную подсудность и направить жалобу в надлежащий суд); судом самостоятельно определяется правильная подсудность, и жалоба направляется судом. Второй из названных подходов представляется наиболее правильным, отвечающим публичному началу уголовного процесса, которому имманентно присуще обеспечение частных интересов [9, с. 6], и гарантирующим своевременность защиты прав и законных интересов лица, находящегося в «слабом» положении в силу неопределенности

его процессуального статуса и отсутствия у него обусловленных таким статусом прав и гарантий. На такое лицо не может быть возложено бремя не- сения последствий неясности законодательства, включая случаи, когда точно определить подсуд- ность затруднительно.

Библиографический список

1. Принципы уголовного процесса: монография / под общ. ред. Г. С. Русман, С. М. Даровских. Москва: Проспект, 2022. 336 с. URL: <https://book.ru/book/948460>.
2. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102220/?ysclid=m705yj2jfn304405869 (дата обращения: 11.08.2024).
3. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84964/?ysclid=m706l5lump109659007 (дата обращения: 11.08.2024).
4. По делу о проверке конституционности части первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.О. Никитина: Постановление Конституционного Суда РФ от 12 мая 2022 г. № 18-П // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_416889/?ysclid=m70a95vx47163874528 (дата обращения: 15.08.2024).
5. О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок и части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. В. Курочкина, А. Б. Михайлова и А. С. Русинова: постановление Конституционного Суда РФ от 11.11.2014 № 28-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1 Федерального закона» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.08.2024).
6. Карпов Е. Н. Некоторые направления решения проблемы недостаточно определенного процессуального положения субъектов уголовного процесса // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2009. № 4. С. 87–90. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-napravleniya-resheniya-problemy-nedostatochno-opredelenного-protsessualного-polozheniya-subektov-ugolovnogo-protsessa?ysclid=m70brxcmb81015009>.
7. Андреева О. И., Герцен П. О., Рукавишников А. А. Соблюдение подсудности как условие реализации права на законный суд при обжаловании в судебном порядке решений, вынесенных в ходе досудебного производства // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 1 (52). С. 16–22. DOI: <http://doi.org/10.37523/SUI.2023.52.1.002>.
8. Дикарев И. С., Юткина С. М. Критерии приемлемости жалоб, подаваемых в порядке ст. 125 УПК // Законность. 2023. № 2 (1060). С. 48–51. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50323141>. EDN: <https://www.elibrary.ru/lbtgvx>.
9. Андреева О. И., Лонь С. Л., Рукавишников А. А., Трубникова Т. В. Вектор направления дальнейшего развития уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2017. № 4. С. 5–9. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32309226>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yymiikv>.

References

1. *Printsipy ugolovnogo protsessa: monografiya. Pod obshch. red. G. S. Rusman, S. M. Darovskikh* [Rusman G. S., Darovskikh S. M. (eds.) Principles of criminal procedure: monograph]. Moscow: Prospekt, 2022, 336 p. Available at: <https://book.ru/book/948460> [in Russian].
2. *O praktike primeneniya sudami norm, reglamentiruyushchikh uchastie poterpevshego v ugolovnom sudoproizvodstve: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 29.06.2010 № 17* [On the practice of applying by courts of the norms governing the participation of the victim in criminal proceedings: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 29.06.2010 № 17]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» (accessed 11.08.2024). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102220/?ysclid=m705yj2jfn304405869 [in Russian].
3. *O praktike rassmotreniya sudami zhalob v poryadke stat'i 125 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 10.02.2009 № 1* [On the practice of consideration by courts of complaints in accordance with Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10.02.2009 № 1]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» (accessed 11.08.2024). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84964/?ysclid=m706l5lump109659007 [in Russian].
4. *Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti pervoi stat'i 42 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zhaloboi grazhdanina A.O. Nikitina: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 12 maya 2022 g. № 18-P* [In the case of checking the constitutionality of the first part of Article 42 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen A. O. Nikitin: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 12, 2022 № 18-P]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» (accessed 15.08.2024). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_416889/?ysclid=m70a95vx47163874528 [in Russian].
5. *O kompensatsii za narushenie prava na sudoproizvodstvo v razumnyi srok ili prava na ispolnenie sudebnogo akta v razumnyi srok i chasti tret'ei stat'i 6.1 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zhalobami grazhdan V. V. Kurochkina, A. B. Mikhailova i A. S. Rusinova: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 11.11.2014*

№ 28-Р «По делу о проверке конституционности положений части 1 стат'и 1 Федерального закона» [On compensation for violation of the right to judicial proceedings within a reasonable time or the right to execute a judicial act within a reasonable time" and Part three of Article 6.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with complaints from citizens V. V. Kurochkin, A. B. Mikhailov and A. S. Rusinov: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 11.11.2014 № 28-Р «In the case of checking the constitutionality of the provisions of part 1 of Article 1 of the Federal Law»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» (accessed 15.08.2024) [in Russian].

6. Karpov E. N. *Nekotorye napravleniya resheniya problemy nedostatochno opredelenного protsessual'nogo polozheniya sub"ektov ugovnogo protsessa* [The ways to find solution the issue about not exact stated legal status of subjects of criminal procedure]. *Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskii zhurnal* [Business in Law], 2009, no. 4, pp. 87–90. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-napravleniya-resheniya-problemy-nedostatochno-opredelenного-protsessualного-polozheniya-subektov-ugolovного-protsessa?ysclid=m70brxcnbr581015009> [in Russian].

7. Andreeva O. I., Gertsen P. O., Rukavishnikova A. A. *Soblyudenie podsudnosti kak uslovie realizatsii prava na zakonnyi sud pri obzhalovanii v sudebnom poryadke reshenii, vnesennykh v khode dosudebnogo proizvodstva* [Respect for jurisdiction as a condition for exercising the right to a fair trial in judicial review of pre-trial decisions]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta* [Bulletin of the Samara Law Institute], 2023, no. 1 (52), pp. 16–22. DOI: <http://doi.org/10.37523/SUI.2023.52.1.002> [in Russian].

8. Dikarev I. S., Yutkina S. M. *Kriterii priemlosti zhalob, podavaemykh v poryadke st. 125 UPK* [Criteria of admissibility of applications submitted under art. 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. *Zakonnost'* [Zakonnost Journal], 2023, no. 2 (1060), pp. 48–51. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50323141>. EDN: <https://www.elibrary.ru/lbtgvx> [in Russian].

9. Andreyeva O. I., Lon S. L., Rukavishnikova A. A., Trubnikova T. V. *Vektor napravleniya dal'neishego razvitiya ugovnogo sudoproizvodstva* [Vector of the direction of further development of criminal legal proceedings]. *Ugolovnoe pravo*, 2017, no. 4, pp. 5–9. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32309226>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yuiikv> [in Russian].



НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.7

Дата поступления: 22.01.2025
рецензирования: 23.02.2025
принятия: 05.03.2025

**О некоторых особенностях толкования и применения квалифицированного
состава преднамеренного банкротства**

А. В. Саусин

Самарская губернская дума, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: sausinav@yandex.ru

Аннотация: В 2021 году в уголовный закон введен квалифицированный состав преднамеренного банкротства. Усиlena уголовная ответственность за совершение данного преступления лицом с использованием своего служебного положения или контролирующим должника лицом либо руководителем этого контролирующего лица, а также группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Данная статья посвящена анализу вопросов, которые могут возникнуть и возникают на практике в связи с толкованием и применением квалифицированного состава преднамеренного банкротства. В статье сделаны выводы о невозможности обыденного толкования норм об уголовной ответственности лица, совершившего рассматриваемое преступление с использованием своего служебного положения. Поэтому автором предложены признаки данного понятия, сформированные с применением сравнительно-правового метода. Установлена невозможность сугубо оценочного подхода при квалификации совершения преднамеренного банкротства контролирующим должника лицом, и предложена новая редакция соответствующего квалифицированного состава преступления. Выявлены особенности квалификации преднамеренного банкротства группой лиц по предварительному сговору и организованной группой. Отмечены недостатки подхода законодателя, выраженные в отнесении преступлений с этими квалифицирующими признаками к одной категории преступлений. Приведены способы дифференциации судами уголовной ответственности в этой ситуации.

Ключевые слова: преднамеренное банкротство; квалифицированный состав преступления; дифференциация уголовной ответственности; использование служебного положения; контролирующее должника лицо; группа лиц по предварительному сговору; организованная группа.

Цитирование. Саусин А. В. О некоторых особенностях толкования и применения квалифицированного состава преднамеренного банкротства // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2025. Т. 11, № 1. С. 59–66. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-1-59-66>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Саусин А. В., 2025

Андрей Валерьевич Саусин – заместитель руководителя аппарата Самарской губернской думы – руководитель Главного управления правового обеспечения, 443100, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 187.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 22.01.2025
Revised: 23.02.2025
Accepted: 05.03.2025

**On some features of interpretation and application of the qualified composition
of deliberate bankruptcy**

A. V. Sausin

Samara Regional Duma, Samara, Russian Federation
E-mail: sausinav@yandex.ru

Abstract: In 2021, the legislator introduced the qualified element of deliberate bankruptcy into the criminal law. A higher level of criminal liability has been established for the commission of this crime by a person using his official position or by a person controlling the debtor or by the head of this controlling person, as well as by a group of persons by prior conspiracy or an organized group. This article is devoted to the analysis of issues that can and do arise in practice related to the introduction of new criminal law norms. The relevance of the study is due to the increased danger of committing deliberate bankruptcy in these circumstances. The article draws conclusions about the impossibility of the ordinary interpretation of a person committing the crime in question using his official position. Therefore, the characteristics of this concept, formed using the comparative legal method, are proposed. The impossibility of a purely evaluative approach in qualifying the commission of deliberate bankruptcy by a person controlling the debtor has been established, and in this regard, a new edition of the corresponding qualified crime has been proposed. The peculiarities of qualification of the commission of deliberate bankruptcy by a group of persons by prior conspiracy and by an organized group are revealed. The shortcomings of the legislator's approach are noted, expressed in the inclusion of these offenses in one category of crimes. At the same time, ways for courts to differentiate criminal liability in this situation are given.

Key words: deliberate bankruptcy; qualified crime; use of official position; person controlling the debtor; management functions; group of persons by prior conspiracy; organized group; complicity; criminal liability.

Citation. Sausin A. V. *O nekotorykh osobennostyakh tolkovaniya i primeneniya kvalifitsirovannogo sostava prednamerennogo bankrotstva* [On some features of interpretation and application of the qualified composition of deliberate bankruptcy]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2025, vol. 11, no. 1, pp. 59–66. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-1-59-66> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Sausin A. V., 2025

Andrew V. Sausin – Deputy Chief of Staff of the Samara Regional Duma – head of the Main Department of Legal Support, 187, Molodogvardeyskaya Street, Samara, 443100, Russian Federation.

Федеральным законом от 01.07.2021 № 241-ФЗ «О внесении изменений в статьи 195 и 196 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»¹ статья 196 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) дополнена частью второй, предусматривающей усиление уголовной ответственности за совершение преднамеренного банкротства лицом с использованием своего служебного положения или контролирующим должника лицом либо руководителем этого контролирующего лица, а также группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Несмотря на относительно короткий срок с момента введения квалифицированного состава указанного преступления, в судебной практике уже можно встретить примеры применения ч. 2 ст. 196 УК РФ.

Приговором Октябрьского районного суда г. Омска от 01.02.2023 по делу № 1-23/2023² гражданин В. привлечен к уголовной ответственности по п. «а» ч. 2 ст. 196 УК РФ за то, что, являясь директором компании, будучи наделенным административно-хозяйственными и организационно-распорядительными функциями, вопреки интересам кредиторов, умышленно, из корыстных побуждений совершил действия с использованием своего служебного положения, заведомо повлекшие неспособность компании в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. Он осуществил передачу недвижимого имущества, транспортных средств другому лицу во владение с последующим его отчуждением в ходе проведения процедуры банкротства. Кроме того, получив кредит, гражданин В. не предпринял действенных мер по его погашению, ограничившись выплатой процентов на протяжении нескольких месяцев после получения кредита, после чего прекратил всяческие выплаты по кредиту. Он также заключил договор купли-продажи с другим гражданином, продав за 1 млн рублей недвижимое имущество, имеющее рыночную стоимость в 3,5 млн рублей. Описанные действия привели компанию к состоянию банкротства.

Дополнительно отметим, что о возбуждении уголовных дел по ч. 2 ст. 196 УК РФ упоминается в некоторых актах арбитражных судов (постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.09.2024 № 17АП-7399/2024(1)-АК по делу № А60-39364/2023, постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.06.2024 № 18АП-3861/2024 по делу № А47-309/2021, постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.11.2023 № 11АП-16462/2023 по делу № А72-4946/2019, постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.07.2023 № 20АП-4213/2023 по делу № А68-4172/2021, постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.01.2023 № 15АП-19336/2022 по делу № А53-2060/2021)³.

Анализ квалифицирующих признаков преднамеренного банкротства показывает следующие их особенности.

В статье 196 УК РФ не раскрывается содержание понятия «совершение преступления лицом с использованием своего служебного положения». Отсутствует и его судебное толкование. Кстати сказать, понятие «служебное положение» можно было бы раскрыть, используя понятия «служба», «служить» или «служащий», имеющиеся в толковых словарях. В частности, по В. И. Далю, служить – значит состоять на государственной или общественной службе, при должности, занимать место с известными обязанностями, быть орудием или средством для цели, быть нужным [1, с. 224]. В свою очередь А. М. Прохоров под служащим понимал работника нефизического и умственного труда, получающего заработную плату, т. е. фиксированный заработок [2, с. 1112]. В то же время С. И. Ожегов подразумевал под службой «какую-нибудь специальную область работы с относящимися к ней учреждениями», а под служащим – «работника, занятого интеллектуальным, нефизическим трудом в разных сферах деятельности: государственной, административной, хозяйственной и др.» [3, с. 732]. Однако приведенные определения понятий, на наш взгляд, не позволяют в достаточной степени идентифицировать содержание понятия «совершение преступления лицом

¹ Российская газета. 2021. 05 июля. № 145.

² URL: <https://clck.ru/3Er7ET> (дата обращения: 16.11.2024).

³ СПС «Гарант». URL: <https://garant.ru> (дата обращения: 16.11.2024).

с использованием своего служебного положения» именно для целей уголовного права. Поэтому логично обратиться к другим нормам главы 22 действующего УК РФ, для которых определенное понимание данного вопроса выработано теорией и практикой.

Для примера: Федеральная антимонопольная служба применительно к случаям выявления, раскрытия и расследования преступлений, связанных с ограничением конкуренции (ст. 178 УК РФ), рекомендует в целях подтверждения факта использования преступником своего служебного положения устанавливать наличие у него управленческих функций⁴. При этом адресует к примечанию 1 к ст. 201 УК РФ, где указано, какие именно лица признаются выполняющими управленческие функции. Таковыми являются лица, выполняющие функции единоличного исполнительного органа либо члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, или лица, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях. Некоторые лица, даже являясь рядовыми служащими, но находясь в системе служебной иерархии (по специальному полномочию – трудовой договор, должностное регламент (инструкция), доверенность и т. д. – выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях), имеют зачастую возможность оказать содействие, повлиять, действуя в рамках своих служебных полномочий, принять решение, способное привести к ограничению конкуренции.

В развитие изложенных рассуждений обратимся к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», где говорится о том, что к лицам, использующим свое служебное положение, следует относить не только должностных лиц, но и лиц, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческой организации независимо от формы собственности или в некоммерческой организации, не являющейся государственным или муниципальным учреждением (п. 17). При этом использование служебного положения при совершении преступления выражается не только в умышленном использовании такими лицами своих служебных полномочий, но и в оказании влияния, определяемого значимостью и авторитетом занимаемой ими должности, на других лиц в целях побуждения их к совершению действий, направленных на содействие террористической деятельности.

Последнее утверждение полагаем верным воспринимать с учетом положения, обоснованного

А. К. Субачевым, о том, что объективная сторона составов криминального банкротства выражается в совершении юридически значимых действий, которые лицо без соответствующих полномочий совершить не в состоянии [4, с. 102]. В связи с этим использование авторитета занимаемой должности в целях совершения преднамеренного банкротства исключено.

Нельзя не сказать и о позиции Генеральной прокуратуры РФ, которая под использованием служебного положения, предусмотренного в диспозиции ч. 3 ст. 272 УК РФ, понимает использование возможности доступа к компьютерной информации, возникшей в результате выполняемой работы (по трудовому, гражданско-правовому договору) или влияния по службе на лиц, имеющих такой доступ (в данном случае субъектом преступления не обязательно является должностное лицо), т. е. тех, кто на законных основаниях использует компьютерную информацию и средства ее обращения (программисты, сотрудники, вводящие информацию в память компьютера, другие пользователи, а также администраторы баз данных, инженеры, ремонтники, специалисты по эксплуатации электронно-вычислительной техники и прочие)⁵.

С учетом вышеизложенного можно констатировать, что теория и практика выделяют следующие признаки использования лицом своего служебного положения при совершении преступления, в т. ч. преднамеренного банкротства: 1) лицо может замещать какую-либо должность в организации или не замещать, а быть рядовым служащим, но наделенным определенными полномочиями, например в соответствии с локальным нормативным актом; 2) соответствующие полномочия могут быть даны лицу постоянно или временно; 3) лицо может единолично реализовывать свои полномочия или в составе коллегиального органа; 4) такое лицо занимается, как правило, интеллектуальной, а не физической деятельностью; 5) деятельность лица выражается через функции организационно-распорядительного или административно-хозяйственного характера; 6) преступное деяние может заключаться не только в реализации преступником своих служебных полномочий, но и в оказании им влияния, определяемого значимостью (но не авторитетом) занимаемой им должности, на других лиц в целях побуждения их к совершению преступления.

Здесь, безусловно, можно согласиться с В. В. Бычковым, который говорит о том, что лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой организации, в сравнении с лицами, не обладающими такими функциями и возможностями, представляет значительно большую опасность [5, с. 37]. Такие лица в силу предоставления им

⁴ Приказ ФАС России от 08.08.2019 №1073/19 «Об утверждении методических рекомендаций».

⁵ Письмо Генпрокуратуры России от 13.09.2023 № 36-49-2023 «О Методических рекомендациях по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации, утв. Генпрокуратурой России».

полномочий имеют существенно больше возможностей в достижении преступных целей. Одним своим авторитетом и связями, используя служебную зависимость, способствуют более успешному осуществлению преступной деятельности.

Однако сложившийся в теории и практике подход к толкованию понятия «совершение преступления с использованием своего служебного положения», на наш взгляд, необоснованно и почти неограниченно расширяет понимание субъекта преступления, в т. ч. преднамеренного банкротства. Анализ судебной практики позволяет говорить о фактическом «смешении» субъектов составов преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 196 УК РФ. Расширяются возможности суда по усмотрению оценивать преступные деяния: либо по общей, либо по специальной части названной статьи.

Ситуация усугубляется еще и тем, что в квалифицированный состав преднамеренного банкротства в качестве субъекта входит контролирующее должника лицо или руководитель этого контролирующего лица. Для определения понятия такого субъекта необходимо обратиться к ст. 61.10 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁶. Там определен достаточно широкий круг лиц. Под контролирующим должника лицом понимается физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий. В пункте 2 названной статьи раскрываются способы реализации возможности определять действия должника. Причем перечень их открыт. Более того, арбитражный суд может признать лицо контролирующим должника лицом по иным основаниям. В развитие этого положения письмом ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@ к таким основаниям отнесены любые неформальные личные отношения, в том числе установленные в ходе оперативно-розыскных мероприятий, например совместное проживание (в том числе состояние в т. н. гражданском браке), длительная совместная служебная деятельность (в том числе военная служба, гражданская служба), совместное обучение (однокурсники, однокурсники) и т. п.

По мнению А. А. Шведова, нельзя отождествлять контролирующее должника лицо с руководителем этого должника [6, с. 36]. Это обусловлено тем, что второй не всегда является учредителем первого, однако в силу властных полномочий, предоставленных учредительными и внутренними документами юридического лица, обязан принимать распорядительные решения, влекущие те или иные последствия для представляемого им

лица. В свою очередь, учредитель компании не всегда является ее руководителем, при этом в силу обладания правом распоряжаться значительным процентом долей или акций компании способен оказать влияние на руководителя компании.

Вместе с тем арбитражная практика исходит из того, что истинный бенефициар должника с целью избегания ответственности не действует открыто, в связи с чем для привлечения его к субсидиарной ответственности приходится использовать косвенные доказательства (например, наличие рабочего кабинета в офисе, дача интервью о дальнейшем развитии бизнеса)⁷. В этом случае, согласно позиции И. В. Горбашева, использование оценочных понятий не может признаваться недостатком, позволяет использовать более гибкие подходы к различным правовым ситуациям и находить справедливые решения [7, с. 154].

Можем ли мы согласиться с таким походом в уголовно-правовой практике? Категорически нет! Есть же другая арбитражная практика, согласно которой наличия только подозрений в виновности лица недостаточно, необходимо привести ясные и убедительные доказательства вины, обвинительный уклон недопустим⁸. Поэтому обоснованными представляются сомнения С. В. Суворовой в том, что органы предварительного расследования и уголовный суд воспримут практику арбитражных судов и будут осуществлять исследование вопроса о виновности контролирующего должника лица в совершении преднамеренного банкротства с такой же глубиной [8, с. 37]. Тем самым имеет место риск привлечения к уголовной ответственности лиц, которые в действительности контролирующими должника лицами не являются. Этот автор предлагает дополнить ст. 196 УК РФ примечанием о том, что возбуждение уголовного дела в отношении лица, являющегося контролирующим должника лицом, возможно только после вступления в законную силу судебного акта арбитражного суда, рассматривающего дело о несостоятельности (банкротстве), о признании его таковым.

Со своей стороны указанное предложение видим недостаточно обоснованным, ведь преднамеренное банкротство считается окончанным до начала процедуры банкротства. Причем не всегда при наличии признаков состава преступления, предусмотренного ст. 196 УК РФ, впоследствии имеют место инициация и завершение процедуры банкротства, определения контролирующих должника лиц и т. п.

С учетом изложенного правильным представляется в п. «а» ч. 2 ст. 196 УК РФ сформулиро-

⁷ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.06.2015 по делу № А40-119763/2010, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.12.2016 по делу № А40-56167/2016.

⁸ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30.09.2019 по делу № А40-51687/2012, Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10.11.2021 по делу № А40-208852/2015.

⁶ Российская газета. 2002. 02 ноября. № 3077,

вать состав преступления на основе нормы данной статьи, действовавшей до 2021 года. Предлагаем рассматривать в качестве квалифицированного состава преднамеренного банкротства совершение данного преступления руководителем или учредителем (участником) юридического лица.

В пункте «б» части 2 статьи 196 УК РФ установлен квалифицированный состав преступления в виде совершения преднамеренного банкротства группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Иными словами, законодатель установил повышенную уголовную ответственность за совершение рассматриваемого преступления в соучастии.

Согласно части 2 статьи 35 УК РФ, преднамеренное банкротство признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления. При этом важной представляется позиция Пленума Верховного Суда РФ, который отметил, что такое деяние является умышленным, поэтому необходимо выяснять все обстоятельства, указывающие на субъективное отношение к содеянному каждого из подсудимых⁹. В судебном заседании должны быть установлены: наличие у каждого из соучастников умысла на совершение преднамеренного банкротства в составе группы лиц; наличие между ними предварительной договоренности о совместном совершении действий (бездействии), составляющих объективную сторону данного преступления; непосредственное участие каждого в выполнении всех или части этих действий. Справедливой представляется позиция Пленума о том, что в случае участия в преднамеренном банкротстве компании не только ее руководителя, но и рядового работника, например его помощника, сложившиеся между ними трудовые или личные отношения сами по себе не могут рассматриваться в качестве доказательства совершения ими преступления в составе группы лиц по предварительному сговору. Кроме того, выполнение работником распоряжений руководителя, связанных с осуществлением преступной деятельности, не может выступать единственным основанием для привлечения работника к ответственности за соисполнительство в таком преступлении.

Нельзя не отметить позицию К. В. Ображиева, который говорит о наличии в судебной практике тренда к усилению акцессорных начал соучастия, когда преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору лишь при условии, что в его совершении принимали непосредственное участие не менее двух соисполнителей [9, с. 39]. Это отчетливо видно на примере

толкования судом хищения¹⁰. При наличии только одного исполнителя сложное соучастие с распределением ролей группу лиц по предварительному сговору (равно как и группу без сговора) не образует. В таком случае в силу ч. 3 ст. 34 УК РФ действия организатора, подстрекателя или пособника следует квалифицировать отдельно, но со ссылкой на ст. 33 УК РФ.

В силу ч. 3 ст. 35 УК РФ преднамеренное банкротство признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения данного или нескольких преступлений. Причем здесь в качестве необходимого условия также требуется наличие минимум двух соисполнителей. При этом в совершении преступления также могут принимать участие, например, организаторы и пособники.

Интересным представляется пример из судебной практики, в которой организованная группа фактически имела место, на что в приговоре Химкинского городского суда Московской области от 14.05.2021 по делу № 1-24/2021 неоднократно указывалось¹¹. В частности, такая группа довела застройщика до состояния банкротства, не расплатилась с кредиторами по долгам компании, активы вывела на подконтрольных лиц и использовала в своих интересах. В итоге преступники были осуждены по ряду статей УК РФ: не только по ст. 196, но и по статьям 174.1, 201 и 303. Однако по квалифицирующему признаку организованной группы подсудимые были осуждены только за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления. Это было вызвано тем, что в совершении данного преступления суд уличил нескольких исполнителей. В квалификации совершения преднамеренного банкротства организованной группой оснований не нашлось, т. к. в данном деле был установлен только один исполнитель – генеральный директор компании – в ситуации наличия организатора и нескольких пособников этого преступления.

А вот в приговоре Тверского районного суда г. Москвы от 05.03.2019 по делу № 01-0003/2019 мы видим пример совершения четырьмя подсудимыми присвоения и преднамеренного банкротства компании¹². При этом судом установлено совершение присвоения в составе организованной преступной группы (ч. 4 ст. 160 УК РФ) с двумя исполнителями и двумя пособниками этого преступления. В то же время судом было определено два исполнителя преднамеренного банкротства с двумя пособниками этого же преступления. Однако совершение преднамеренного банкротства

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» (п. 9.1).

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (п. 8).

¹¹ URL: <https://clck.ru/3Er8bU> (дата обращения: 16.11.2024).

¹² URL: <https://clck.ru/3ErAAF> (дата обращения: 16.11.2024).

Таблица

Дифференциация уголовной ответственности за совершение преднамеренного банкротства

Table

Differentiation of criminal liability for committing intentional bankruptcy

Ответственность	Основной состав (ч. 1 ст. 196 УК РФ)		Квалифицированный состав (ч. 2 ст. 196 УК РФ)	
Штраф	от двухсот тысяч до пятисот тысяч рублей		от трех миллионов до пяти миллионов рублей	
	в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет			
Принудительные работы	на срок до пяти лет			
Лишение свободы	на срок до шести лет		на срок до семи лет	
	со штрафом:	до двухсот тысяч рублей	со штрафом:	до пяти миллионов рублей
		в размере зарботной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев		в размере зарботной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет
	без штрафа		без штрафа	
	—		с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет	
			без лишения занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью	

с квалифицирующими признаками организованной группы суд не установил. Это можно было бы сделать только в случае совершения преступления после 2021 года, когда появился соответствующий квалифицированный состав преднамеренного банкротства. Иными словами, сейчас данное преступление можно было бы квалифицировать по п. «б» ч. 2 ст. 196 УК РФ.

Основываясь на анализе квалифицирующих признаков преднамеренного банкротства, введенных в 2021 году, сделаем еще несколько выводов.

Во-первых, законодатель указал только две из четырех форм соучастия – группу лиц по предварительному сговору и организованную группу. В данном случае такой подход представляется обоснованным, т. к. преднамеренное банкротство по своей сути является длящимся преступлением. Соучастники планируют совместно преступление и реализуют его в течение продолжительного времени, и, следовательно, критерий «предваритель-

ный сговор», безусловно, наличествует. Форма соучастия «группа лиц», не предполагающая предварительного сговора, здесь, очевидно, не подходит. Поскольку преступления в сфере экономической деятельности зачастую свойственны корыстные мотив и цель, умысел при совершении этих преступлений является всегда заранее обдуманным. Замышляя корыстное преступление, лицо ищет оптимальные варианты достижения поставленной цели, что нередко приводит к мысли об объединении его усилий с усилиями других лиц. Многие преступления в сфере экономической деятельности невозможно совершить в одиночку.

Преступное сообщество как форма соучастия не характерно для преднамеренного банкротства и обоснованно не введено в качестве признака в ст. 196 УК РФ, т. к. предполагает структурированность организованной группы, единство руководства, направленность на совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступле-

ний для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды (ч. 4 ст. 35 УК РФ). Анализ судебной практики не выявил примеров преднамеренного банкротства при участии преступного сообщества.

Если такая форма соучастия, как преступное сообщество, будет установлена, то суд теперь обязан использовать этот признак в качестве квалифицирующего признака по п. «б» ч. 2 ст. 196 УК РФ. До изменений в УК РФ в 2021 году он мог сделать это, только учитывая отягчающее обстоятельство (ст. 63 УК РФ). Однако в качестве правоприменительной особенности заметим, что на практике потенциально не исключена ситуация, когда, установив соучастие в форме преступного сообщества, суд будет вынужден квалифицировать его как организованную группу и привлекать подсудимых к уголовной ответственности по п. «б» ч. 2 ст. 196 УК РФ.

Во-вторых, законодатель, установив в одном квалифицированном составе уголовную ответственность за совершение преднамеренного банкротства в группе лиц по предварительному сговору и в организованной группе, фактически уравнивал по своей общественной опасности эти формы соучастия. Здесь полагаем возможным согласиться с Т. В. Досюковой, считающей такой подход недостатком уголовного законодательства [10, с. 19]. Организованная группа по своей природе является более опасной формой соучастия, предполагающей устойчивость группы лиц, заранее объединившихся для совершения преступления (ч. 3 ст. 35 УК РФ). Данный недостаток усугубляется следующим положением.

В-третьих, законодатель, установив уголовную ответственность за совершение преднамеренного банкротства в соучастии, не изменил категорию преступления, оставив его в разряде тяжких. Это видно из вышеприведенной таблицы.

В связи с этим в рассматриваемой ситуации в условиях отнесения основного и квалифицированного составов преднамеренного банкротства к категории преступлений одной степени тяжести, к сожалению, не имеют практического значения правовые нормы: об освобождении от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности (ст. 78 УК РФ); об освобождении от отбывания наказания, если обвинительный приговор суда не был приведен в исполнение в определенные сроки со дня вступления его в законную силу (ст. 83 УК РФ); о сроках погашения судимости (ст. 86 УК РФ), а также о возможности отбытия наказания в виде лишения свободы в исправительных колониях общего либо строгого режима (ст. 74 Уголовно-исполнительного кодекса РФ). Иное было бы возможно, если бы законодатель отнес соучастие в форме организованной группы, например, к категории особо тяжких преступлений.

Однако представляется, что у судов остается достаточно много возможностей дифференцировать ответственность в зависимости от формы соучастия: размерами штрафа в качестве основного вида наказания; применением или неприменением штрафа в качестве дополнительного вида наказания к лишению свободы, лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без применения этого лишения в качестве дополнительного вида наказания к лишению свободы и т. п.

Библиографический список

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: 4 т. Москва: Рус. яз., 1999. Т. 4: Р–V. URL: <https://www.prlib.ru/item/797767>.
2. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Большая Российская энциклопедия; Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1628 с.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 80000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва: Азбуковник, 1997. 938 с. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov>.
4. Субачев А. К. Субъекты криминального банкротства: оценка законодательных новелл и прогноз их правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 1 (146). С. 99–114. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.146.1.099-114>.
5. Бычков В. В., Бражников Д. А. О концепции отягчающего обстоятельства «совершение преступления с использованием своего служебного положения» // Российский следователь. 2019. № 3. С. 37–41. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37158341>. EDN: <https://elibrary.ru/zanfrt>.
6. Шведов А. А. Субсидиарная ответственность руководителя должника как способ защиты прав кредиторов // Судья. 2018. № 4. С. 36–41.
7. Горбашев И. В. О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях ВС РФ // Вестник гражданского права. 2018. Т. 18, № 4. С. 154–202. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35746205>. EDN: <https://elibrary.ru/vborag>.
8. Суворова С. В. К вопросу об определении контролирующих лиц должника // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 1. С. 37–40. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2022-1-37-40>. EDN: <https://elibrary.ru/tomcuz>.
9. Ображиев К. В. Институт соучастия в преступлении: современные тенденции развития // Российский следователь. 2024. № 1. С. 39–42. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2024-1-39-42>.
10. Досюкова Т. В. Уголовно-правовые особенности форм соучастия в преступлениях в сфере экономической деятельности // Современное право. 2005. № 3. С. 68–73.

References

1. Dal V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols]. Moscow: Rus. yaz., 1999, vol. 4: R–V. Available at: <https://www.prilib.ru/item/797767> [in Russian].
2. *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'.* Gl. red. A.M. Prokhorov. 2-e izd., pererab. i dop. [Prokhorov A.M. (ed.) Large encyclopedic dictionary. 2nd edition, revised and enlarged]. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya; Saint Petersburg: Norint, 1998, 1628 p. [in Russian].
3. Ozhegov S. I. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. 80000 slov i frazeol. Vyrazhenii.* S. I. Ozhegov i N. Yu. Shvedova; Ros. akad. nauk, In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova. 4-e izd., dop. [Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. 80 000 words and phraseological expressions. 4th edition, enlarged]. Moscow: Azbukovnik, 1997, 938 p. Available at: <https://gufo.me/dict/ozhegov> [in Russian].
4. Subachev A. K. *Sub'ekty kriminal'nogo bankrotstva: otsenka zakonodatel'nykh novell i prognoz ikh pravoprimeneniya* [Subjects of Criminal Bankruptcy: Assessment of Legislative Novelties and Perspectives of their Enforcement]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2023, vol. 18, no. 1 (146), pp. 99–114. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.146.1.099-114> [in Russian].
5. Bychkov V. V., Brazhnikov D. A. *O kontseptsii otyagchayushchego obstoyatel'stva «sovershenie prestupleniya s ispol'zovaniem svoego sluzhebного polozeniya»* [On the concept of the aggravating circumstance «committing a crime exercising the powers vested by virtue of one's office»]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2019, no. 3, pp. 37–41. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37158341>. EDN: <https://elibrary.ru/zanfir> [in Russian].
6. Shvedov A. A. *Subsidiarnaya otvetstvennost' rukovoditelya dolzhnika kak sposob zashchity prav kreditorov* [Vicarious liability of the debtor's manager as a way to protect the rights of creditors]. *Sud'ya* [Judge], 2018, no. 4, pp. 36–41 [in Russian].
7. Gorbachev I. V. *O nekotorykh material'no-pravovykh aspektakh privilecheniya k subsidiarnoi otvetstvennosti v raz'yasneniyakh VS RF* [On some legal material issues in the ruling of the Supreme Court of the Russian Federation regarding the invocation for subsidiary liability]. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Civil Law Review], 2018, vol. 18, no. 4, pp. 154–202. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35746205>. EDN: <https://elibrary.ru/vborag> [in Russian].
8. Suvorova S. V. *K voprosu ob opredelenii kontroliruyushchikh lits dolzhnika* [On the determination of persons controlling a debtor]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess* [Arbitrazh and Civil Procedure], 2022, no. 1, pp. 37–40. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2022-1-37-40>. EDN: <https://elibrary.ru/tomcuz> [in Russian].
9. Obrazhiev K. V. *Institut souchastiya v prestuplenii: sovremennye tendentsii razvitiya* [Institute of complicity in crime: modern development trends]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2024, no. 1, pp. 39–42. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2024-1-39-42> [in Russian].
10. Dosyukova T. V. *Ugolovno-pravovye osobennosti form souchastiya v prestupleniyakh v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti* [Criminal legal features of forms of complicity in crimes in the sphere of economic activity]. *Sovremennoe pravo* [The Modern Law], 2005, no. 3, pp. 68–73 [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2025-11-1-67-72



НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.7

Дата поступления: 12.01.2025
рецензирования: 18.02.2025
принятия: 05.03.2025

Альтернативные составы мошенничества: проблемы и решения

А. И. Ситникова

Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
E-mail: orcrimpravo@yandex.ru

Аннотация: Об актуальности темы исследования свидетельствует стремление законодателя ввести в Уголовный кодекс РФ новые виды мошенничества в разных сферах социально-экономической деятельности и тем самым оградить интересы граждан от мошеннических посягательств. В качестве методологической основы исследования использован диалектический метод в совокупности с инструментальными методами познания. В результате автор приходит к ряду выводов: предпосылками введения в УК РФ новых видов мошенничества является стремление законодателя расширить ответственность мошенников за счет закрепления в уголовном законе новых сфер защиты; для формулирования оптимальных по объему и содержанию уголовно-правовых предписаний необходимо ввести к ст. 159 УК РФ дефинитивное примечание бланкетного характера о едином предмете посягательства для всех видов мошенничества; научный потенциал ученых-криминалистов следует направить не на «голую критику» целесообразности включения новых видов мошенничества в уголовный закон, а на обоснование предложений по совершенствованию уголовно-правовых предписаний об ответственности за мошенничество в разных сферах деятельности.

Ключевые слова: видовые составы мошенничества; составообразующие признаки мошенничества; новые сферы защиты.

Цитирование. Ситникова А. И. Новые составы мошенничества: проблемы и решения // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2025. Т. 11, № 1. С. 67–72. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-1-67-72>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Ситникова А. И., 2025

Александра Ивановна Ситникова – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, Юго-Западный государственный университет, 305040, Российская Федерация, г. Курск, улица 50 лет Октября, 94.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 12.01.2025
Revised: 18.02.2025
Accepted: 05.03.2025

Alternative compositions of fraud: problems and solutions

A. I. Sitnikova

Southwest State University, Kursk, Russian Federation
E-mail: orcrimpravo@yandex.ru

Abstract: The relevance of the research topic is evidenced by the desire of the legislator to introduce new types of fraud in various spheres of socio-economic activity into the Criminal Code of the Russian Federation and thereby protect the interests of citizens from fraudulent encroachments. The dialectical method in combination with instrumental methods of cognition was used as a methodological basis for the study. As a result, the author comes to a number of conclusions: the prerequisites for introducing new types of fraud into the Criminal Code of the Russian Federation is the desire of the legislator to expand the liability of fraudsters by enshrining new areas of protection in the criminal law; in order to formulate criminal law provisions that are optimal in volume and content, it is necessary to introduce a blanket definitional note to Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation on a single subject of offense for all types of fraud; the scientific potential of forensic scientists should be directed not at “bare criticism” of the advisability of including new types of fraud in the criminal law, but at substantiating proposals for improving criminal law provisions on liability for fraud in various areas of activity.

Key words: types of fraud; elements that form the basis of fraud; new areas of protection.

Citation. Sitnikova A. I. *Novye sostavy moshennichestva: problemy i resheniya* [New elements of fraud: problems and solutions]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2025, vol. 11, no. 1, pp. 67–72. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-1-67-72> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Sitnikova A. I., 2025

Alexandra I. Sitnikova – Doctor of Laws, associate professor, professor of the Department of Criminal Law, Southwest State University, 94, 50 Let Oktyabrya Street, Kursk, 305040, Russian Federation.

В уголовно-правовое предписание, сформулированное в статье 159 УК РФ, включены признаки мошенничества, известные по статье 141 УК РСФСР: предмет и альтернативные способы завладения чужим имуществом или правом на имущество. Однако традиционная формула мошенничества перестала адекватно отражать политические, экономические и социальные изменения современного общества, и законодатель ввел в действующий Уголовный кодекс ряд статей, направленных против мошеннических действий в различных сферах деятельности.

Предпосылками нововведений в виде оригинальных уголовно-правовых статей (159.1–159.6 УК) является стремление законодателя расширить ответственность за совершение мошеннических действий за счет закрепления в УК РФ новых сфер защиты, в том числе в сферах кредитования, страхования, получения социальных выплат, использования электронных средств платежа и компьютерной информации. Появление преступных схем в указанных сферах деятельности свидетельствовало об отставании уголовного закона в сфере привлечения к ответственности виновных за новые виды мошенничества.

Политической предпосылкой введения в Уголовный кодекс новых видов мошенничества явилось предложение Президента Российской Федерации В. В. Путина о необходимости уточнения признаков мошеннических действий и внесения ряда изменений и дополнений в действующее уголовное законодательство страны [1]. В продолжение поднятой проблемы Верховный Суд РФ выступил с инициативой о введении в уголовное законодательство новых видов мошенничества в зависимости от сферы совершения мошеннических деяний. Предложение Президента об усилении противодействия мошенническим действиям и последующая инициатива Верховного Суда РФ вполне логично завершились принятием Федерального закона от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и отдельные законодательные акты РФ». Соответственно, в уголовный закон были введены ст. 159¹–159⁶ УК РФ, а также внесены изменения в санкции ч. 3, 4 ст. 159 УК РФ. При этом разработчики статей о новых видах мошенничества в приложении к проекту Федерального закона обосновали потребность их введения в Уголовный кодекс РФ необходимостью максимального исключения ошибок, возникающих при возбуждении уголовных дел, а также в целях повышения результативности правоохранительных органов при выявлении, расследовании фактов мошенничества в различных сферах деятельности и точной квалификации преступных действий [2].

Однако на этом реформирование законодательных новелл о мошенничестве не закончилось: в 2016 г. введены ч. 5, 6, 7 ст. 159 УК РФ, примечания к ст. 159 УК РФ (№ 323-ФЗ от 3 июля 2016 г.); пересмотрены санкции целого ряда уголовно-правовых предписаний, ранее указанные в ч. 3

ст. 159¹, ч. 3 ст. 159², ч. 2, 3 ст. 159³ УК РФ, ч. 2, 3 ст. 159⁵, ч. 2 ст. 159⁶ УК РФ; дважды подвергнуто редакционным правкам примечание к ст. 159¹ УК РФ; признана утратившей силу ст. 159⁴ УК РФ. Однако указанными законодательными нововведениями не были разрешены проблемы обязательного привлечения мошенников к ответственности и назначения им справедливых мер наказания. В этой связи нормотворец в 2018 г. предпринял очередной шаг по реформированию предписаний об ответственности за совершение мошеннических действий. В результате в уголовный закон были внесены следующие изменения: Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ более точно озаглавил ст. 159³ УК РФ, внес существенные редакционные изменения в ч. 1 ст. 159³ УК РФ, а также изменил санкции ч. 1 ст. 159³, ч. 3 ст. 159⁶ УК РФ.

В уголовно-правовой доктрине учеными-криминалистами в течение нескольких десятилетий создавалась почва для обоснования необходимости включения в Уголовный кодекс новых составов мошенничества. В начале 2000-х годов защищены несколько кандидатских диссертаций, опубликованы монографии и статьи о финансовом мошенничестве [3, с. 72–73], коммерческом мошенничестве [4], об ответственности за неправомерное использование средств компьютерной информации [5, с. 3], о разработке норм об ответственности за мошенничество в банковской сфере и о введении в уголовное законодательство новелл об ответственности за мошеннические действия в сфере страхования [6], а также в системе безналичных расчетов [7]. Таким образом, доктринальные исследования и разработка новых составов мошенничества способствовали закреплению соответствующих норм в уголовном законодательстве.

В последнее время новые составы мошенничества подвергаются жесткой критике с позиции необходимости их существования в уголовном законодательстве. По мнению Д. Ю. Фисенко, требуется исключить специальные виды мошенничества из действующего Уголовного кодекса РФ, так как включение в законодательство новых видов мошенничества не повлекло за собой положительных результатов, а лишь породило трудноразрешимые проблемы квалификации мошеннических действий, признаки которых указаны в ст. 159¹–159⁶ УК РФ [8].

А. В. Архипов, в свою очередь, достаточно справедливо отмечает, что «у судей нет единства в понимании предмета, объекта, способа совершения мошенничества, определенные трудности вызывает процесс установления субъекта преступления» [9, с. 54].

По словам О. В. Ермаковой, деятельность сотрудников правоохранительных органов, связанная с применением норм о специальном мошенничестве на практике, недостаточно обеспечена теоретическими разработками и действенными рекомендациями со стороны современной уголовно-правовой доктрины, что свидетельствует о наличии концептуальных пробелов в теории уголовного права, призванной повысить результатив-

ность противодействия преступности мошенников [10].

Наша позиция такова: потенциал научных кадров уголовно-правовой доктрины следует направить не на «голую критику» целесообразности включения новых составов мошенничества в УК РФ, а на обоснованные предложения о внесении изменений в объективные признаки новых составов мошенничества, выработке интегрирующего описания предмета мошенничества с учетом гражданского законодательства, разработке алгоритма квалификации мошеннических действий для отграничения их от смежных составов преступлений.

Предметом классического мошенничества (ч. 1 ст. 159 УК) традиционно выступают две предметные разновидности: чужое имущество в широком смысле и право на чужое имущество. Соответственно, под чужим имуществом понимаются движимые вещи (деньги, ценные бумаги), а также недвижимые вещи, то есть имущество, перемещение которого без причинения ущерба невозможно, за исключением бесхозного имущества, предметов, изъятых из гражданского оборота, криптовалюты, биткоинов и цифрового товара. Право на имущество включает в себя такие правомочия, как владение, пользование и распоряжением имуществом, закрепленные в законе.

В новых составах в качестве предмета мошеннических действий законодатель указал достаточно близкие виды имущественных проявлений: во-первых, денежные средства (ст. 159¹ УК), во-вторых, денежные средства или иное имущество (ст. 159² УК), в-третьих, чужое имущество (ст. 159⁵ УК), в-четвертых, чужое имущество или право на чужое имущество (ст. 159⁶ УК). Особо стоит отметить отсутствие предмета мошенничества и других объективных признаков в ст. 159³ УК РФ.

Перечисленные предметы мошенничества на основании гражданско-правовых предписаний являются объектами гражданского права, и в этой связи, на наш взгляд, приемлемой можно считать объективацию в форме закрепления в примечании к ст. 159 УК РФ определения понятия предмета мошенничества, в качестве которого выступает единый предмет, характерный для всех видов мошенничества. Таким предметом, по сути, являются объекты гражданского права, разумеется, за исключением интеллектуальной собственности и нематериальных благ.

Предлагаемое примечание к ст. 159 УК РФ может иметь вид дефиниции, являющейся указательным определением:

Примечание: Предметом мошенничества являются объекты гражданского права, указанные в ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации, за исключением интеллектуальной собственности и нематериальных благ.

Сформулированное примечание имеет бланкетный характер, поскольку адресаты нормы получают дополнительную информацию из гражданского законодательства, дающую некоторое представле-

ние о дефинируемом понятии. Введение в текст статей о мошенничестве интегрированного предмета посягательства – объектов гражданского права – позволит сформулировать оптимальные по объему и содержанию уголовно-правовые предписания, позволяющие обеспечить экономию законодательного материала и включить в нормативный текст все признаки преступного посягательства. Помимо этого, введение единого предмета преступления для всех видов мошенничества исключит доктринальную полемику о соотношении таких разных по значению, но одинаковых по смыслу понятий, обозначающих предмет мошенничества, как «чужое имущество» (ст. 159⁵, 159⁶ УК) и «иное имущество» (ст. 159² УК).

По конструкции внешней стороны преступления мошенничество представляет собой преступление с материальным составом. Последний включает в себя четыре материальных признака, такие как преступное деяние, способ его совершения, преступный результат и причинная связь между совершенными действиями и наступившими последствиями. Считается общепризнанным, что мошенничество совершается за счет активных действий. Вместе с тем при незаконном получении выплат (ст. 159² УК) законодатель предусмотрел возможность осуществления мошенничества в форме бездействия, в качестве которого выступает противоправное умолчание об основаниях, необходимых для получения социальных выплат. До введения указанной статьи правоприменитель в таких случаях отказывал в возбуждении уголовных дел, о чем свидетельствуют соответствующие отказные постановления, например в случае непредоставления в Пенсионный фонд сведений об умершей родственнице [11], отсутствия сообщения об изменении социального статуса гражданина [12], отсутствия доказанности предоставления ложных сведений [13].

В результате совершения мошеннических действий причиненный ущерб является материальным. По размеру причиненного ущерба мошеннические действия можно классифицировать на несколько видов: административно наказуемое (ущерб до 1000 руб.), уголовно наказуемое с административной преюдицией (ущерб в размере от 1000 до 2500 руб.) и уголовно наказуемое, причинившее ущерб в значительном, крупном или особо крупном размере.

Важным дискуссионным признаком объективной стороны выступает составообразующий признак мошенничества – способ его совершения. Существуют разные взгляды на способ осуществления мошеннических действий. Одни ученые воспринимают способ мошенничества как объективное выражение преступного деяния [14, с. 6], другие подразумевают под способом приемы и методы воздействия на предмет преступления [15, с. 64]. Взгляды третьей группы ученых формируют представление о способе мошенничества как средстве или условии незаконного получения имущества [16].

В традиционной формуле мошенничества (ч. 1 ст. 159 УК) законодатель закрепил два альтернативных способа мошенничества: обман и злоупотребление доверием. В этой связи в теории существуют два подхода к способам мошеннического завладения имуществом. Одни авторы утверждают, что мошенничество осуществляется только одним способом, то есть путем обмана [17, с. 3]. Другие авторы категорически считают, что единственным способом совершения мошенничества является злоупотребление доверием, и предлагают сформулировать состав мошеннического хищения, способом совершения которого является только злоупотребление доверием [18, с. 278]. Ряд ученых трактуют злоупотребление доверием как частный случай обмана [19, с. 10].

К способам мошенничества в большинстве новых составов законодатель относит только обман, в том числе в сфере кредитования фигурирует обман в виде предоставления ложных и (или) недостоверных сведений, в сфере предоставления социальных выплат указан обман нескольких видов, в сфере страхования обозначены два вида обмана, в сфере компьютерной информации обозначен ряд способов, направленных на похищение чужих денежных средств. Наличие обманных способов совершения мошеннических действий в новых составах мошенничества показывает, что такая форма хищения, как мошенничество, совершается лишь путем обмана, то есть за счет способа, направленного на формирование ложного представления о действиях виновного и введения потерпевших в заблуждение.

На наш взгляд, стоит согласиться с позицией А. А. Южина и поддержать его предложение исключить из диспозиции ч. 1 ст. 159 УК РФ такой способ совершения мошеннических действий, как злоупотребление доверием, поскольку подобные действия совершаются обманным путем, а злоупотребление доверием в ряде случаев предшествует обману и является условием, способствующим совершению обмана. Необходимость модернизации формулы мошенничества подтверждает правоприменительная практика, поскольку в приговорах отсутствует дифференциация способов мошенничества и при квалификации одновременно учитываются обман и злоупотребление доверием.

Пример из судебной практики, подтверждающий отождествление правоприменителем обмана и злоупотребления доверием при вынесении при-

говоров за мошенничество: *Красногвардейским судом г. Санкт-Петербурга В. осужден за совершение мошенничества в крупном размере в составе группы лиц по предварительному сговору. В соответствии с разработанным преступным планом В. приискал копию паспорта на имя Д., не осведомленного о преступном намерении мошенников, вступивших в сговор. Соучастники заполнили от имени Д. анкету-заявку на открытие лимита кредитования, внесли заведомо ложные сведения и выполнили поддельную подпись. После подписания договора сотрудники банка перечислили денежные средства на выпущенную банковскую карту с ПИН-кодом. В результате совершения мошеннических действий участники преступной группы получили возможность незаконно распоряжаться по своему усмотрению похищенными денежными средствами* [20].

Обращает на себя внимание, что в текстах приговоров судов союз «и» свидетельствует об отождествлении способов совершения мошенничества, а не о признании их альтернативными способами, закрепленными в законе с помощью союза «или». Об этом свидетельствует проведенное С. А. Петровым исследование около двухсот приговоров по уголовным делам за мошенничество. Согласно данному исследованию, в 375 случаях правоприменитель одновременно указывал, что мошеннические действия совершены путем обмана и злоупотребления доверием [21].

В заключение необходимо отметить, что мотивация разработчиков новых составов мошенничества была направлена на устранение ошибок при возбуждении уголовных дел, расследовании мошеннических действий в разных сферах деятельности и осуществлении точной квалификации преступных посягательств. В уголовно-правовой доктрине новые виды мошенничества подвергнуты острой критике с предложением исключить из уголовного закона ст. 159¹–159⁶ УК РФ, поскольку нововведения породили серьезные проблемы квалификации мошеннических действий. Настоящее исследование показывает, что ученым-криминалистам следует направить свой творческий потенциал на разработку обоснованных теоретических положений, которые обеспечат правоприменителей предложениями и рекомендациями, способствующими реализации уголовно-правовых предписаний, сформулированных в ст. 159¹–159⁶ УК РФ.

Библиографический список

1. Kremlin.ru. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignment/sexecution/16923>.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации: пояснительная записка к проекту федерального закона. Доступ из CGC «КонсультантПлюс». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/532911-8?ysclid=m7u9tas5jn738290124#bh_histtras (дата обращения: 05.11.2024).
3. Багаутдинов Ф. Н., Хафизова Л. С. Финансовое мошенничество (уголовно-правовой и криминологический аспекты противодействия). Москва: Юрлитинформ, 2008. 272 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19766711>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qqokzd>.
4. Ценова Т. Л. Понятие, состав и виды коммерческого мошенничества // Российский судья. 2004. № 4. С. 27–31.

5. Хмелева М. Ю. Уголовная ответственность за мошенничество: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2000. 18 с. URL: <https://crimeautoref.ru/wp-content/uploads/2022/05/Автореф-Уголовная-ответственность-за-мошенничество.pdf>.
6. Сунчалиева Л. Э. Мошенничество: уголовно-правовой и криминологический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. 187 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002731895.
7. Осокин Р. Б. Уголовно-правовая характеристика способов совершения мошенничества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. 184 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002632815.pdf?ysclid=m7uap45ggm322999243.
8. Фисенко Д. Ю. Специальные виды мошенничества (ст. 159¹-159⁶ УК): проблемы и перспективы // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 11 мая 2018. Омск: Омская юридическая академия, 2018. С. 136–141. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36538242>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yprqzffz>.
9. Архипов А. В. Актуальные вопросы применения норм Уголовного кодекса Российской Федерации об ответственности за специальные виды мошенничества // Судья. 2016. № 11 (71). С. 54–59. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34996509>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uqcbxa>.
10. Ермакова О. В. Специальные виды мошенничества (ст. 159¹-159⁶ УК): некоторые вопросы квалификации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2014. № 3 (35). С. 134–136. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21563232>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sdwost>.
11. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 27 августа 2011 г. URL.: <http://yandex.ru/images/searchimg> (дата обращения: 08.11.2024).
12. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 27 февраля 2011 г. URL.: <http://yandex.ru/images/searchimg> (дата обращения: 08.11.2024).
13. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 14 ноября 2011 г. URL.: <http://yandex.ru/images/searchimg> (дата обращения: 08.11.2024).
14. Тимейко Г. В. Общее учение об объективной стороне преступления. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1977. 216 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005491856/.
15. Шиловский С. В. Способ совершения преступления как признак уголовно наказуемого деяния и дифференцирующее средство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Архангельск, 2014. 27 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01007834682.pdf?ysclid=m7uclymav9455229751.
16. Назаренко Г. В. Преступления против собственности: научно-практическое пособие. Москва: Юрлитинформ, 2020. 168 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43868857>. EDN: <https://www.elibrary.ru/hqfyhw>.
17. Красиков А. А. Приобретение права на чужое имущество и хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 26 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01006582187.pdf?ysclid=m7uctoinlt364098263.
18. Безверхов А. Г. Имущественные преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ижевск, 2002. 42 с. URL: <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/viewer?file=30967;737126.pdf&sequence=-1&isAllowed=y>.
19. Южин А. А. Мошенничество и его виды в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2015. 238 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/moshennichestvo-i-ego-vidy-v-rossiiskom-ugolovnom-prave?ysclid=m7ud4moxqx521872532>.
20. Приговор Красногвардейского районного суда г. Санкт-Петербурга № 1-592/2017. URL: <https://actofact.ru/case-78RS0008-1-592-2017-2017-06-06-2-0/?ysclid=m7ud5n2o9n674885579>.
21. Петров С. А. Доверие как условие совершения мошенничества // Уголовное право. 2015. № 4. С. 52–56.

References

1. Kremlin.ru. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignment/sexecution/16923> [in Russian].
2. *O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i inye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii. Elektronnyi resurs: poyasnitel'naya zapiska k proektu Federal'nogo zakona* [On Amendments Being Made to the Criminal Code of the Russian Federation and Other Legislative Acts of the Russian Federation. Electronic resource: explanatory note to the draft of the Federal Law]. Retrieved from legal reference system “ConsultantPlus” (accessed – November 5, 2024). Available at: https://sozd.duma.gov.ru/bill/532911-8?ysclid=m7u9tas5jn738290124#bh_histras [in Russian].
3. Bagautdinov F. N., Khafizova L. S. *Finansovoe moshennichestvo (ugolovno-pravovoi i kriminologicheskii aspekty protivodeistviya)* [Financial fraud (criminal-legal and criminological aspects of counteraction)]. Moscow: Yurлитинформ, 2008, 272 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19766711>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qqokzd> [in Russian].
4. Tsenova T. L. *Ponyatie, sostav i vidy kommercheskogo moshennichestva* [The concept, composition and types of commercial fraud]. *Rossiiskii sud'ya* [Russian Judge], 2004, no. 4, pp. 27–31 [in Russian].

5. Khmeleva M. Yu. *Ugolovnaya otvetstvennost' za moshennichestvo: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal liability for fraud: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Omsk, 2000, 18 p. Available at: <https://crimeautoref.ru/wp-content/uploads/2022/05/Аutoreф-Уголовная-ответственность-за-мошенничество.pdf> [in Russian].
6. Sunchalieva L. E. *Moshennichestvo: уголовно-правовой и криминологический аспект: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Fraud: criminal-legal and criminological aspect: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Stavropol, 2004, 187 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002731895 [in Russian].
7. Osokin R. B. *Ugolovno-pravovaya kharakteristika sposobov soversheniya moshennichestva: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal-legal characteristics of methods of committing fraud: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2004, 184 p. Available at: https://new-dissers.ru/_avtoreferats/01002632815.pdf?ysclid=m7uap45ggm322999243 [in Russian].
8. Fisenko D. Yu. *Spetsial'nye vidy moshennichestva (st. 159¹–159⁶ UK): problemy i perspektivy* [Special types of fraud (Articles 159¹–159⁶ of the Criminal Code): problems and prospects]. In: *Aktual'nye problemy ugolovnoi i ugolovno-protsessual'noi politiki Rossiiskoi Federatsii: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, 11 maya 2018* [Current issues of criminal and criminal procedural policy of the Russian Federation: materials of the All-Russian research and practical conference with international participation, May 11, 2018]. Omsk: Omskaya yuridicheskaya akademiya, 2018, pp. 136–141. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36538242>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ypqzfz> [in Russian].
9. Arkhipov A. V. *Aktual'nye voprosy primeneniya norm Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii ob otvetstvennosti za spetsial'nye vidy moshennichestva* [Current issues of application of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation on liability for special types of fraud]. *Sud'ya*, 2016, no. 11 (71), pp. 54–59. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34996509>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uqcbxa> [in Russian].
10. Ermakova O. V. *Spetsial'nye vidy moshennichestva (st. 159¹–159⁶ UK): nekotorye voprosy kvalifikatsii* [Special types of fraud (Art. 159¹–159⁶ of the Criminal Code of the Russian Federation): review of the innovative legislation]. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 2014, no. 3 (35), pp. 134–136. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21563232>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sdwost> [in Russian].
11. *Postanovlenie ob otkaze v возбуждении уголовного дела от 27 avgusta 2011 g.* [Resolution on refusal to initiate criminal proceedings dated August 27, 2011]. Available at: <http://yandex.ru/images/searchimg> (accessed 08.11.2024) [in Russian].
12. *Postanovlenie ob otkaze v возбуждении уголовного дела от 27 fevralya 2011 g.* [Resolution on refusal to initiate criminal proceedings dated February 27, 2011]. Available at: <http://yandex.ru/images/searchimg> (accessed 08.11.2024) [in Russian].
13. *Postanovlenie ob otkaze v возбуждении уголовного дела от 14 noyabrya 2011 g.* [Resolution on refusal to initiate criminal proceedings dated November 14, 2011]. Available at: <http://yandex.ru/images/searchimg> (accessed 08.11.2024) [in Russian].
14. Timeiko G. V. *Obshchee uchenie ob ob"ektivnoi storone prestupleniya* [General doctrine on the objective side of the crime]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rostovskogo un-ta, 1977, 216 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005491856/ [in Russian].
15. Shilovsky S. V. *Sposob soversheniya prestupleniya kak priznak ugolovno nakazuemogo deyaniya i differentsiruyushchee sredstvo: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Method of committing a crime as a sign of a criminal act and a differentiating means: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Arkhangelsk, 2014, 27 p. Available at: https://new-dissers.ru/_avtoreferats/01007834682.pdf?ysclid=m7uclymav9455229751 [in Russian].
16. Nazarenko G. V. *Prestupleniya protiv sobstvennosti: nauchno-prakticheskoe posobie* [Crimes against property: research and practical textbook]. Moscow: Yurlitinform, 2020, 168 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43868857>. EDN: <https://www.elibrary.ru/hqfyhw> [in Russian].
17. Krasikov A. A. *Priobretenie prava na chuzhoe imushchestvo i khishchenie chuzhogo imushchestva putem obmana ili zloupotrebleniya doveriem: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Acquisition of the right to someone else's property and theft of someone else's property by deception or abuse of trust: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Yekaterinburg, 2013, 26 p. Available at: https://new-dissers.ru/_avtoreferats/01006582187.pdf?ysclid=m7uctoint364098263 [in Russian].
18. Bezverkhov A. G. *Imushchestvennye prestupleniya: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Property crimes: author's abstract of Doctoral of Laws thesis]. Izhevsk, 2002, 42 p. Available at: <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/viewer?file=30967;737126.pdf&sequence=-1&isAllowed=y> [in Russian].
19. Yuzhin A. A. *Moshennichestvo i ego vidy v rossiiskom ugolovnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk* [Fraud and its types in Russian criminal law: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2015, 238 p. Available at: <https://www.disserscat.com/content/moshennichestvo-i-ego-vidy-v-rossiiskom-ugolovnom-prave?ysclid=m7ud4moxqx521872532> [in Russian].
20. *Prigovor Krasnogvardeiskogo raionnogo suda g. Sankt-Peterburga №1-592/2017* [Sentence of the Krasnogvardeisky District Court of Saint Petersburg № 1-592/2017]. Available at: <https://actofact.ru/case-78RS0008-1-592-2017-2017-06-06-2-0/?ysclid=m7ud5n2o9n674885579> [in Russian].
21. Petrov S. A. *Doverie kak uslovie soversheniya moshennichestva* [Trust as a condition for committing fraud]. *Ugolovnoe pravo*, 2015, no. 4, pp. 52–56 [in Russian].

Трибуна Молодого Ученого TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

DOI: 10.18287/2542-047X-2025-11-1-73-80



НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341.48

Дата поступления: 12.12.2024
рецензирования: 15.01.2025
принятия: 05.03.2025

Об установлении экстерриториальной юрисдикции в отношении транснациональных наркопреступлений: международно-правовой анализ

И. Ю. Беляев

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: ivanbeliaef@yandex.ru

Аннотация: Увеличение степени наркотизации в нашей стране и мире в целом требует от Российской Федерации координации и усовершенствования мер, направленных на эффективное противодействие незаконному обороту наркотических средств и сходных с ними веществ. Интенсифицирующийся транснациональный характер преступности делает невозможной эффективную борьбу с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ без координации усилий заинтересованных государств на международном уровне. В статье рассматриваются подходы к установлению юрисдикции государства в отношении транснациональных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и сходных с ними веществ. С точки зрения международного права исследуются теоретико-прикладные подходы к определению юрисдикции. Автором рассматривается нормативный материал охранительных конвенций ООН в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ и международной практики правоприменения, а также анализируются два конфликтующих подхода стран континентального и общего права в отношении применения обязательства *aut dedere aut judicare* при установлении экстерриториальной юрисдикции.

Ключевые слова: международное право; международное уголовное право; соотношение международного и национального права; экстерриториальная юрисдикция; состав преступлений международного характера; транснациональные преступления; преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и сходных с ними веществ; международные наркопреступления.

Цитирование. Беляев И. Ю. Об установлении экстерриториальной юрисдикции в отношении транснациональных наркопреступлений: международно-правовой анализ // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2025. Т. 11, № 1. С. 73–80. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-1-73-80>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Беляев И. Ю., 2025

Иван Юрьевич Беляев – ассистент кафедры теории и истории государства и права и международного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 12.12.2024
Revised: 15.01.2025
Accepted: 05.03.2025

On the issue of establishing extraterritorial jurisdiction over transnational crimes in the sphere of illegal trafficking in narcotic drugs and similar substances: international and legal analysis

I. Yu. Belyaev

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: ivanbeliaef@yandex.ru

Abstract: The increasing level of drug addiction in the world community requires the Russian Federation to coordinate measures aimed at combating the illegal trafficking of narcotic drugs and similar substances. The intensifying transnational

nature of crime makes it impossible to effectively combat the illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances without coordinating the efforts of interested states at the international level. The article considers approaches to establishing state jurisdiction over transnational crimes related to the illegal trafficking of narcotic drugs and similar substances. Doctrinal approaches to determining jurisdiction are considered and an analysis of international practice of applying these approaches is provided. The author examines the normative material of the UN protective conventions in the field of combating illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances and the practice of law enforcement, and also analyzes two conflicting approaches of continental and common law countries regarding the application of the obligation *aut dedere aut judicare* when establishing extraterritorial jurisdiction.

Key words: international law; international criminal law; relationship between international and Russian law; international drug crimes; transnational crimes; elements of crimes of an international nature; crimes in the sphere of illegal trafficking of narcotic drugs and similar substances.

Citation. Belyaev I. Yu. *Ob ustanovlenii ekstrritorial'noi yurisdiksiy v otnoshenii transnatsional'nykh narkoprestuplenii: mezhdunarodno-pravovoi analiz* [On the issue of establishing extraterritorial jurisdiction over transnational crimes in the sphere of illegal trafficking in narcotic drugs and similar substances: international and legal analysis]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2025, vol. 11, no. 1, pp. 73–80. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-1-73-80> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Belyaev I. Yu., 2025

Ivan Yu. Belyaev – assistant lecturer at the Department of Theory and History of State and Law and International Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ продолжает оставаться одним из важнейших направлений международного сотрудничества. После нескольких лет относительной стабилизации количество новых психоактивных веществ на мировом рынке выросло в 2021 г. Из 618 запрещенных веществ, доступных на мировом рынке в 2021 г., 87 были впервые идентифицированы [1]. Цифровая революция привела к появлению новых способов продажи и покупки наркотических средств, значительно сокращая издержки поставки и увеличивая доступность. Распространение новых средств коммуникации, включая цифровые площадки для незаконной торговли наркотиками, мессенджеров и других программ, позволяющих осуществлять шифрованное взаимодействие, способствует появлению новых форм сбыта наркотических средств.

Растущий транснациональный характер преступности делает невозможной эффективную борьбу с незаконным оборотом наркотических средств без координации усилий заинтересованных государств на международном уровне [2, с. 50]. Важными вехами в международном противодействии трансграничной наркопреступности стали охранительные конвенции ООН, такие как Единая Конвенция 1961 г., Конвенция 1971 г. и Конвенция 1988 г. (далее – охранительные конвенции ООН).

Названные конвенции, помимо материально-правовых норм, определяющих сущностные характеристики уголовно наказуемых деяний в сфере незаконного оборота наркотических средств, содержат и процессуальные положения, регулирующие порядок уголовного преследования и наказания наркоторговцев. Одно из основных мест в данном контексте занимают положения охранительных конвенций ООН, устанавливающие основания определения юрисдикции в отношении лиц, подозреваемых в совершении наркопреступлений, а также порядок их экстрадиции. Необходимость закрепления таких норм в международных догово-

рах определяется трансграничным характером совершаемых преступлений в области незаконного оборота наркотических средств. Так, если финансирование приобретения наркотических средств было осуществлено в государстве А, сами наркотические средства были приобретены в государстве В, транспортировка производилась через государство С, а их покупка произошла в государстве D, то установление юрисдикции в отношении совершенных преступных деяний становится сложной задачей. Ее решение невозможно без предварительного согласования воли суверенных государств, на территории которых были совершены наркопреступления, в отношении правил определения их юрисдикции.

В международном праве под юрисдикцией понимается система принципов, определяющая компетенцию государств во взаимоотношениях друг с другом [3, с. 15]. Государство может определять сферу действия своего уголовного права, однако такое определение не должно нарушать права других государств. Другими словами, «юрисдикция, которая в принципе принадлежит только государству, ограничивается нормами международного права» [4, с. 24].

Ш. Бассиоуни выделяет следующие основные принципы определения юрисдикции в международном праве, когда преступлением затронуты интересы более чем одного государства:

- территориальный принцип, основанный на месте совершения преступления;
- принцип активного гражданства или национальности, основанный на национальности обвиняемого;
- принцип пассивного гражданства, основанный на национальности потерпевшего;
- принцип защиты, основанный на причинении вреда национальным интересам (и как таковой связанный с принципом пассивной правосубъектности);
- принцип универсальности, основанный на международном характере преступления [5, с. 364].

Территориальный принцип определения юрисдикции подразумевает, что суверенное государство обладает юрисдикцией в отношении всех деяний, совершенных на его территории. В ситуации совершения преступления на территории более чем одного государства строгий территориальный принцип установления юрисдикции может быть расширен за счет принципов субъективной и объективной территориальности.

Принцип субъективной территориальности позволяет государству устанавливать свою юрисдикцию в отношении трансграничного преступления, если хотя бы один из его элементов совершен на его территории. Тем самым государство получает возможность подвергать уголовному преследованию наркоторговцев, осуществляющих преступную деятельность экстерриториально, но совершивших один или более элементов преступления на территории данного государства.

Принцип объективной территориальности применяется в случаях, когда преступное деяние начинается осуществляться на территории одного государства, но его последствия имеют место на территории другого государства.

Принцип активного гражданства (национальности), как и принцип территориальности, основывается на государственном суверенитете и предусматривает защиту граждан государством даже за его пределами. Однако наряду с правом на государственную защиту гражданин имеет корреспондирующую обязанность повиноваться национальным законам, имеющим экстерриториальное действие. В этой связи принцип активного гражданства (национальности) наделяет государство полномочиями устанавливать юрисдикцию в отношении преступления, совершенного его гражданином как внутри страны, так и за ее пределами.

Принцип национальности при установлении юрисдикции в отношении трансграничных преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств позволяет обеспечить привлечение к уголовной ответственности виновных, которые могли бы ее избежать в случае отсутствия принципа. Так, в законодательстве большинства стран, особенно принадлежащих к континентальной правовой семье, содержится запрет на экстрадицию своих граждан для уголовного преследования в другие государства. В то же время, отказывая в экстрадиции, такие страны, как правило, сами осуществляют уголовное преследование лиц, подозреваемых в совершении преступлений на территории другого государства. При этом обязательным условием привлечения к уголовной ответственности является совершение деяний, признаваемых преступными как в государстве, где они были совершены, так и в государстве, устанавливающем юрисдикцию в соответствии с принципом национальности [6, с. 361].

Принцип пассивного гражданства предполагает осуществление экстратерриториальной юрисдикции государством в отношении подозреваемых в совершении наркопреступлений в случае, когда

потерпевшими являются граждане этого государства. Принцип пассивного гражданства дополняет принцип активного гражданства (национальности). Если принцип активного гражданства обеспечивает, что граждане данного государства, совершившие преступления за рубежом, будут привлечены к ответственности, то принцип пассивного гражданства гарантирует, что безопасность граждан этого государства за рубежом находится под его защитой.

Одним из самых дискуссионных вопросов в контексте рассматриваемой темы является возможность применения принципа универсальности при установлении юрисдикции по преступлениям, связанным с наркотическими средствами. Согласно правилу, сформулированному в деле «Лотуса» и получившему всеобщее признание, возможность осуществления юрисдикции за пределами территории государства не может являться презумпцией и реализуется только на основании обычая или конвенции [7, с. 18]. Тем самым государство не может осуществлять ни предписывающую, ни правоприменительную юрисдикцию в случае отсутствия существенной связи с соответствующими событиями, лицами или интересами.

А. Р. Каюмова отмечает: «Общим является мнение об отсутствии в случае принципа универсальности объективной связи между преступлением и государством юрисдикции, что позволяет выделить универсальную юрисдикцию в качестве самостоятельного вида юрисдикции» [8, с. 15].

Универсальная юрисдикция позволяет любому государству осуществлять юрисдикцию в отношении подозреваемого, независимо от того, где он был задержан, места совершения преступления или его национальности. В то же время возможность применения универсальной юрисдикции при расследовании преступлений, связанных с наркотическими средствами, в настоящее время отрицается большинством авторов. Основная причина заключается в международном статусе рассматриваемых преступлений, не являющихся преступлениями по международному обычному праву. Как отмечает Флэтчер, универсальная юрисдикция могла бы применяться к данным преступлениям, если бы наркоторговцы имели бы такой же статус, как и пираты, т. е. *hostis humanis generis* – враги всего человечества [9, с. 259]. Приобретение статуса преступлений по обычному международному праву позволит любому государству устанавливать юрисдикции в отношении участников незаконного оборота наркотических средств независимо от того, являются ли они участниками Конвенции 1988 г. или нет [10, с. 372].

В условиях многообразия подходов к возможному правовому регулированию вопросов установления и осуществления экстерриториальной юрисдикции в отношении преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств возникает вопрос о способах определения юрисдикции в охранительных конвенциях 1961, 1971 и 1988 гг.

Установление и осуществление предписывающей (материальной) и правоприменительной (процессуальной) юрисдикции государствами-участниками Единой конвенции 1961 г. осуществляется на основании ее статьи 36. Обращают на себя внимание различия в формулировках положений, определяющих соотношения норм рассматриваемой статьи и внутригосударственного права государств-участников. Так, в ст. 36(1)(а) указывается, что положения данного пункта применяются сторонами с соблюдением своих конституционных ограничений. Во вводном же параграфе к ст. 36(2) говорится не только о конституционных ограничениях, но и об ограничениях системы права и внутреннего закона.

В силу ст. 36(2)(а)(ii) будут признаваться наказуемыми деяниями, предусмотренными ст. 36(1)(а), также умышленное соучастие в каком-либо из таких преступлений, участие в сообществе с целью совершения и покушения на совершение какого-либо из таких преступлений, подготовительные действия и финансовые операции в связи с данными преступлениями.

Особенности действия обязательства *aut dedere aut judicare*, сформулированного в ст. 36(2)(а)(iv) Единой конвенции 1961 г., характеризуются следующими признаками. Во-первых, государство, на территории которого задержан подозреваемый, обязано подвергнуть его уголовному преследованию только в случае отказа в экстрадиции государству, где было совершено преступление. При этом в рассматриваемом положении не указывается основания отказа, что позволяет сделать заключение о возможности отказа в выдаче государством-участником по любому основанию. В то же время произвольный отказ в экстрадиции лиц, подозреваемых в совершении деяний, предусмотренных ст. 36(1)(а), был бы нарушением рассматриваемых положений Единой конвенции 1961 г. Так, в соответствии со ст. 36(2)(а)(iv) отказ в выдаче допустим, если только он противоречит внутреннему праву государства, к которому обращена соответствующая просьба. Во-вторых, рассматриваемое положение фактически отдает приоритет принципу национальности при установлении субсидиарной юрисдикции, поскольку наиболее распространенной причиной отказа в выдаче является конституционный запрет в экстрадиции своих граждан. В частности, согласно ст. 13 УК РФ, граждане Российской Федерации, совершившие преступление на территории иностранного государства, не подлежат выдаче этому государству. Другой причиной отказа может быть отсутствие договора об экстрадиции между запрашивающим и запрашиваемым государствами, в то время как внутреннее право последнего требует наличие такого договора.

Буквальное толкование положений ст. 36(2)(а)(iv) не позволяет распространить их действие на следующие случаи:

- если запрос об экстрадиции обращен к государству, не подписавшему Единую конвенцию 1961 г.;

- если запрашиваемое государство отказывает в экстрадиции, хотя такая экстрадиция соответствует нормам внутреннего права;

- если внутреннее право государства, на территории которого задержан подозреваемый – гражданин этого государства, запрещает экстрадицию своих граждан.

Однако исключение названных случаев из сферы действия данных положений не соответствовало бы их предмету и целям. В этой связи указанные положения скорее направлены на освобождение государств-участников от обязанности подвергать уголовному преследованию торговцев наркотиками только при условии их экстрадиции в государства, которые будут согласны осуществить такое преследование и фактически исполнят экстрадицию.

В связи с широким распространением психотропных веществ и направленностью Единой конвенции 1961 г. на противодействие незаконному обороту только наркотических средств была принята Конвенция о психотропных веществах 1971 г. (далее – Конвенция 1971 г.).

В соответствии со ст. 22(2)(а)(iv) серьезные правонарушения, совершенные либо гражданами данной страны, либо иностранцами, преследуются Стороной, на территории которой совершено данное правонарушение, или Стороной, на территории которой обнаружен правонарушитель, если выдача недопустима по законам Стороны, к которой обращена соответствующая просьба, и если этот правонарушитель еще не подвергся судебному преследованию и приговор по его делу еще не выносился.

Исполнение положений рассматриваемой статьи ограничивается действием защитительной оговорки, сформулированной в вводной части статьи. Согласно защитительной оговорке государства-участники не обязаны расследовать преступления в сфере незаконного оборота психотропных веществ, если они не являются серьезными и внутреннее право государств-участников не предусматривает расширения экстерриториальной юрисдикции. При этом государства-участники не могут ссылаться на защитительную оговорку как основание от освобождения от названного обязательства в случае, если преступление является серьезным и государство-участник расширяет экстерриториальную юрисдикцию за аналогичные по серьезности преступления.

Рассматриваемое положение обязывает государства-участники устанавливать и осуществлять юрисдикцию в отношении своих граждан и иностранцев, совершивших серьезные преступления на их территории. Статья не содержит определения, какие преступления являются серьезными, но подразумевается, что у государств-участников отсутствует обязательство расследования преступлений, не относящихся к категории серьезных.

Согласно рассматриваемому обязательству, государство-участник должно или задержать подозреваемого на своей территории, или обеспечить

его экстрадицию в другое государство. Исходя из телеологического толкования нормы, государство-участник обязано добиваться экстрадиции во всех случаях, когда подозреваемый не был подвергнут уголовному преследованию, осуждению, наказанию или применению мер медицинского характера.

В середине 1980-х гг. растущая обеспокоенность в отношении международного незаконного оборота наркотических средств привела к переговорам о разработке нового международного договора. Международное сообщество признало, что незаконный оборот наркотических средств перешагнул национальную юрисдикцию, что требовало усиления сотрудничества между странами [11, с. 25]. В этой связи Конвенция 1988 г. традиционно рассматривается как один из самых детализированных и эффективных инструментов международного уголовного права.

Согласно ст. 4(1)(а) Конвенции 1988 г., государства-участники обязаны устанавливать юрисдикцию в отношении преступлений, предусмотренных ст. 3(1), совершенных на их территории и на борту судна, несущего их флаг, или воздушного судна, зарегистрированного в соответствии с их законами. Тем самым данное положение об установлении юрисдикции основывается на принципе территориальности и распространения юрисдикции на суда и самолеты государств-участников.

В отличие от ст. 6 Конвенции 1988 г., где говорится об осуществлении юрисдикции при расследовании и экстрадиции, рассматриваемое положение обязывает государства-участники только установить свою юрисдикцию. В ходе обсуждения данного положения на Конференции 1988 г. представители государств-участников в своем большинстве поддержали точку зрения об указании во вводной части только обязательства по установлению, а не осуществлению юрисдикции. Так, представитель Болгарии настоятельно рекомендовал указать во вводной формулировке только на обязанность установления юрисдикции, подчеркивая, что это является основополагающим вопросом, решение которого влечет осуществление ряда других действий [12, с. 208].

Распространение юрисдикции на морские и воздушные суда государств-участников осуществляется на основании принципа квазитерриториальности. Согласно ст. 91 Конвенции ООН по морскому праву, суда имеют национальность того государства, под флагом которого они имеют право плавать. В соответствии со ст. 17 Конвенции ООН о международной гражданской авиации воздушные суда имеют национальность того государства, в котором они зарегистрированы.

Указанный способ расширения юрисдикции является *sui generis* формой юрисдикции, аналогичной территориальной юрисдикции. Ряд охранительных конвенций, включая Конвенцию 1988 г., наделяет названные общие обязательства специфическим содержанием, обязывая государства-участники устанавливать юрисдикцию в от-

ношении определенных категорий преступлений, совершенных на их морских и воздушных судах. Особенностью Конвенции 1988 г. является установление юрисдикции в отношении преступлений в сфере незаконного оборота наркотических и психотропных веществ не тем государством, в котором зарегистрировано морское судно, а государством, чей флаг морское судно несет.

Установление юрисдикции в соответствии со ст. 4(1)(b)(i) происходит на основании принципа активного гражданства (национальности). Особенно большое значение данный принцип имеет в странах с континентальной системой права, в отличие от стран общего права, отдающих приоритет принципу территориальности. О значимости принципа национальности для стран с континентальной системой права свидетельствует тот факт, что они по общему правилу отказывают в экстрадиции своих граждан.

Согласно ст. 4(1)(b)(ii) Конвенции 1988 г. государства-участники имеют право осуществлять свою юрисдикцию в рамках положений ст. 17, регулирующей правовое сотрудничество государств-участников в ходе пресечения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ на море. В соответствии со ст. 17(3) Конвенции 1988 г. Сторона, имеющая разумные основания подозревать, что судно, осуществляющее свободу судоходства в открытом море, участвует в незаконном обороте, может просить разрешения государства флага принять надлежащие действия в отношении этого судна. Государство флага в случае указанных обстоятельств, а также при наличии договоров, соглашений и иных договоренностей может разрешить запрашивающему государству на основании ст. 17(4) высаживаться на это судно, производить его досмотр и в случае обнаружения доказательств участия в незаконном обороте принимать надлежащие меры в отношении этого судна, лиц и груза на борту.

Необходимо заметить, что ст. 4(1)(b)(ii) Конвенции 1988 г. расширяет потенциальную юрисдикцию государств-участников на любую часть открытого моря, а не только территориального моря, по сравнению с положениями Конвенции ООН по морскому праву. Так, согласно ст. 27(1)(d) последней конвенции уголовная юрисдикция прибрежного государства не должна осуществляться на борту иностранного судна, проходящего через территориальное море, для ареста какого-либо лица или производства расследования в связи с любым преступлением, совершенным на борту судна во время его прохода, за исключением следующих случаев: ... d) если такие меры необходимы для пресечения незаконной торговли наркотическими средствами или психотропными веществами.

Положения ст. 4(1)(b)(iii) направлены на предоставление возможности установления юрисдикции в отношении деяний, совершенных на территории других государств-участников и представляющих собой неоконченные преступления или являющихся различными формами соучастия.

Тем самым ст. 4(1)(b)(iii) позволяет государству-участнику производить расширение юрисдикции в вышеуказанных случаях, когда эти деяния осуществляются с намерением совершить преступления, предусмотренные ст. 3(1), на территории этого государства-участника. Установление такой юрисдикции с доктринальной точки зрения происходит на основании принципа объективной территориальности или «принципа последствий» (effect principle).

Положения ст. 4(1)(b)(iii) Конвенции 1988 г. позволяют устанавливать государствам-участникам экстерриториальную юрисдикцию в отношении неоконченных или совершенных в соучастии преступлений, когда они были направлены (имелось намерение) на осуществление деяний в границах их территории.

В соответствии со ст. 4(2)(а) государство-участник должно установить юрисдикцию в отношении правонарушений, предусмотренных ст. 3(1), когда предполагаемый правонарушитель находится на его территории, если оно отказало в его экстрадиции или сделало бы так, если бы запрос был сделан.

Нормы ст. 4(2)(а), взятые в системе с нормами ст. 6(9), составляют содержание обязательства *aut dedere aut judicare*, на основании которого устанавливается юрисдикция. Однако в отличие от других охранительных конвенций, в которых применяется универсальная юрисдикция при отказе в экстрадиции, рассматриваемое положение ограничивает применение обязательства *aut dedere aut judicare* двумя случаями. Во-первых, при отказе в экстрадиции указанное обязательство применяется, когда преступление совершено на территории государства-участника или на борту судна, несущего его флаг, или воздушного судна, зарегистрированного в соответствии с его законодательством в момент совершения преступления. Во-вторых, установление юрисдикции в соответствии с рассматриваемым обязательством должно производиться, если подозреваемый является гражданином государства-участника, отказавшего в его экстрадиции. В иных случаях отказ от выдачи подозреваемого не ведет к обязательному установлению юрисдикции государством-участником и проведению им расследования.

Положения ст. 4(2)(а)(i), обязывающие государства-участники устанавливать юрисдикцию на основании нахождения подозреваемого на их территории и при отказе в его экстрадиции, так как преступление было совершено на их территории (включая морские и воздушные суда), фактически воспроизводят положения ст. 4(1)(а) об установлении юрисдикции на основании принципа территориальности (включая морские и воздушные суда). При этом нормы ст. 4(1)(а) имеют более широкий характер, так как не требуют для своего применения ни отказа в экстрадиции, ни присутствия подозреваемого на соответствующей территории. Однако такого совпадения норм удастся избежать, если воспользоваться их системным толковани-

ем, предложенным делегацией Нидерландов на Конференции 1988 г. Согласно данному толкованию положения ст. 4(2)(а)(i) содержат основания установления юрисдикции, в то время как положения ст. 4(1)(а) указывают на основания отказа в экстрадиции, т. е. в результате осуществления уже установленной юрисдикции [13, с. 142]. В свою очередь, ст. 4(2)(а)(ii) обязывает стороны устанавливать юрисдикцию в отношении своих граждан при отказе в их экстрадиции по признаку гражданства, тогда как ст. 4(1)(b) придает установлению такой юрисдикции факультативный характер.

Положениями ст. 4(2)(b) предусмотрено факультативное установление юрисдикции государством-участником в случае, когда подозреваемый задержан на его территории и оно отказывается его экстрадировать по каким-либо причинам. Данные причины должны отличаться от тех, которые перечислены в ст. 4(2)(а) Конвенции 1988 г. Например, они могут включать ситуацию, когда подозреваемый может подвергнуться смертной казни или более суровому наказанию в запрашивающей стране, чем в запрашиваемой. Другими причинами могут быть опасения запрашиваемой страны, что подозреваемый после экстрадиции не будет фактически подвергнут уголовному преследованию или будет подвергнут слишком мягкому наказанию.

Рассмотрение вопросов установления экстерриториальной юрисдикции в охранительных конвенциях ООН в сфере незаконного оборота наркотических средств позволяет сделать следующие выводы.

1. Положения Конвенции 1961 г. предусматривают установление юрисдикции прежде всего на основании принципа территориальности, позволяя в ограниченном числе случаев руководствоваться принципом субсидиарной универсальности. При этом установление юрисдикции на основании принципа субсидиарной универсальности обуславливается возможностью применения защитительной оговорки. Рекомендательный характер юрисдикционных норм Конвенции 1961 г. не способствовал повышению эффективности борьбы с незаконным оборотом наркотических средств.

2. Основное достижение Конвенции 1971 г. заключается в расширении сферы правового регулирования за счет включения психотропных веществ. Однако нормы, посвященные установлению и осуществлению юрисдикции, претерпели мало изменений по сравнению с Конвенцией 1961 г. и опираются на принцип территориальности. Расширение территориальной юрисдикции возможно на основании обязательства *aut dedere aut judicare*, применяющегося с учетом конституционных ограничений, особенностей правовой системы и основных правовых принципов государств-участников.

3. Правовое регулирование вопросов установления и осуществления юрисдикции получило свое развитие в Конвенции 1988 г. Государства-участники получили возможность устанавливать

юрисдикцию в отношении преступлений: 1) совершенных их гражданами или лицами, постоянно проживающими на их территории; 2) совершенных на борту судна за пределами территориального моря; 3) являющихся сговором за пределами их территорий с целью осуществления преступных деяний на их территории. В то же время Конвенция 1988 г., признавая различные концептуальные ос-

нования для установления юрисдикции, не содержит норм, предусматривающих способ разрешения конфликта юрисдикций. В Конвенции 1988 г. не нашли своего разрешения два конфликтующих подхода стран континентального и общего права в отношении применения обязательства *aut dedere aut judicare* при установлении экстерриториальной юрисдикции.

Библиографический список

1. World Drug Report 2023, UNODC. URL: https://www.unodc.org/res/WDR-2023/WDR23_Exsum_fin_DP.pdf (дата обращения 23.12.2024).
2. Boister N. *An Introduction to Transnational Criminal Law*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 352 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=fUMaMxLpmpAC&hl=ru>.
3. Mann F. *The Doctrine of Jurisdiction in International Law* // The Hague Academy Collected Courses Online. 1964. Vol. III. P. 1–162. DOI: <https://doi.org/10.1163/ej.9789028614826.001-162>.
4. Advisory Opinion No. 4, *Nationality Decrees Issued in Tunis and Morocco*, 4, Permanent Court of International Justice, 7 February 1923. URL: <https://www.refworld.org/jurisprudence/caselaw/pcij/1923/en/20991> (дата обращения 23.12.2024).
5. Bassiouni M. *International extradition: United States law and practice*. Oxford: Oxford University Press, Sixth edition, 1328 p. Available at: <https://books.google.ru/books?id=U0CeAgAAQBAJ&hl=ru>.
6. Kenneth S. Gallant. *International Criminal Jurisdiction: Whose Law Must We Obey?* Oxford: Oxford University Press, 2021. 808 p.
7. Permanent Court of International Justice *SS Lotus (France v Turkey)* // PCIJ. Ser A. No. 10 (1927). P. 17–18. URL: <https://opencasebook.org/casebooks/6083-federal-criminal-law/resources/1.2.2-case-of-the-ss-lotus-france-v-turkey-pcij-1927>.
8. Каюмова А. Р. Уголовная юрисдикция в международном праве: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2016, 21 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/ugolovnaya-yurisdiksiya-v-mezhdunarodnom-prave-voprosy-teorii-i-praktiki/read>.
9. Fletcher A. *Pirates and Smugglers: An Analysis of the Use of Abductions to Bring Drug Traffickers to Trial* // Virginia Journal of International Law. 1991. Vol. 32, issue 1. P. 233–264. URL: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/pirates-and-smugglers-analysis-use-abductions-bring-drug>.
10. Geraghty H. *Universal Jurisdiction and Drug Trafficking: A Tool for Fighting One of the World's Most Pervasive Problems* // Florida Journal of International Law. 2004. Vol. 16, issue 2. Article 4. URL: <https://scholarship.law.ufl.edu/fjil/vol16/iss2/4>.
11. *Research Handbook on International Drug Policy*. Edited by David R. Bewely-Taylor, Khalid Tinasti. UK: Edward Elgar Publishing, 2020. 424 p. URL: <https://www.e-elgar.com/shop/gbp/research-handbook-on-international-drug-policy-9781788117050.html>.
12. Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Официальные отчеты. Т. 2. 415 с. URL: https://www.unodc.org/pdf/convention_1988_ru.pdf.
13. United Nations Conference for the Adoption of a Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances. Vienna, 25 November – 20 December 1988. Official Records. Vol. II. 353 p. URL: <https://www.un.org/en/conferences/drug/vienna1988>.

References

1. World Drug Report 2023, UNODC. Available at: https://www.unodc.org/res/WDR-2023/WDR23_Exsum_fin_DP.pdf. (accessed 23.12.2024).
2. Boister N. *An Introduction to Transnational Criminal Law*. Oxford: Oxford University Press, 2012, 352 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=fUMaMxLpmpAC&hl=ru>.
3. Mann F. *The Doctrine of Jurisdiction in International Law* // The Hague Academy Collected Courses Online, 1964. Vol. III. P. 1–162. DOI: <https://doi.org/10.1163/ej.9789028614826.001-162>.
4. Advisory Opinion No. 4, *Nationality Decrees Issued in Tunis and Morocco*, 4, Permanent Court of International Justice, 7 February 1923. Available at: <https://www.refworld.org/jurisprudence/caselaw/pcij/1923/en/20991> (accessed 23.12.2024).
5. Bassiouni M. *International extradition: United States law and practice*. Oxford: Oxford University Press, Sixth edition, 1328 p. Available at: <https://books.google.ru/books?id=U0CeAgAAQBAJ&hl=ru>.

6. Kenneth S. Gallant. *International Criminal Jurisdiction: Whose Law Must We Obey?* Oxford: Oxford University Press, 2021, 808 p.
7. Permanent Court of International Justice *SS Lotus (France v Turkey)*. PCIJ, Ser A, No. 10 (1927), pp. 17–18. Available at: <https://opencasebook.org/casebooks/6083-federal-criminal-law/resources/1.2.2-case-of-the-ss-lotus-france-v-turkey-pcij-1927>.
8. Kayumova A. R. *Ugolovnaya yurisdiksiya v mezhdunarodnom prave: voprosy teorii i praktiki: avtoreferat dis. ... d-ra yurid. nauk* [Criminal jurisdiction in the international law: issues of theory and practice: author's abstract of Doctoral of Law's thesis]. Kazan, 2016, 21 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/ugolovnaya-yurisdiksiya-v-mezhdunarodnom-prave-voprosy-teorii-i-praktiki/read> [in Russian].
9. Fletcher A. Pirates and Smugglers: An Analysis of the Use of Abductions to Bring Drug Traffickers to Trial. *Virginia Journal of International Law*, 1991, vol. 32, issue 1, pp. 233–264. URL: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/pirates-and-smugglers-analysis-use-abductions-bring-drug>.
10. Geraghty H. Universal Jurisdiction and Drug Trafficking: A Tool for Fighting One of the World's Most Pervasive Problems. *Florida Journal of International Law*, 2004, vol. 16, issue 2, Article 4. URL: <https://scholarship.law.ufl.edu/fjil/vol16/iss2/4>.
11. Research Handbook on International Drug Policy. Edited by David R. Bewely-Taylor, Khalid Tinasti. UK: Edward Elgar Publishing, 2020, 424 p. Available at: <https://www.e-elgar.com/shop/gbp/research-handbook-on-international-drug-policy-9781788117050.html>.
12. *Konferentsiya Organizatsii Ob»edinennykh Natsii dlya prinyatiya Konventsii o bor'be protiv nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv. Ofitsial'nye otchety* [Conference of the United Nations Organization for the Adoption of the Convention on the Fight Against the Illegal Circulation of Narcotic Drugs and Psychedelic Substances. Official Reports]. Vol. 2, 415 p. Available at: https://www.unodc.org/pdf/convention_1988_ru.pdf [in Russian].
13. United Nations Conference for the Adoption of a Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances. Vienna, 25 November – 20 December 1988. Official Records, Vol. II, 353 p. Available at: <https://www.un.org/en/conferences/drug/vienna1988>.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ REQUIREMENTS TO THE DESIGN OF ARTICLES

Для публикации научных работ в журнале «Юридический вестник Самарского университета *Juridical Journal of Samara University*» принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое (внутреннее) рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Правила оформления

Текст статьи

- Статья предоставляется на русском или английском языке в печатном (формат А4) и электронном (по эл. почте) видах.
- Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.
- Название работы, список авторов в алфавитном порядке (ФИО, место работы, индекс и адрес места работы, должность, электронная почта), аннотация, ключевые слова, библиографический список, названия таблиц и рисунков должны быть представлены на русском и английском языках.
- Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или rtf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
- Объем основного текста не должен превышать 25 страниц.
- Рисунки и таблицы предполагают наличие названия и сквозную нумерацию.
- Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по порядку цитирования после основного текста. Допускается не более 20–30 источников.
- Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [14, с. 28]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.
- References оформляется в соответствии с *American Psychological Association (APA) Style*.

Графика

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат TIF.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Формулы

- Единицы измерения следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- В статье приводятся лишь самые главные, итоговые формулы. Набор формул производится в редакторе формул Microsoft Equation с параметрами: обычный – 14, крупный индекс – 9, мелкий индекс – 7, крупный символ – 20, мелкий символ – 14.
- Вставка в текст статьи формул в виде графических объектов недопустима.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.

ШАБЛОН ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

DOI: 10.18287/2542-047X-2025-11-X-XX-XX

**НАУЧНАЯ СТАТЬЯ**

УДК 340.13

Дата поступления XX.XX.2025
рецензирования: XX.XX.2025
принятия: XX.XX.2025

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

В. В. ИвановСамарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: smy@samaradom.ru

Аннотация – не менее 250–300 слов: В статье дан краткий исторический экскурс правовой институционализации гражданского общества в США. Делается вывод, что существующие организационные формы и практики деятельности некоммерческого сектора – результат совмещения укорененной в американском обществе традиции филантропии и гражданского участия с государственной политикой по поддержке определенных направлений деятельности некоммерческого сектора. В разные периоды американское государство использовало различные инструменты для направления добровольческой активности и благотворительных капиталов в публично важные сферы деятельности. В настоящий момент американское общество находится в процессе постоянного экспериментирования с правовой формой и статусом организаций некоммерческого сектора, которые были бы способны вобрать в себя преимущества всех трех главных секторов: государства, бизнеса и общества.

Ключевые слова: гражданское общество; некоммерческая организация; налоговые льготы; публичные социальные услуги; благотворительный фонд; государство всеобщего благосостояния.

Благодарности. Статья подготовлена...

Цитирование. Иванов В. В. Название статьи // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2025. Т. 11, № X. С. XX–XX. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-X-XX-XX>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Иванов В. В., 2025

Виктор Валерьевич Иванов – звание, должность, кафедра, место работы, адрес места работы в формате: 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40.

SCIENTIFIC ARTICLESubmitted: XX.XX.2025
Revised: XX.XX.2025
Accepted: XX.XX.2025

ARTICLE TITLES

V. V. IvanovSamara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: smy@samaradom.ru

Abstract: The article offers the brief historical excursion of legal institutionalization of civil society in USA. The article concludes that existent organizational forms and practices of activity of noncommercial sector are the result of combination between embedded traditions of philanthropy and civil engagement in American society and the state policy to support some directions of activity of non-profit sector. The American government made use of different tools to turn voluntary activity and philanthropy funds to major public spheres in various ages. Now the American society is in the process of permanent experimentation with the legal form and status of non-profit sector's organizations which would be able to absorb advantages of all three major sectors: the state, the business and the society.

Key words: civil society, non-profit organization, tax privileges, public social services, charity foundation, welfare state.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Samara Region within the framework of the research project № 18-411-630004 «Specific historical forms of corruption in the Moscow state (XV–XVI centuries)».

Citation. Ivanov V. V. *Pravovaya institutsionalizatsiya grazhdanskogo obshchestva v SShA (istoricheskii aspekt)* [Legal institutionalization of civil society in the USA (historical aspect)]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* Juridical Journal of Samara University, 2025, Vol. 11, no. X, pp. XX–XX. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-X-XX-XX> [in Russian].

Information on the conflict of interests: author declared no conflict of interest.

© Иванов В. В., 2025

Виктор В. Иванов – senior lecturer of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ТЕКСТ СТАТЬИ Ссылки в тексте [1; 4] или [1–6; 16, с. 12–14].

Библиографический список по порядку цитирования (с указанием DOI, URL)